

ВОКРУГ ГЛОБУСА

2 1983
ФЕВРАЛЬ

ВОКРУГ СВЕТА

№ 2 ФЕВРАЛЬ 1983

НАУЧНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ЦК ВЛКСМ

ПУТЕШЕСТВИЙ, ПРИКЛЮЧЕНИЙ И ФАНТАСТИКИ

Журнал основан в 1861 году

В. СУХОДОЛЬСКИЙ — На земле, в небесах и на море ...	2-я стр. обл.
СТАНИСЛАВ ЛАЗУРКИН — Белый вертолет	2
ИВАН ЩЕДРОВ — Золотая долина Бамиана	6
Новости экологии	11
НИКОЛАЙ ОРЛОВ — Главная битва танкиста (К 40-летию победы под Сталинградом)	12
Анкета. Наш герой	17
В. ВОРОНЦОВ — Венецейский полдень	18
А. ЛОПУХИН — В Ольстере без перемен	22
В. ОРЛОВ — Ищите нас на Чукочьей	27
А. А. СИДЬКО — Зеленые стрелы Устюрта	31
ВАДИМ ЧУДОВ — Согласие времен	32
АЛЕКСАНДР МАЛИНОВ — Страницы тибетского атласа	36
ВАЛЕРИЙ ИВЧЕНКО — Кирзики	40
В. ЛЕБЕДЕВ — Солнечный ветер	42
С. В. ВЕЙИСОВ — Каракумский эталон	44
Б. СИЛКИН — Вслед за искателями кладов...	48
ДИТЕР КОППЕЧ — Первые восходы	50
ДЖО ХОЛДЕМАН — Подлежит расследованию	53
ВЛ. КУДИНОВ — Незаменимая верная кэлли	59
Пестрый мир	62
Листая старые страницы	63
В. НИКИТИН — Трудоустройство	64
Л. ОЛЬГИН — Пока не пошли дожди	64

На первой странице обложки: СОВЕТСКИЙ СОЮЗ. Волгоград. Мамаев курган. Идут и идут сюда люди поклониться мужеству воинов-героев, одержавших победу над фашистскими полчищами в Сталинградской битве — битве, которая явилась началом коренного перелома в Великой Отечественной войне.

Фото В. ИВАНОВА

Главный редактор А. В. НИКОНОВ

Члены редакционной коллегии:

В. И. АККУРАТОВ, А. В. ГУСЕВ, Р. Ф. ИТС, М. М. КОНДРАТЬЕВА, В. Л. КУДРЯВЦЕВ, В. А. ЛЕБЕДЕВ (заместитель главного редактора), В. А. ПРИВАЛОВ (ответственный секретарь), Е. М. РЫБИНСКИЙ, Ю. А. СЕНКЕВИЧ, О. И. СОКОЛОВ, Е. В. ХРУНОВ, Л. А. ЧЕШКОВА, В. М. ЧИЧКОВ

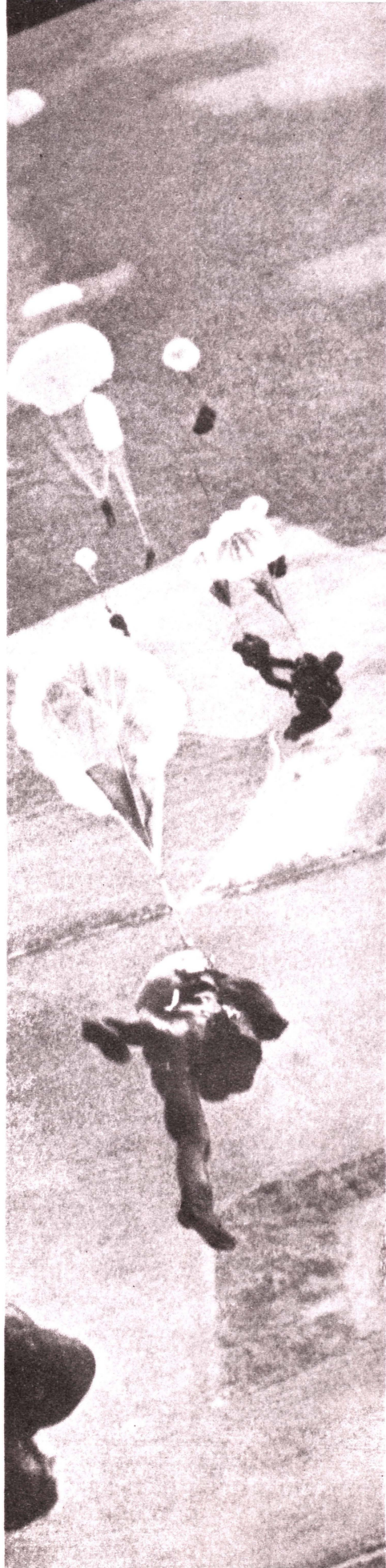
Оформление А. Гусева и Т. Гороховской

Рукописи не возвращаются

Технический редактор А. Бугрова

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

«Вокруг света», 1983 г., № 2, 1—64, издательство «Молодая гвардия». Индекс 70142

НА ЗЕМЛЕ, В НЕБЕСАХ И НА МОРЕ...

Наша армия и флот, советские воины, верные боевым традициям старших поколений — героев гражданской и Великой Отечественной, всегда готовы защищать Родину и мирный труд своего народа.

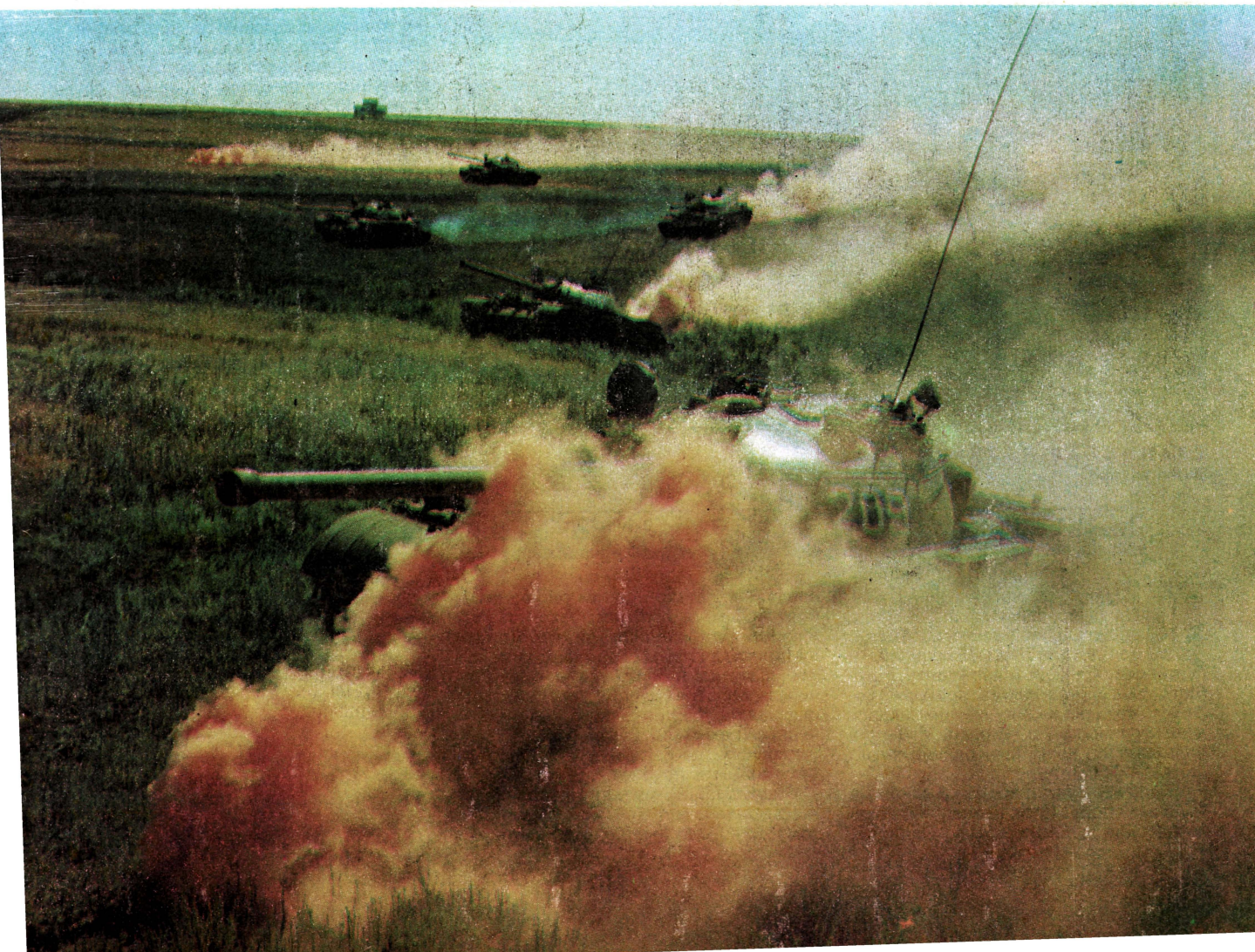
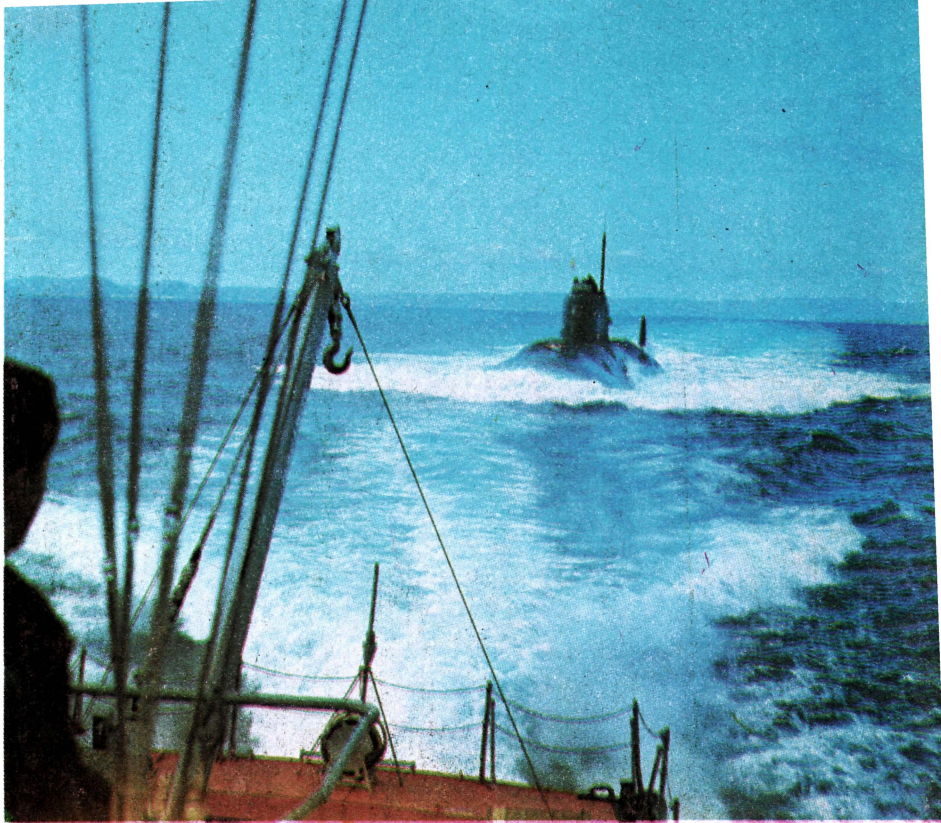
По сигналу «сбор» уходят в ночь танкисты, мотострелки, артиллеристы.

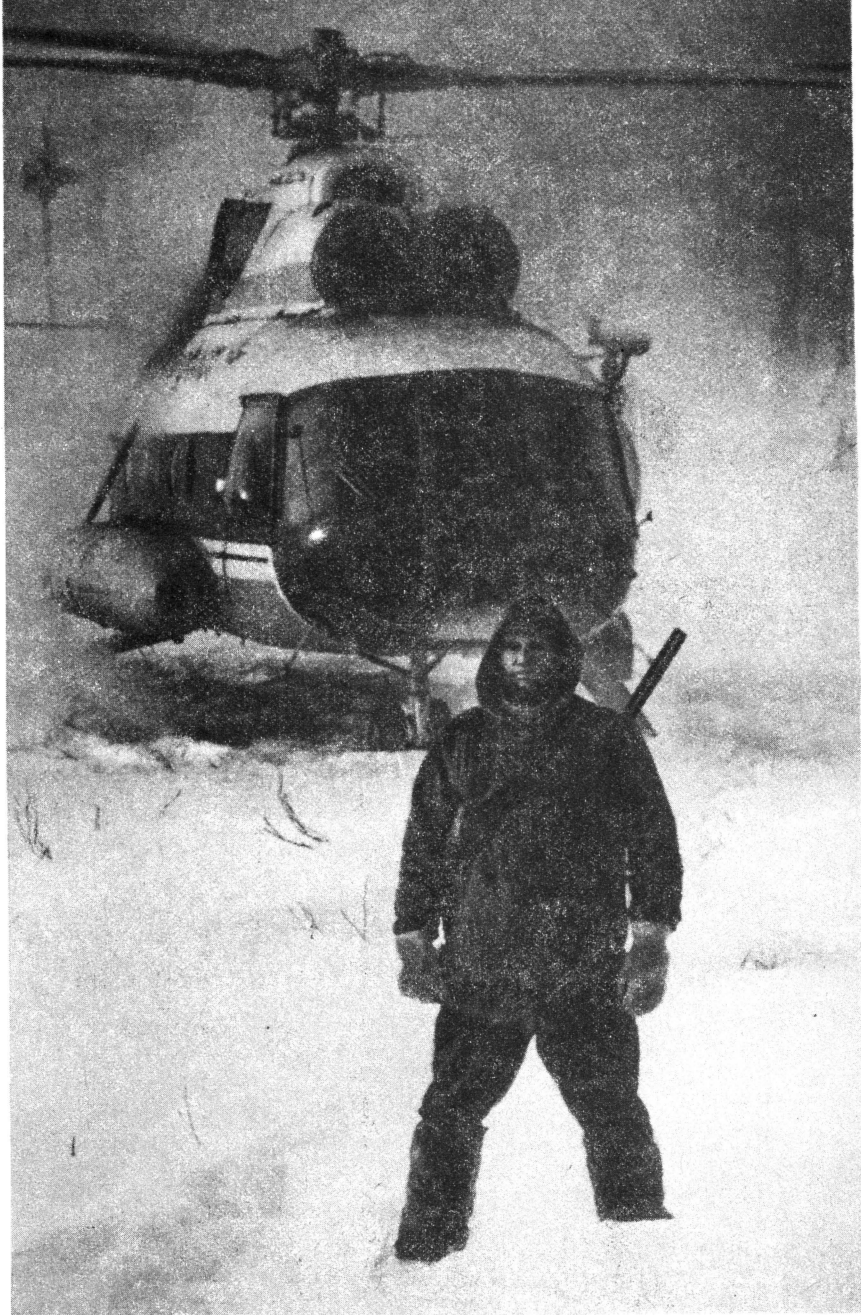
Совершают учебные плавания в океане подводные лодки.

Совершают длительные марши десантники, поднимаясь в неприступные горы, спускаясь на парашютах в тыл «противника».

В любую минуту летчики-истребители готовы поднять свои машины для перехвата цели, для защиты мирного неба.

**Подполковник-инженер
В. СУХОДОЛЬСКИЙ**
Фото автора

СТАНИСЛАВ ЛАЗУРКИН
Фото автора

БЕЛЫЙ ВЕРТОЛЕТ

На Нюрбу самолеты не летали. Не было рейсов и на Якутск, не летали на Ленск и на Айхал, не летали на Полярный и Удачный. Стояли в аэропорту Мирного, как пароходы на приколе, потому что река Вилюй покрылась густым туманом и Мирный, стоящий неподалеку, тоже был окутан туманом.

Я все это знал и все-таки торопился в аэропорт. Едва вышел из гостиницы, как горло обожгло ледяным

воздухом. Было такое ощущение, будто глотнул кипятка. Уже позже, в аэропорту, мне сказали, что мороз в Мирном достиг 62 градусов. А пока что я стоял в автобусе и смотрел через лобовое стекло на желтый снег: автобус ехал с четырьмя включенными фарами. Туман был густым и плотным, но каким-то непривычно хрустящим и ломким.

В двухэтажном здании аэровокзала скопилось много народу. Судя по тому, как люди были одеты, я понял,

что они ожидают северных рейсов, или, как здесь говорят, — якутских полетов. То были строители, геологи, охотники. У большинства на ногах были торбаса или унты, кое у кого — валенки. На руках у многих — большие свободные варежки на меху. И шубы тоже меховые: у кого из оленьей шкуры, у кого из волчьей. Шубы были неладно скроены и не очень умело пошиты, но зато добротные — теплые и крепкие.

В общем, люди ждали своего часа: те, кто смог поудобнее устроиться, — дремали, другие ругали погоду или молча стояли в очереди у буфета. Курить выходили в тамбур, и тогда каждый первым делом поглядывал на небо. А небо лежало низко над головой и было густо-серым, беззвездным.

Нас же такая погода устраивала: пилотов — как профессионалов, меня — как журналиста, прилетевшего посмотреть работу вертолетчиков.

Мы летели к охотникам, метеорологам, геофизикам. Это был мой третий полет за три дня. Вчера доставили девять бочек с бензином геофизикам на профиль, а у них забрали пустую емкость. А позавчера летал, правда, с другим экипажем, к метеорологам и рыбакам. Наши полеты входили в разряд проверочных: когда погода неважная, а заданный маршрут сложный. Хорошему пилоту не столь уж трудно долететь до заданного района, а вот сесть там и потом взлететь — дело нелегкое. Мешает снежный вихрь.

Вчера, несмотря на все попытки, мне так и не удалось сделать фотографии. Хотелось запечатлеть профессиональных охотников, их жилье в тайге, рыбаков. Они ловят рыбу подо льдом и потом сдают ее в поселок Чернышевский на рыбозавод. Мечтал я сфотографировать и снежный вихрь. Но мне не везло. Сначала лопнула от мороза пленка, потом промерзли шторки на «Зените», потом стекло объектива забил снег, летевший от винта... Сейчас, припомнив эти неудачи, я достал из сум-

ки фотоаппарат, чтобы еще раз проверить, все ли в нем в порядке. Ко мне подошел второй пилот Александр Ушаков. О нем я много слышал. Рассказывали, что Александр яхтсмен. Кандидат в мастера спорта. И модели судов сам мастерит. В Мирном летает около 15 лет.

Разговаривать в салоне вертолета трудно. Шум от двигателя заглушает слова, и Александр прокричал мне в ухо:

— Это злые снега. — Он, видимо,

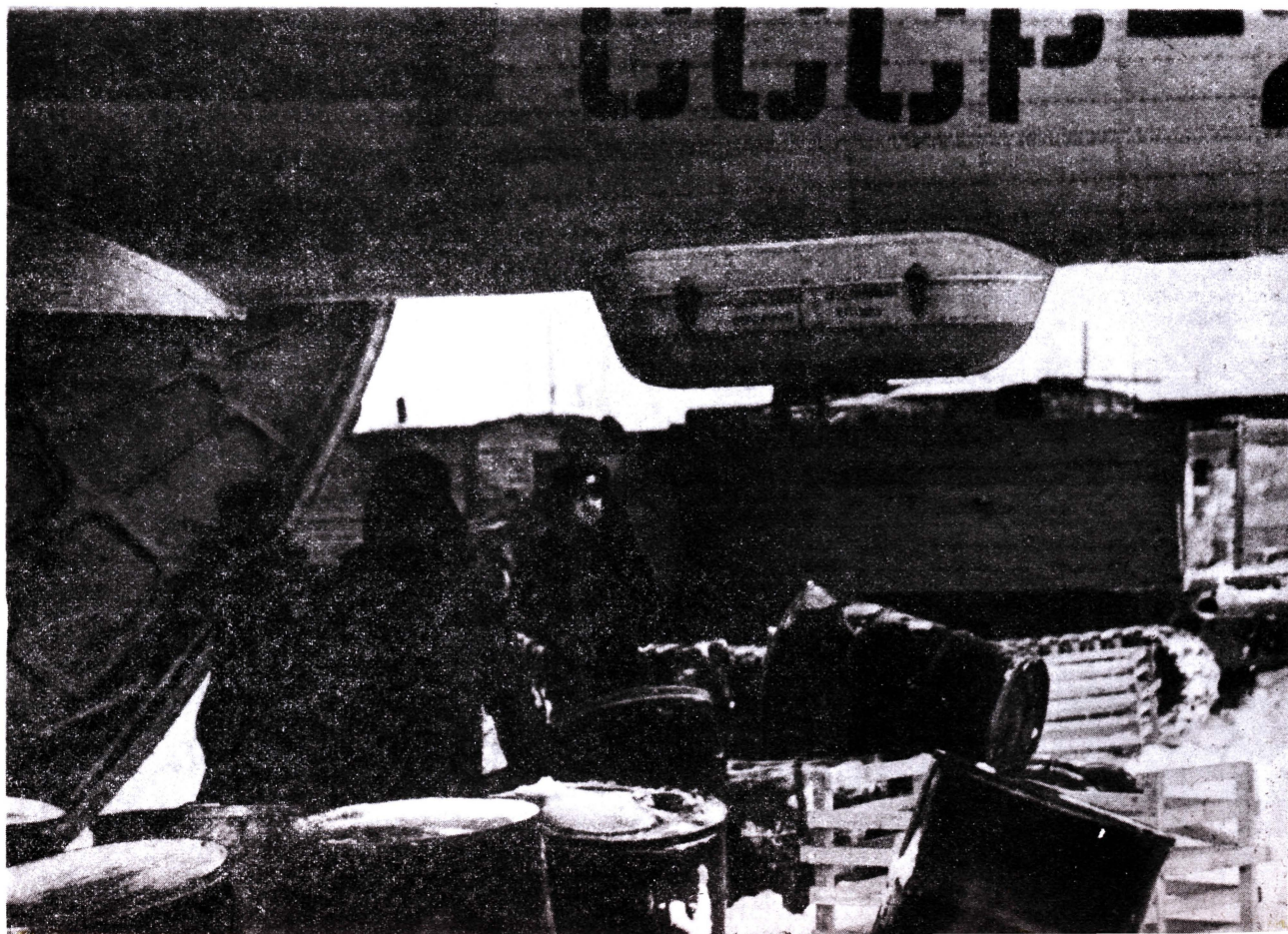
тоже запомнил мою вчерашнюю неудачу со съемкой. — Ничего, мы сегодня обманем снег. — Александр рассмеялся, вытащил из планшета карту местности и принялся что-то отмечать на ней карандашом.

Чтобы не отвлекать его от дела, я прильнул к иллюминатору. Мы летели на высоте тысячи метров, иногда опускались ниже, и земля была отчетливо видна. Куда ни помотришь — снега да снега. Много лиственниц лежит на снегу. Деревья побил мороз, и они погибли. Пейзаж унылый, холодный, черно-белый. Внезапно я увидел крупного лося. Видимо, сохатый пришел к водою — он стоял на замерзшей реке, низко опустив голову...

— Лахарчана, Сапа! — крикнул кто-то из кабины Ушакову.

— Что это значит? — поинтересовался я.

— Лахарчана — река. Здесь я когда-то разбил машину... В те годы летал командиром экипажа Ми-8. Как-то в зимний день забрал из тайги геологов. Поднялся, завис над рекой — ничего не вижу, вокруг кабины крутится снежный вихрь. Посмотрел на высотомер — стрелка прибора застыла у отметки 20. Тогда решил лететь вперед и врезался в крутой берег Лахарчаны. Люди остались целы и невредимы, но от работы меня отстранили. Два года не летал, работал плотником в мастерских аэропорта.

Это злые снега,— снова сказал Александр и поспешил к кабине пилотов: вертолет снижался и заходил на первую посадку. Я посмотрел в открытую дверь кабины. Там, в кресле слева, сидел командир экипажа Роман Ибрагимов. Место второго пилота занимал командир мирненского авиаотряда Михаил Максимов. В воздух он поднялся как инструктор. На борту был еще круглолицый толстяк Юрий Мирошник, старший штурман летного отряда. Но в этом полете Юрий был рядовым членом экипажа. Перед нашим полетом Юрий сделал пассажирский рейс в Новосибирск и привез оттуда товарищам три ящика мороженого. Мороженое в Мирном не изготавливают, и, как в шутку говорили пилоты, за этот поступок Юрия взяли с собой в проверочный полет. Бортмеханик Леонид Радченко сидел на откидном стуле посредине кабины, как раз между первым и вторым пилотами.

— Роман, сделай-ка еще круг,— сказал Максимов.— Будем садиться. Внизу я увидел избушку. Она сиротливо стояла на берегу Чоны, как раз в том месте, где берег полуострова вдавался в русло реки. Из трубы жилища струился дымок. А кругом хвойная тайга — сосны да лиственницы. И только в одном месте, метрах в ста пятидесяти от избы, я разглядел белый квадрат без единого кустика. Это была посадочная площадка. Без нее в тайге не проживешь. Прежде чем дом срубить, охотник сделает площадку. Ровное место выберет, свалит бензопилой десяток-другой тонкоствольных деревьев, очистит их от ветвей и сучков, а потом ствол к стволу аккуратно уложит, закрепит. По углам красные флажки расставит, чтобы площадка с воздуха заметнее была,— и дело сделано.

Вертолет завис в воздухе и затем начал медленно снижаться. Кругом белым-бело.

— Зацепись глазом за темный предмет на площадке,— посоветовал Роману Максимов.

— Вижу!..

Я тоже заметил черную точку, на которую ориентировались пилоты. Когда до земли оставалось не более 10 метров, с площадки сорвались языки снежной пыли, поднятые потоком воздуха от винта, и через несколько секунд они добрались до вертолета. Вот он, снежный вихрь... В кабине стало темнее. Избушки, деревьев и площадки не было видно. Вертолет завис на полминуты, может быть, чуть меньше в этом белом облаке. А когда просветлело и все посмотрели вниз, то увидели, как, проваливаясь в снег, к избе бежал со всех ног человек, руками придерживая на голове ушанку. За ним, прижав уши, мчалась собака. Человека и собаку догонял снежный вихрь. И чтобы снег не успел со-

браться и вернуться к вертолету, нужно было садиться как можно быстрее.

Бортмеханик резко открыл входную дверь. Салон вертолета наполнился морозным воздухом, ледяной ветер обжег лицо.

— Быстрее, Леонид,— крикнул из кабины Максимов.

Шасси вертолета коснулось посадочной площадки, и бортмеханик спрыгнул на землю. Он уткнулся лицом в меховую кашпошон своей куртки и так стоял, переминаясь с ноги на ногу, пока не убедился, что площадка подготовлена, что вертолет не провалится. Леонид махнул пилотам рукой, и мы сели. Двигатель не выключали, он работал на малых оборотах. Неподалеку от избушки лежали мешки со свежемороженым мясом сохатого.

— Можем сделать снимок,— предложил Александр.

— Обманем злой снег? — вспомнил я.

— Надо бы! Юрий, помощи,— позвал штурмана Александр.

Они развернули темно-зеленую брезентовую палатку, и мы втроем выпрыгнули из вертолета. Отшли немного в сторону. В спину дул крепкий ветер, за поднятый воротник сыпал снег. Когда мы повернулись, то увидели, что у вертолета, широко расставив ноги, стоит охотник. Александр и Юрий растянули в руках сложенную пополам палатку, и, укрывшись за брезентом от снежного вихря, я приготовил аппарат. Потом они приподняли палатку — и снимок был сделан. Довольные своей нехитрой выдумкой, мы поднялись в вертолет. Там, облокотившись на мешки, уже сидел охотник. Рядом он положил широкие лыжи и карабин. Да еще прихватил на борт собаку. От ветра лицо охотника стало красным, в бороде поблескивал снег. И теперь, сидя в тепле, он обтирал рукавом ватной куртки мокрое лицо и довольно улыбался.

Стояли мы недолго, но снег успел скопиться вокруг площадки, и сейчас, запустив на полные обороты двигатель, пилоты ждали, когда ветер от лопастей винта разгонит снежную пыль. Оторвавшись от земли, чуточку повисели на одном месте. Потом еще и еще раз и так, постепенно поднимаясь, оказались в чистом пространстве высоко над кронами деревьев. Свободно развернулись и улетели.

Проверочный полет спланировали так, что первая точка приземления была наиболее удалена от поселка Чернышевский, куда нужно было доставить охотников и рыбаков с мясом, пушиной, рыбой. Поэтому теперь мы летели в обратном направлении и по пути должны были сделать остановку на точке, где жили и работали метеорологи со своими

семьями. Для них мы везли продукты, медикаменты, почту, у них забирали собранные метеоданные.

Метеостанция стоит на полуострове Туой-Хая, а полуостров находится на Вильюиском водохранилище. Узкая полоса земли, открытая со всех сторон для ветра и снега. На Туой-Хая я побывал два дня назад и, как уже говорил, с другим экипажем. Но место это хорошо запомнил. Наверное, потому, что в тот день посадка здесь была трудной, а также потому, что Виктор Митько рассказал мне о случае, который произошел на этом полуострове. Митько — командир эскадрильи, а в предыдущем проверочном полете летал как инструктор.

Произошел этот случай как раз зимой. Ночью по радию вызвали из Туой-Хая вертолет. Сообщили, что у ребенка тяжелые ожоги. Полетел с врачом Митько. Полуостров нашел быстро, а вот сесть поначалу не мог. Долго снижался, а на 20-метровой высоте его все-таки достал снежный вихрь. Ничего и так не видно, а тут еще ночь: в лучах двух мощных фар вертолета снег блестит, отражает свет и слепит глаза. Внизу собрались люди, что-то громко кричат.

«Раздували мы тогда снег чуть ли не полчаса, сели благополучно, ребенка спасли», — вспоминал Митько.

«Почему именно этот случай запомнился ему?» — подумал я. Он летает в Якутии почти 15 лет. И полеты были у него не менее ответственные, чем этот. Митько делал рейсы с золотом на борту из Якутска, летал из Мирного в северные поселки, куда доставлял людям зарплату. Вот так, раздумывая, я и спросил у Митько об этом. И услышал:

— На Туой-Хая работали мои товарищи.

— А на реке Чона, помнишь, Виктор, мы летали туда к рыбакам, ведь у тебя тоже товарищи?

— И там товарищи,— согласился он и добавил: — Ну и что?

Я хорошо запомнил полет на берег Чоны потому, что как только мы приземлились и я спрыгнул на снег, где уже стояли три рыбака, то услышал: «Белый вертолет прилетел».

— Почему белый?

— Где там Митько? — спросили рыбаки, не ответив на мой вопрос.

Я удивился: откуда же они знают, что прилетел именно Митько? Потом мы зашли в избушку и сели возле железной печки. Стены избы были увешаны ружьями, сетями, а на модельных полках лежали патроны, старые, потрепанные журналы и газеты, стояли алюминиевые миски, пакчи с солью. В общем все, что необходимо людям для жилья в тайге. Здесь же стояли рация и транзисторный приемник. Для приемника Митько привез рыбакам новые батарейки.

— А лезвия для бриты не забыл, Виктор? — спросил один из рыбаков.

— Не забыл, — ответил Митько. — Я смотрю, у вас новые строения появились, — кивнул Виктор в сторону окна.

— Заметил? — порадовались рыбаки. — Помнишь, где рыбу-то хранили, прямо в снегу.

— Помню, но это только для зимы хорошо.

— Ну вот и решили сделать рыбохранилище. Теперь в леднике рыба может все лето лежать.

— Часто летаешь сюда? — спросил я у Виктора.

— Не очень. Я здесь прошлым летом отпуск провел. Охота прекрасная, рыбы много в реке. Ну и по хозяйству помогал ребятам.

— Так откуда же вы все-таки узнали, что Митько прилетел? — спросил я у рыбаков.

— Знаем хорошо его, сдружились, пока он жил у нас. Узнаем по почерку — так, что ли...

— А другие вертолетчики бывают у вас?

— Бывают, поэтому и узнаем.

— Это несложно, — сказал один из рыбаков. — Сидишь в тайге несколько месяцев и, кроме хруста веток, ничего не слышишь. Вертолет для нас событие, а еще думаешь: вдруг да товарищ летит? Ждешь... А снижаться начнет вертолет — смотришь за каждым его движением. Все летают по-разному, вот мы и присмотрелись к почерку каждого пилота.

— Виктор зимой не спешит приземлиться, — присоединился к разговору другой рыбак.

— Я заметил, что его вертолет зимой долго на одной точке висит, — добавил третий. — Весь белый, облеплен снегом, как ватой. И только когда ни одной снежинки около вертолета не останется, Виктор быстро садится.

В тот день Виктор забрал у ребят письма, и мы улетели.

...Вертолет сделал крутой вираж, и я понял, что снижаемся. Из кабины пилотов вышел бортмеханик и открыл входную дверь.

«Не рано ли?» — мелькнуло в голове.

Но все произошло в считанные секунды. Шасси вертолета коснулось твердой посадочной площадки, и Леонид спрыгнул на снег. К открытым дверям подбежал человек, ему передали пачку писем и газеты, которые лежали на скамейке в вертолете. А на их место поставили плотно закрытую железную коробку с мтеоданными. Леонид быстро поднялся в вертолет.

— Хитро! — радовался чему-то Александр.

— А чего же хитрого?

— А то, что обманули мы снег. Пока он к нам поднимался, мы уже сели. Потом он за нами вниз спускал-

ся, а мы быстренько взлетели. Теперь пусть себе злится.

В этот день мы совершили еще несколько посадок, и к концу дня Ми-8 заполнился свежемороженой рыбой и сохатиной. Бородачи — охотники и рыбаки, отложив в сторону ружья и лыжи, что-то возбужденно рассказывали друг другу. Они редко встречаются, и теперь им было о чем поговорить. Рядом с ними сидели лайки, посматривая вокруг хитрыми, как у лисы, глазами.

Темнело, и к четвертым часам дня мы уже были в аэропорту Чернышевского. Поселок находится в 120 километрах от Мирного. В нем всего 15 тысяч жителей. А славится он тем, что здесь выстроена на вечной мерзлоте Виллойская ГЭС. Она дает электричество Мирному, Ленску, Айхалу, Полярному.

Мы забрались в машину начальника аэропорта и через несколько

минут были в «Теремке». Так называется здешняя гостиница. Это небольшой, но чистый и уютный двухэтажный дом, деревянный, с резными узорами на крыше и стенах. В холле гостиницы на первом этаже стоял большой бильярдный стол, на нем лежали костяные шары. Кто-то не удержался и предложил сыграть на бильярде, но с условием, что проигравший пойдет в магазин и купит глубокую кастрюлю или ведро — мы решили сварить себе на ужин свежемороженой сохатины, которой с нами поделились охотники. Играть не пришлось, механик вызвался сам сходить в магазин. Вскоре он вернулся и принес кастрюлю да еще раздобыл где-то хлеба, картошки, соли и перца. Сварили сохатину, суп получился вкусный. Насытившись, закурили и разговорились.

«У вас на материке» — эти слова

часто слышались в разговоре и были для меня непривычны. Я спросил: — Почему вы говорите так, разве вы живете на острове?

— Географически — не на острове. Дело в быте, в житейской недоступности. Возьмите тех же охотников или рыбаков. До их жилья можно добраться только на вертолете.

— А в Мирный?

— И в Мирный тоже по воздуху. Потому-то и нужны проверочные и аварийно-спасательные полеты, срочные санитарные вылеты.

— А чем они отличаются от обычных?

Роман подумал, а потом ответил:

— Значимостью. Ну, скажем, летим по срочному вызову, — пояснил он. — Несчастный случай: медведь охотника задрал, или заболел кто-то тяжело. Ждать зимой погоды не будет. Вот мы и тренируемся...

Разговаривали допоздна. Ночью шел снег, мороз немного спал. А рано утром снег перестал, и температура опустилась до минус 60. Мы приехали в аэропорт, когда вертолет дозаправляли горючим. Он был здесь единственным, сиротливо стоял на жгучем морозе.

В вертолет подняли мотонарты «Буран». С нами летели еще два человека: бригадир таксидермистов и охотник-инспектор. Помимо «Бурана», у них были ружья и лайки. Этим людям предстояло высадить в 180 километрах от поселка. Оттуда они должны были добраться тайгой до Чернышевского и проверить по пути капканы, расставленные охотниками на соболя и горностая.

Снег, который падал всю ночь, покрыл толстым слоем взлетную полосу. Расчистить ее не успели, но укатали волокушей. Пилоты решили подняться, как взлетают на самолетах. Вырулили на старт, разбежались и спокойно улетели. А час спустя мы уже зависли в холодном голубом небе над таежной избушкой. Но не видно было привычного дымка, лаек, свежих следов человека. Только промерзшие рыбацкие сети, растянутые на кольях, да несколько смоленых бочек для рыбы говорили о том, что жилье не заброшено. Видимо, хозяин еще вчера ушел в тайгу и там заночевал, прямо в снегу у костра. Однако здесь мы должны были выгрузить мотонарты, высадить людей и собак. В кабине стало полуметно, так случается, когда поднимается плотный снежный вихрь. Но это был не снег, а какое-то липкое, свинцового цвета облако. Оно окутало всю кабину, и сквозь стекла ничего не было видно.

— Что это? — спросил я.

— Выхлопные газы, — ответил Максимов. — При сильных морозах они частично мешают нам работать.

— Надо улетать отсюда, — обратился Роман к Максиму.

— Улетим, а потом вернемся, прицелимся и с ходу сядем.

Мы набрали высоту, облетели избушку раз, другой, третий. И вдруг будто отключили двигатели — вертолет камнем пошел вниз. Казалось, что нет сейчас под нами воздушной подушки, а сверху мощных лопастей работающего винта. Так падает ястреб или орел на свою добычу. И только в полуметре от земли мне показалось, что к вертолету вернулась упругая устойчивость. Ми-8 замер в воздухе. Вскоре мы сели. Пока выгружали мотонарты, чтобы не образовалось облако из выхлопных газов, выключили двигатели. Не сделал пилоты этого, подняться было бы очень трудно, а то и вообще невозможно.

— Отлично летаете, счастливого вам пути, — сказали наши пассажиры, прощаясь с пилотами.

— И вам счастливого пути, — ответили те.

Мы улетели.

— Тяжело начался день, — заметил штурман.

— Это тебе показалось после пассажирского рейса, — сказал Юрию Максимов.

— Да еще рейс-то был с мороженым, — добавил Роман.

Вертолет летел на автопилоте, и настроение у всех было ровное, спокойное. Кроме того, все знали, что сейчас летим на последнюю точку, а потом домой — в Мирный. Да и погода установилась под стать настроению — день был яркий и солнечный, а небо чистое и открытое. Наш Ми-8 продолжал спокойно лететь, немного раскачиваясь с боку на бок, как лодка в море при легком бризе. За два дня полетов люди устали, и сейчас можно было немного отдохнуть. Максимов поправил наушники, поудобнее установил и закрепил перед собой микрофон. Мы подлетали к заданному квадрату. Там внизу работала геофизическая партия — искали нефть и газ.

Издали я увидел деревянные балки. Они стояли на ровном возвышенном месте. По мере приближения к ним уже можно было различить и силуэты людей. Нас ждали. Максимов да и Роман бывали здесь не раз. И, конечно, знали, что геофизики — народ аккуратный, посадочную площадку хорошо готовят. Вертолет завис точно над посадочной площадкой. Роман поудобнее устроился в своем кресле и взял управление вертолетом на себя. Он еще мельком посмотрел на землю и чему-то улыбнулся.

Потом, после полета, он сказал мне: «Мы здорово устали от снегов, и мне в миг посадки почудилось короткое северное лето...»

Мирный, Якутская АССР

От Кабула до Бамиана ехать по горным дорогам часов шесть — в спокойное время. Но горы небезопасны, и авиакомпания предлагает нам долететь туда минут за сорок на самолете. Пассажиры в основном хазарейцы. Они — широкоскулые и раскосые — резко отличаются обликом от других афганцев, обычно узколицых, с крупными носами и густыми бородами.

Оставив под собой густонаселенную Кабульскую долину, резко сворачиваем на запад. Снежной лентой надвигаются отроги Гиндукуша. И снова узкие горные долины с зелеными островками кишлаков, смахивающих своим «калә» — деревенскими домами-крепостями — на военные форпосты. Перед самым Бамианом стюардесса предлагает пассажирам посмотреть в иллюминаторы. Среди красно-бурых скал отчетливо видны могучие бастионы и стены, возведенные на головокружительной высоте. Это знаменитый Шахри-Зохах — Красный город, разрушенный еще орадами Чингисхана. Последний раз падаем в очередную воздушную яму, и самолет приземляется в удивительно зеленой долине, окруженной гигантскими отвесными скалами и невысокими плато. Таким предстал перед нами центр Хазараджата, страны хазарейцев.

Резиденция губернатора расположена над крутым обрывом. Из широких окон приемного зала открывается чудесный вид на желто-коричневые тополя, сам город и гигантскую скальную стену стометровой высоты. Словно соты, усыпало ее множество пещер — бывших обителей буддийских монахов и пилигримов. И отсюда, из зала, можно разобрат высеченные из камня в скальных нишах колоссальные фигуры Малого и Большого Будд. Они знакомы по любому путеводителю. Долину богов именуют «восьмым чудом света».

Но приехали мы не в поисках «чудес света», а с целью более прозаической и более актуальной: познакомиться с сегодняшним днем Хазараджата и его главного города.

С Эвазом Набизада мы старые знакомые еще по Кабулу. Губернатором он стал в конце восьмидесятого. А до этого прошел, как и многие другие афганские революционеры, не один «университет». В партию вступил до революции, когда она находилась на нелегальном положении. Родился в бедной — почти нищей — хазарейской семье. Сменил на одну профессию, от мальчика на побегушках до уборщика, пока не посчастливилось устроиться рабочим в типографию. Там и начал активную революционную деятельность. А когда победила Апрельская революция, бывший рабочий был назначен генеральным президентом крупнейшей в стране государственной типографии. В годы террора, развязан-

ИВАН ЩЕДРОВ,
корр. «Правды» —
специально для «Вокруг света»

ЗОЛОТАЯ ДОЛИНА БАМИАНА

ного Амином и его приспешниками, Эваз Набизада был арестован и брошен в тюрьму Пули-Чархи. пытки, издевательства, угроза расправы — все это не уходит из памяти.

Свобода пришла в декабре 1979 года. Прямо из тюрьмы он снова попадает в типографию и опять генеральным президентом. А потом новое назначение — губернатором главной хазарейской провинции Бамиан, где требовался опытный — местный — руководитель: от прошлого остался весьма запутанный клубок национальных отношений.

Четыре пятых населения провинции — хазарейцы, и такое же соответственно количество их представителей в органах народной власти, среди руководителей и активистов политических и массовых организаций. Еще в Бамиане проживают таджики и несколько десятков тысяч пуштунов-кочевников, проводящих на бамианских пастбищах летние месяцы.

Хазарейцы получают с помощью советских специалистов новые профессии.

Боицы отряда самообороны на курсах ликвидации неграмотности.

В Афганистане, да и за его пределами, часто обсуждают: кто же такие хазарейцы? Каково их происхождение?

Народ этот типично монголоидный, но говорит он на диалекте таджикского — чисто индоевропейского — языка.

«Хазарейцы, — читаем в одном из путеводителей, — третья по численности в Афганистане этническая группа. Они представляют собой потомков монгольских завоевателей, поселившихся здесь в XIII веке. По религии — мусульмане-шииты, религиозное меньшинство». Как правило, это и все, что можно узнать из литературы. Существуют и другие, более научно обоснованные теории происхождения этого народа. Теории выглядят очень логично, что не мешает одной опровергать другую.

Неграмотным в массе хазарейцам эти споры неизвестны, зато помнят они другое. Совсем еще недавнее.

КРАЙ ДАЙЗАНГИ

— Знаете, — спросил Эвас Набизада, — как называлась наша страна? Нет, Хазараджат — это все знают. Еще одно название — Дайзанги. Оно до сих пор сохранилось за одним из крупнейших наших племен. Есть и район Дайзанги.

Значит это — «Страна толп с колокольчиками». Иными словами — рабов: им к шеем подвязывали колокольчики, как скоту, чтобы не путать со свободными людьми. До восьмидесятых годов XIX века разрозненные племена Хазараджата сохраняли относительную самостоятельность, лишь формально подчиняясь Кабулу, а также правителям соседних каганатов, ханств и государств. Но территория, на которой они проживали, постепенно сокращалась. Хазарейцы попадали во все большую зависимость от пуштунских эмиров и узбекских ханов.

Одиннадцать лет, с 1880 по 1891 год, понадобилось властолюбивому Абдурахман-хану, чтобы огнем карательных экспедиций подчинить Хазараджат, «замирить» его и заявить о полном присоединении к Афганистану. Среди пятидесяти крупных хазарейских племен не было согласия, а кое-кто из вождей просто предал свой народ. Год 1891-й — последний этап сопротивления хазарейцев.

По повелению короля в мечетях и на рынках, на джиргах — собраниях пуштунских племен — читали послание: «Хазара, еретиков-шиитов, которых обвиняют в преступлениях против государства, считать неверными и осуждать на смерть».

Шиитам — «неверным» — была объявлена священная война, в которой участ-

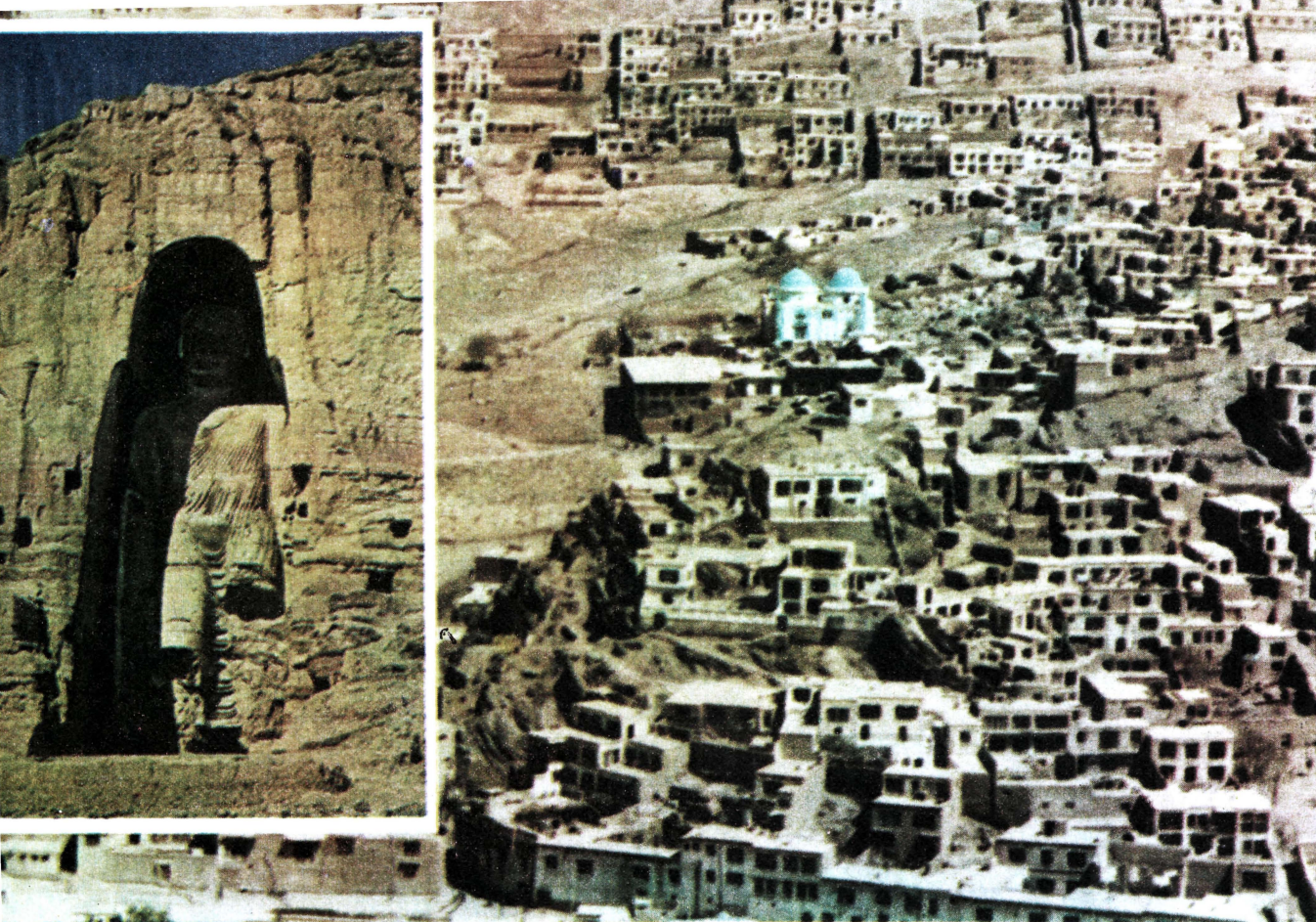
вовали пуштунские вожди, узбекские и другие ханы. В ответ хазарейцы избрали своего калифа — Тимур-шаха и упорно сопротивлялись. Но силы были неравны. После поражения Хазараджат был залит кровью. В 1893 году снова восстание. И снова поражение. «Хазарейцев, — свидетельствует современник, — арестовывали, заковывали в цепи, травили собаками, убивали».

Сотни тысяч хазарейцев покидают разоренные родные края. Десятками тысяч открыто продают их на рыночных площадях крупных городов. Работогоня узаконена: десятая доля стоимости раба сдается в виде налога в казну.

В Хазараджат вводят пуштунские войска, устанавливают постоянные гарнизоны. Во главе края становятся присланные из Кабула наместники.

В 1898 году приказано создать три особых хазарейских батальона. Это, как правило, саперные и обозные команды. Потом стали создавать полки. Набирали в армию хазарейцев уже в XX веке принудительно — по одному солдату от восьми взрослых мужчин. Оставшиеся семеро его обмундировывали, вооружали и весь срок службы содержали. Если новобранец умирал, не отслужив три года, его место занимал один из семерых оставшихся дома.

Провозглашенные в двадцатые годы реформы несколько облегчили участь хазарейцев, находившихся на положе-

нии париев в феодальном Афганистане. А с конца двадцатых годов и до Апрельской революции — на протяжении полувек — они снова были на положении одного из самых угнетенных национальных меньшинств. Повсюду в Афганистане хазарейцы выполняли только тяжелые и грязные работы.

События середины пятидесятых годов хорошо знают наши собеседники. Эвас Набизада вспоминает, что в те времена каждая хазарейская семья ежегодно должна была поставлять по семьдесят килограммов масла и по одной от каждого десяти коров и десяти овец в государственную казну. А еще их облагали особым налогом — как непущунов. К тому же они несли тяжелые трудовые повинности.

И снова в Хазараджате вспыхнуло восстание, которое возглавил Ибрагим Гаусвар. Ему удалось захватить и на какое-то время удержать столицу Хазараджата Панджаб (Пятиречье), но восстание потопило в крови. Сам Хазараджат был разделен на несколько областей, в каждую из которых включили районы, населенные другими национальностями.

Панджаб ожидала участь захолустного городка. Главным административным центром одной из новых провинций стал захиревший древний Бамиан.

Точно назвать численность населения провинции Эвас Набизада затрудняется.

На сегодня, говорит он, что-то между восьмьюстами тысячами и миллионом. Во всяком случае, число зарегистрированных мужчин — двести шестьдесят пять тысяч. Из них более четырех пятых приходится на хазарейцев. Пятнадцать процентов таджиков. А всего в Афганистане, добавляет губернатор, около двух с половиной миллионов хазарейцев. Они проживают преимущественно в соседних провинциях и крупных городах. В Кабуле их четверть населения, еще не так давно — самая нищая часть жителей. Традиционным же центром расселения этого народа остается Бамиан.

С ВИНТОВОЙ И КНИГОЙ

Недалеко от губернаторского холма зеленеет Долина богов. У горной речушки раскинулись квадраты крестьянских полей. Килит работа — идет обмолот зерна. На горных склонах точками рассыпались отары овец и коз. Еще полкилометра, и мы на улицах, идущих у подножия гигантской скальной стены со знаменитыми Большим и Малым Буддами. Улиц всего две, и они ведут от мавзолея местного мусульманского святого, автозаправочной бензоколонки до поста царандоя — народной милиции — у базара. Предприятий в городе нет, и весь он — это торговые ряды бывшего туристского центра.

Скальная фигура в Бамиане.

Древний город издали кажется неизменившимся, но в глиняных его кварталах началась новая жизнь.

В лавках обычные потребительские товары, горы фруктов и овощей. Цены на промышленные товары чуть выше кабульских — транспортные издержки! — зато на местную продукцию намного ниже.

Нас зазывают на чашку чая, сфотографироваться у раскрытых настежь дверей духанов. Во многих лавках-духаных на самых видных местах революционные плакаты. И об этом городе враждебная Афганистану печать пишет, что он находится под контролем душманов! Да, здесь на улицах дежурят патрули царандоя и добровольцев, защитников революции, оберегая жизнь бамианцев от непрошенных гостей из горных душманских гнезд. Но народная власть прочно утвердилась на бамианской земле.

Прямо у подножия Малою Будды мужской лицей. В классах одноэтажного здания с большим двором идут занятия. До перемены, чтобы не мешать, беседуем в директорском кабинете с заведующим провинциальным отделом народного образования Дусти Мухаммед Бехбубом, местным таджиком.

Народная власть делает все для развития народного образования. В городе и прилегающих к нему кишлаках действуют несколько школ и два лицея, мужской и женский. За год число учащихся увеличилось на треть; их теперь девятьсот человек. Семьдесят учителей ведут преподавание днем, а по вечерам участвуют в добровольческих отрядах защиты революции.

В городе и близлежащих кишлаках действуют еще двадцать четыре курса ликбеза, которые посещает полтысячи человек. Преподают там учителя и старшеклассники.

Во время беседы в кабинет заглянул молодой человек. Нет, он не лицеист, а уже служащий. Начинаящий. Член партии. Недавно избран секретарем первичной организации ДОМА лицей. Ночью участвовал в боевой операции, из которой вернулся на рассвете. Несколько часов сна, и он уже снова на своем посту. По пути в райком забежал в лицей

Школьники Хазараджата.

Мухаммед Аюб Али. Он тоже из местных. Хазарец. В партии около двух лет.

— В лицее более сорока членов ДОМА, а полгода назад нас было вдвое меньше. Есть сочувствующие — десятки старшеклассников. Они активно участвуют в работе организации и подали заявления о вступлении в нее. Весной восемьдесят первого в лицее была создана первая не только в Бамиане, но и во всем Хазараджате пионерская организация. В ее рядах больше ста пятидесяти ребят. Лицеисты создали агитационно-пропагандистский ансамбль, дают концерты. Выступают и просто на свадьбах и прочих семейных торжествах. Ну а в борьбе с оружием в руках против засевших в горах бандитов, в поддержании порядка в городе из лицеистов участвуют только старшеклассники, активисты народной власти.

В учительской разговор зашел и о чисто школьных делах. Директор лицея, он же учитель начальных классов — ме-

стный хазарец Абдул Ахмад. Окончил этот же лицей.

— У нас тут больше всего, — рассказал он, — хазарейцев, остальные — таджики. Преподаем не только таджикский-дари, но и пушту, а из иностранных — английский. Вот только беда — учебников не хватает и старых, и тем более новых.

До шестого класса преподавание ведется по старым, дореволюционным учебникам, а в старших уже по новым.

Лицеисты оказались народом задорным и любознательным. Многие мечтают учиться и дальше: в Кабуле, а если повезет, в Советском Союзе или в другой братской стране.

Семнадцатилетний хазарец Абдул Гафур мечтает стать инженером-строителем. Его сосед-одногодок, хазарец Халиль, — врачом. Зубным врачом, уточнил он, и работать в родном краю. А сидящий на «камчатке» хазарец Мухаммед Али будет школьным учителем, историком. Его товарищ, таджик Мухаммед Аким — ветеринарным врачом.

Учатся и живут лицеисты, хазарейцы и таджики дружно. А как же иначе? Им строить новый Афганистан, где навсегда покончено с национальным неравенством и угнетением.

ПЕРЕМНЫ В КИШЛАКЕ САРАСЬЯБ

До революции в Хазараджате, точнее — здесь, в Бамиане, сотрудники Кабульского университета провели выборочное обследование сельского населения. Вот их краткие выводы. Большинство крестьян владеет крохотными участками — от одной десятой до двух гектаров. Урожай из-за отсталой агротехники чрезвычайно низкий. Даже на тогдашнем афганском уровне. Крестьянам приходится занимать под будущий урожай деньги у кочевников-скотоводов. Отдавать нужно в полтора раза больше. Ко всему этому почти сплошная неграмотность, засилье феодальной и родовой знати, всесильных мулл, паразитирующих на ущемленных чувствах религиозного меньшинства (шиитов в суннитской стране) и угнетенной нации.

За короткий период народная власть уже успела сделать определенные шаги: отменены долги ростовщикам, отняты привилегии у феодалов. Созданы две государственные фермы и несколько кооперативов, которые покупают у крестьян продукты и снабжают их всем необходимым.

Кишлак Сарасьаб один из тех, которые обследовали в свое время сотрудники Кабульского университета. Он мало чем отличается от соседних деревень. Дворы, окруженные высокими глинобитными стенами, лепятся один к другому, образуя пустыне, из сплошных заборов, улицы. Вся жизнь — внутри дворов и на полях. Вот только речушка с мостком и мельницами отличает кишлак от соседних селений. Ведь от знаменитых мельниц, которые здесь крутили жерно-

ва с древних времен, и пошло название кишлака Сарасьяб — «мельница у источника». Основное занятие жителей этого хазарейского кишлака — земледелие и домашнее скотоводство.

В Сарасьябе недавно создан и успешно действует кооператив. Накануне весенней посевной крестьянам бесплатно передали несколько десятков плугов афганского производства — «арияна». Не последнее, конечно, слово техники, но по сравнению с деревянной сохой большой шаг вперед.

На полях завершается уборка пшеницы, ячменя и бобовых, собирают картофель. Простая вроде бы машина плуг «арияна», а урожай-то повысился!..

В кишлаке сто шестьдесят семей, и земли не хватает. Да и разделена она не поровну. Здесь сильная партийная организация, опирающаяся на бедняков и батраков. Часть детей — но пока не большинство — уже ходят в школу.

В июле восемьдесят первого жители кишлака создали первый в Бамиане добровольческий хазарейский отряд сельской самообороны. Он уже показал свою силу душманам. Не раз принимал участие в боевых операциях.

За час до выхода отряда на ночное дежурство беседем с его бойцами. Расположившись с оружием в руках — винтовки, карабины и несколько автоматов — прямо на земле, кружком, они рассказывают о своей жизни.

Их двадцать пять. Бедняки и батраки. Самому молодому, в круглой хазарейской тюбетейке, Назиру — двадцать один год. Ни клочка своей земли. Седобородому аксакалу Хуссейну Али — шестьдесят пять. Служил когда-то солдатом в королевской армии.

— Слава аллаху, хоть живым домой вернулся, — говорит он.

У него два джериба земли (один джериб — примерно пятая часть гектара) и восемь едоков.

— Я в отряде, — продолжает Али, — потому что новая народная власть за трудящегося крестьянина, за то, чтобы он работал на своей земле. А душманы все хотят оставить по-старому и чтобы власть оставалась у богатеев.

Мухаммед Эван — ему двадцать шесть лет — владелец одного джериба, а в семье девять ртов. Прирабатывает в зажиточных семьях.

У других положение похуже, и они тоже за землю и за новую жизнь.

Десять неграмотных и пятнадцать едва овладевших грамотой, босоногих, бедно одетых крестьян-бедняков взяли в руки оружие, чтобы защитить ростки новой жизни, свое право по-новому, посправедливому все перестроить. А комсиссаром отряда назначили бамианского учителя-партийца Абдулу Ахмада, которого в кишлаке уважают и стар и млад.

Каким же они видят будущее, за которое воюют?

— А вот таким, — первым решается дать ответ батрак Назир, — чтобы в Сарасьябе не только все было по справедливости, но и была школа — раз,

больница — два, электричество — три и, конечно, кино и телевидение. Я уже не говорю о тракторах и прочем.

Вслед за ним под одобрительные возгласы других ополченцев слово берет Мухаммед Алам.

— Надо будет создать в нашем районе предприятия, чтобы те, кому земли не хватает, смогли там работать.

А еще они хотели бы побывать в других районах Афганистана, в Кабуле. И хотя учиться.

— Не только в школе, но и в университетах, — завершает Назир. — А еще набраться опыта в других братских странах. Многие хотят хоть краешком глаза взглянуть на Москву, побывать в Советском Союзе. Друзья, братья — это те, кто приходит на помощь в беде. Советский Союз для нас самый большой друг.

Скоро над долиной опустится звездная ночь. Мы возвращаемся в город, а отряд, выстроившись после получения задания, уходит на ночное дежурство и патрулирование...

НОВЫЕ ВСХОДЫ

...В зеленой пойме реки Бамиан повсюду залитые золотом колосья отборной пшеницы, какой не увидишь в других местах. От делянки к делянке различается их цвет и сочность, полнота зерна — так выглядит опытная сельскохозяйственная селекционная станция. Одна из тех, что действуют почти во всех провинциях.

У стены главного здания прямо на земле выставка работы немногочисленного — всего-то человек двадцать — дружного коллектива: мешочки с семенами, колосья, собранные сортовые образцы картофеля... Приехали мы туда с губернатором.

Генеральный директор Мухаммед Казим Ильтак рассказывает, что занимаются они в условиях суровой зимы и короткого лета отбором и выведением высокоурожайных сортов пшеницы и ячменя, картофеля и бобовых. Завезли семена и саженцы из многих стран, в том числе из Советского Союза и Индии. За годы работы станции испытано на стойкость и урожайность одной только пшеницы сто сорок сортов, из которых прижились и дают хорошие устойчивые урожаи сорок. В их числе и несколько советских.

Речь идет о перспективах сельскохозяйственного развития края. И здесь вступает генеральный директор провинциального управления сельского хозяйства Ходжи Хуссейн. Он на этом посту второй год.

— На сегодня мы едва обеспечиваем собственные нужды в продовольствии и кормах, — рассказывает он. — Но это только пока. Современная агротехника, увеличение орошаемых площадей, внесение удобрений и, конечно, внедрение новых сортов дадут возможность возродить славу одной из житниц страны.

Б а м и а н — К а б у л

НА БЕРЕГАХ ЗАЛИВА РОСАС...

Побережье Средиземного моря... Прекрасные ландшафты и уникальные экологические условия его издавна подвергаются натиску со стороны бизнесменов. Пришел черед и средиземноморского района Агуамольс-дель-Мугаи-Флувия, лежащего на берегах залива Росас (Испания).

Эта узкая полоса площадью 1100 гектаров — последние остатки прибрежных земель высокой увлажненности, от которых зависят гидрологические характеристики всего района. К тому же здесь регулярно останавливаются огромные стаи перелетных птиц, что делает эти земли особенно ценными в глазах орнитологов.

Но вот ряд строительных фирм ФРГ предложил правительству Испании проект создания здесь весьма крупного курортного комплекса. Им предусмотрено занять почти половину побережья, при этом осушив земли, вырубив всю «малоценную» растительность. Последствия предугадать нетрудно...

В настоящее время власти провинции Жерона, на территории которой находятся «спорные» земли, решили отложить ведение любых работ и попросили Международный союз охраны природы определить, насколько важен в экологическом отношении район, каковы возможные последствия его застройки как в гидрологическом, так и в отношении фауны и флоры.

Теперь остается ждать, что возьмет верх: здравый смысл или все-таки денежный мешок.

НЕОБЫЧНАЯ ОСЕНЬ

Необычная осень удивила иранцев в 1982 году. В октябре непрестанно шли дожди, переходящие в мощные ливни. Потоки воды губили урожай, уносили плодородную почву с полей, размывали дороги и даже сносили дома. Так, в южной части Тегерана, где большей частью проживает беднота, было подмыто более 500 домов.

Во многих районах страны, кроме дождей, прошли снегопады, которые вызвали обвалы и сели. Специалисты подсчитали: за время непогоды в районах бедствия выпало около 50 процентов годовых осадков. Под руководством созданного штаба по устранению последствий стихийного бедствия на помощь жителям пострадавших районов брошены все силы, вплоть до воинских подразделений.

НОВОСТИ ЭКОЛОГИИ

НИКОЛАЙ ОРЛОВ,
участник Сталинградской битвы,
бывший командир танковой роты

**ЛЕТОПИСЬ
БЕЛКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ**

ГЛАВНАЯ БИТВА ТАНКИСТА

После госпиталя снова прошусь в Сталинград. В Саратове, в автобронетанковом центре, майор-кадровик, оглядев меня, задал два-три вопроса.

— Ну что же, — решил он, — раз так, вот тебе бумага, иди войю. Будь здоров!

«Вот те и на, попал в Сталинград», — подумал я, рассматривая назначение.

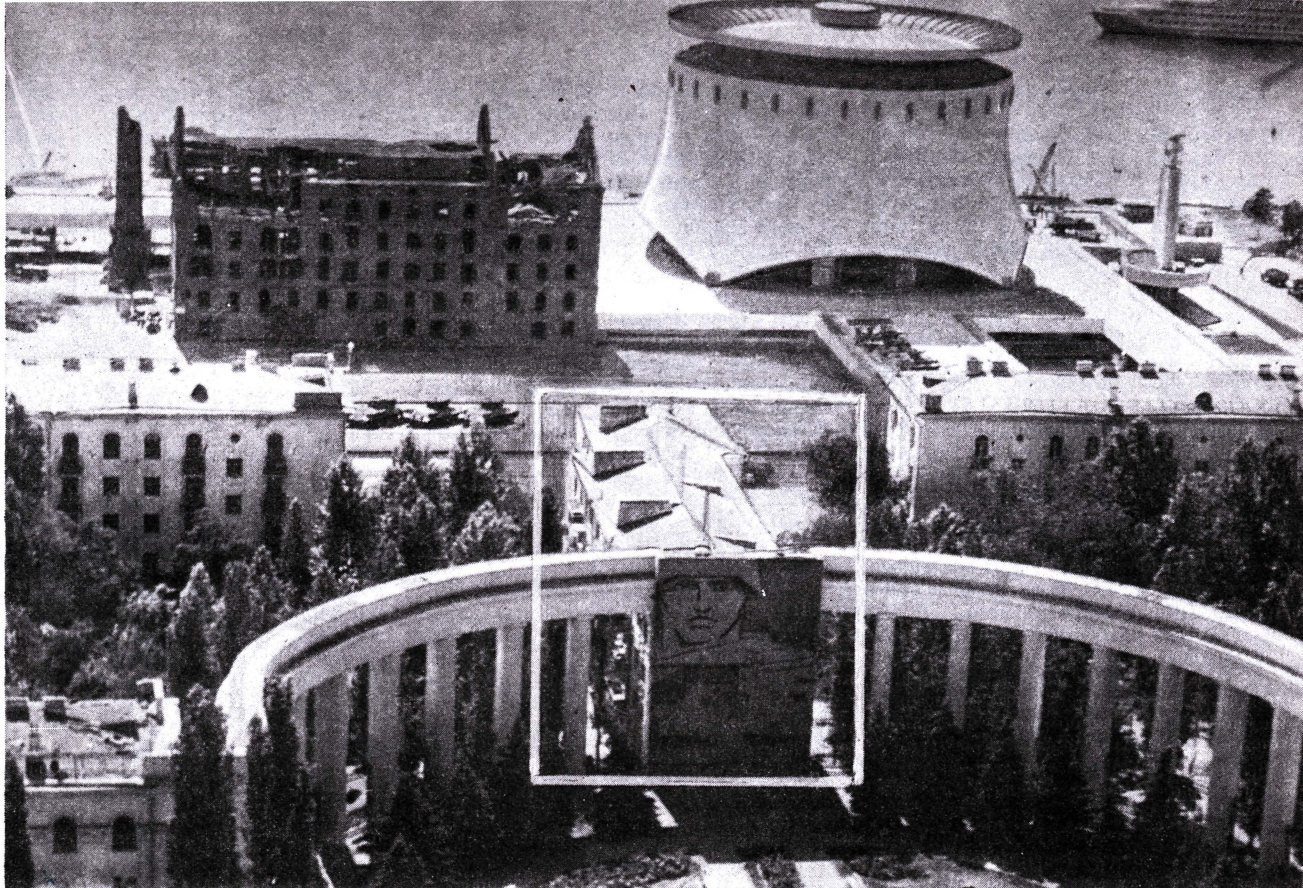
В лагерях, куда я попал, формируется новое подвижное соединение — 4-й механизированный корпус. Его командир генерал Василий Тимофеевич Вольский.

Направили командиром танковой роты в 21-й танковый полк 60-й механизированной бригады. В полку две роты Т-34 и рота Т-70, то есть рота легких танков. В роте их семнадцать. Командир полка, боевой и уже заслуженный подполковник Николай Моисеевич Бриженев, участник войны с белыми, боев под Москвой. Он и предложил мне роту Т-70.

Пошли в роту. На опушке построены личный состав. Иду вдоль строя и не верю своим глазам. Наваждение, что ли? В первой шеренге лейтенанты Плугин, Николаенко, Умнов, Рязанцев, Хизеть и другие хорошо знакомые мне совсем еще молодые офицеры. Ведь с этими ребятами я отходил из Минска до Смоленска в июне 41-го. Хватили лиха, что и говорить. Потом я год учил их в Ульяновске. В июне 42-го перед Сталинградом выпустил целый взвод. Разъехались. И вот радость — несколько моих бывших курсантов в одной роте.

Так я вновь стал командиром танковой роты, но не могучих Т-34, которые полюбил, как свою милую, а роты легких Т-70. Экипаж этого танка состоял только из двух человек: командира и механика-водителя. В тридцатьчетверке нас было четверо. Да и пушка, броня что надо. «Да ладно, — подумал я. — Важно, что есть рота, я в полку, скоро опять в бой против фашистов. А пока надо готовиться, учиться, сколачивать роту». Днем и ночью занятия: вождение, стрельба, тактика, учения.

Как-то на одно из тактических учений прибыл генерал Вольский. Проверил нашу готовность, поговорил с тан-

Дом Павлова (на фотографии он выделен рамкой). Этот дом, как и весь город, отстояли наши воины в жесточайшем сражении. Ныне дом Павлова восстановлен, в нем живут люди. Как свидетельство минувших боев осталась разбитая снарядами мельница. Неподалеку поднялось здание музея-панорамы «Сталинградская битва» (на цветной фотографии, опубликованной в первом номере журнала на 3-й странице, рядом со зданием музея снята мельница, а не дом Павлова). И дом Павлова, и мельница, музей-панорама, набережная — новый мемориальный комплекс, который встал на берегу Волги в честь героических защитников Сталинграда.

кистами и дал понять, что скоро в бой. Нас ждет фронт.

Вскоре получили команду грузиться. Не знаем, куда повезут, но что-то подспудное подсказывает: туда, где самые жестокие бои, где решается судьба Родины. Значит, в Сталинград. Но и сомнения брали, никак не могли понять: мы оказались на восточном берегу Волги, а ведь Сталинград-то на западном. Однако все шло по плану высшего командования. Корпус многочисленными эшелонами шел к цели. Начали нас доставать фашистские стервятники.

Приловчились при налетах открывать огонь из танковых пушек шрапнельными снарядами. В одной из бомбежек хорошо показала себя врач полка Софья Цырульникова. Она поражала нас своим бесстрашием. Носилась с тяжелой санитарной сумкой под разрывами бомб, как-то очень легко и умело оказывала помощь раненым. Позже она еще не раз окажет помощь и мне. Фронтные дороги длинные. От Волги до Румынии мы шли вместе в одном боевом строю. Бывало, налетят немецкие самолеты, эшелон остановится, и многие бегут в степь прятаться в ковыле. Софья же, сама как колобок, плотная, низкорослая, с черными как смоль мальчишескими волосами, моталась от одного раненого к другому. И везде поспевала.

Выгрузившись далеко от Волги на станции Баскунчак, по ночам без фар скрытно своим ходом шли к реке. За нарушения маскировки самые строгие меры — вплоть до расстрела. Такова суровая правда войны. Закурить? Куда там! Вспышка спички или кресала равна предательству. Сурово? Но враг не должен был знать о сосредоточении южнее Сталинграда нашего корпуса.

Вот и Волга, ее левый, иначе говоря, восточный берег. Заросли, песок. Она показалась мне куда шире, чем я ее видел в августе в районе Сталинградского тракторного завода. Нам на тот берег. Тревожно, ведь сама матушка Волга перед нами.

В темноте полк целиком погрузили на огромную баржу. Выгрузились и еще в темноте тщательно замаскировались.

В очередную ночь — бросок вдоль Волги ближе к Сталинграду. Мы еще пока не знаем, что Советское Верховное Командование приняло историческое решение — окружить и разгромить многотысячную гитлеровскую группировку у Сталинграда. И это в 1942 году! Замысел потрясающий! Пока нас выдвигают еще ближе к Сталинграду. Остановились в перелесках у Солонников. Мы были уверены, что вот-вот нас бросят в бой за город. Там творилось что-то невероятное. Накал стражения все нарастал. Сводки очень тревожные. Удивлялись: мы такая силища и чего-то ждем. Многого мы тогда не понимали. Как раз мудрость и состояла в том, чтобы беречь резервы, сохранить их для решающих сражений.

Героические войска 62-й армии генерала Василия Ивановича Чуйкова и 64-й армии генерала Михаила Степановича Шумилова стойко удерживали позиции в самом городе, превратив его в неприступную крепость. Все новые и новые силы бросал Гитлер на помощь 6-й армии Паулюса. Они перемальвались, как зерна в жерновах; города взять не могли.

Вспоминается наша тщательная подготовка к боям, к боям необычным, особенным. Как позже мы поняли, наш корпус будет окружать вражескую группировку ударом с юга на Калач. С северо-запада сюда придут танковые корпуса 5-й танковой и 21-й армий. С ними мы встретимся и замкнем вокруг врага стальное кольцо. Замкнем! Такого еще никто не замыслил и не осуществлял. Нам первым предстоит это сделать.

Советское Верховное Командование решило окружить и разгромить основные силы противника под Сталинградом ударом с северо-запада и с юга по сходящимся направлениям. С севера 19 ноября начали наступать войска Юго-Западного и Донского фронтов, а с юга на сутки позже — Сталинградского фронта.

К середине ноября 1942 года закончилась напряженная подготовка к боям. Корпус совершает бросок в несколько десятков километров и в ночь на 20-е занимает исходный район в 8—10 километрах от переднего края. С утра пехота 57-й и 51-й армий при поддержке танков после мощной артиллерийской подготовки начала прорыв фронта румынской армии.

Мы стоим в нескольких километрах за стрелковыми дивизиями и ждем сигнала. Волнуемся за успех пехоты. А вдруг? Но вот получен сигнал — оборона прорвана. Армада бронированных машин устремилась в брешь... Наша полоса ввода в прорыв между озерами Цаца и Барманцак. Узкое дефиле забито разбитой, покореженной боевой техникой противника. Сплошь воронки. Гарь, дым, стрельба с флангов, рвутся снаряды и мины. Надо проскочить узкую горловину, пока ее не закрыл противник.

За нами в прорыв вводится 4-й кавалерийский корпус. Он отваливает к юго-западу, идет на Котельниково и создает внешний фронт окружения.

Наша же цель — Калач. Задача — взять неприятеля в кольцо. Это вначале. Затем добить. Но все впереди.

Нарращиваем темп движения. Идем в колонных построениях. Догоняем свою матушку пехоту. Вот она, наша царица полей. Не задерживаясь, обгоняем ее. Теперь мы впереди. Используем ее успех. Обещали поддержку авиацией, а ее нет и нет. Подводит погода.

Справа, ближе к городу, продвигается 13-й механизированный корпус генерала Т. И. Танасчишина. Сопротив-

ления румыны почти не оказывают. Прорыв нарастает. Однако ночью заблудились. Хотя продвинулись далеко, но в сторону от основного направления. А надо на Калач, до него еще около 100 километров. Ох как еще далеко!.. Наткнулись на румынский артиллерийский полк на конной тяге, который попытался развернуться. Мы его обстреляли. Видим, сдаются. Лошадки одна к одной, черной масти, упитанные и очень красивые. Орудия новые. Румыны одеты с иголочки. Офицеры в папахах. Ставим охрану — и к нам в тыл. Этим повезло — вовремя сдались.

Мы все ближе к цели. С ходу у станции Тингута перерезали железную дорогу Сталинград — Ростов. Во многих местах ее подорвали наши саперы. При захвате станции впервые видел нашу 60-ю механизированную бригаду в полном развернутом боевом порядке. Необычайно хорошая видимость. Захватывающее зрелище стремительно атакующей бригады. Впереди танки, за ними мотострелки, с ходу развертывается артиллерия, не отстают зенитчики. В воздухе ни одного самолета: нет наших, нет и неприятельских...

Удар был мощным, сокрушительным. Захватили много пленных какой-то немецкой пехотной части. Первый большой успех. Мои Т-70 оказались очень проворными. Хотя пушечка так себе, всего 45-миллиметровка, но действовали здорово. Конечно, главную скрипку играли красавцы тридцатьчетверки. Им все нипочем. Командир 1-й роты старший лейтенант Волок бесстрашно давил артиллерию противника. Танк вел Иван Закомолдин. Ас каких мало. Как никто он чувствовал пульс боя... Тысячи километров фронтовых дорог пройдет он на Т-34. Закончит войну в Маньчжурии, станет полным кавалером ордена Славы.

Небольшого росточка, с рябоватым и очень открытым лицом, он поражал своей способностью видеть поле боя. Он искал цели, корректировал огонь, выбирал самые удобные боевые курсы, вовремя останавливал танк, умело маневрировал под огнем противника. Вместе с ним было легко воевать.

Не задерживаясь в Тингутае, идем вперед. Только вперед. Выстраиваю роту. Из 17 осталось 12 машин. Собрал командиров, поставил новую задачу. Экипажи валяются с ног от усталости. Но впереди Калач. Нельзя мешкать ни минуты. Навстречу нам с севера идут танкисты 4-го танкового корпуса генерала А. Г. Кравченко.

Еще несколько серьезных стычек, и мы почти у цели. В Бузиновке разбили крупный фашистский штаб. Захватили первые большие трофеи. На окраине села обнаружили неглубокие траншеи и в них тысячи — плотной массой — канистр с бензином. Склад горючего нам очень пригодился.

При подходе к Калачу нашу бригаду нацеливают правее, ближе к Сталинграду, в район Карповки. 36-я механи-

К 40-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ ПОД СТАЛИНГРАДОМ

зированная бригада под командованием подполковника М. И. Радионова у хутора Советский, недалеко от Дона, соединилась с танками, наступавшими с севера.

Успешному выходу частям 4-го танкового корпуса в район хутора Советский с переправой через Дон способствовали смелые действия командира 14-й мотострелковой бригады подполковника Г. Н. Филиппова. Его бригада составляла передовой отряд 26-го танкового корпуса.

Бригаде предстояло захватить мост через Дон у Калача. Но мост оказался взорванным. Тогда комбриг решил захватить другой мост — севернее города. Стремительной дерзкой атакой бригада уничтожила охрану, захватила мост и организовала круговую оборону.

По этому мосту через Дон быстро переправили сначала части 26-го, а затем 4-го танковых корпусов.

45-я танковая бригада 4-го танкового корпуса, которую вел полковник П. К. Жидков, первой прорвалась к хутору Советский и соединилась с нашим корпусом.

Весть о соединении в одно мгновение облетела все войска корпуса. Было это в 15—16 часов 23 ноября. Окружать начали 20-го. Вспомнилось 23 августа. Примерно в эти же часы ровно три месяца назад фашистская танковая группировка прорвалась к Волге севернее Сталинграда. Там она была остановлена. А сейчас все, что втянулось в город, окружено.

У людей душевный подъем. Всеобщее ликование. Его надо было видеть! Фашисты в мешке. И немало, огромная армия. Задумано — сделано. Гордимся, радуемся. А как же, честь выпала нам быть впереди, на острие ударного клина первыми замкнули капкан. За 100 часов действий в стальное кольцо загнали более 20 гитлеровских дивизий.

В это время даже мы, рядовые воины, и то ощутили всю мудрость Советского Верховного Командования.

Фашисты хотя и не сразу, но поняли, что они в мешке. Строят оборону фронтом на запад по реке Карповке. Одновременно проводят одну контратаку за другой. Днем и ночью отражаем ожесточенные танковые удары.

В одной из атак на Карповку танк лейтенанта Умнова ворвался на восточную окраину. Гитлеровцы выкатили на улицу два противотанковых орудия. Одно он уничтожил огнем, а второе раздавил. Вдруг вижу его танк в огне. «Все, — подумал, — пропал наш Жоравсельчак, не вывернуться ему». А он прибавил скорость, свернул в переулок и давай давить пехоту. Экипаж танк не покинул. Сумел сбить пламя и почти невредимым вернуться в роту.

На другой день, отбивая контратаку, Георгий подбил четыре танка, три из них сгорели. Однако и его танк был подбит, а сам он был тяжело ранен. Отправлен в госпиталь. И вот судьба.

Госпиталь как раз развернут в Каменном Яре, это там, где в ноябре переправлялись через Волгу. Каменный Яр, кажется, был родиной Умнова. Лечение пойдет быстрее, родные стены помогают.

Подходят стрелковые дивизии, артиллерия. Врага обкладывают еще более плотным кольцом, как в берлоге. Замкнут он надежно. Но с ходу уничтожить его не удалось. На прорыв не идут, боятся. Ждут помощи извне. Ну и пусть сидят, все равно добьем...

При отражении одной из ночных контратак шальная пуля вонзается мне в живот. Ну и не везет же, черт побери! В Т-70 радио не было. Надо было подтянуть один танк. Флажков ночью не видно. Решил бежать к нему. И вот... К счастью, пуля проникла неглубоко. Полковой врач Софья Цырульникова тут как тут, раз — и пули нет: зубами тянула при свете фонарика. От госпитализации отказался. Через два-три дня был в строю. Принял роту Т-34, командир которой сгорел в танке. Назначению рад. Еще бы! Т-34 — это гроза немецких танков. Я воевал на них в августе в Сталинграде. Знаю их хорошо, влюблен в них и готов на них идти до Берлина.

Мои малютки Т-70 почти все сгорели. Да и как им не гореть? Моторы питались бензином, два мотора на одной оси, рядом с механиком-водителем. Уцелевшие командиры пересаживаются на Т-34. Мы опять вместе, впереди нас ждут еще более ожесточенные бои.

Для оказания помощи окруженной 6-й армии Паулюса из района Котельникова была двинута вновь созданная мощная армейская группа «Гот». Ее основу составляли три танковые, одна моторизованная и пять пехотных дивизий. Возглавлял ее командующий 4-й танковой армией генерал Г. Гот, битый нашими войсками под Москвой и Сталинградом.

Главный удар наносился восточнее Дона, вдоль железнодорожной линии Тихорецк — Сталинград. 12 декабря противник перешел в наступление и начал быстро продвигаться вперед. Соединения 51-й армии в ожесточенных боях сдерживали врага, но силы были крайне не равны. Нависла серьезная угроза прорыва. Наше командование предпринимало меры по отражению удара этой группировки. Против нее стягивались новые силы.

Наш 4-й механизированный корпус спешно сняли с внутреннего кольца окружения и вдоль левого берега Дона с боями двинули навстречу армейской группе «Гот». Впереди наша 60-я мехбригада. Ее ведет подполковник А. Г. Карапетян. Сбиваем отдельные заслоны противника. Освобождаем все новые и новые деревни и станицы.

Вначале продвигались на редкость быстро. А затем застряли в боях за мосты через Дон в районах Ляпичева и Логовского. Лесная, болотистая местность была не для танков.

За Ляпичевом буквально с ходу захватили небольшой хутор Немки. Впервые мотострелки атаковали на автомашинах, идя прямо за танками. Обычно спешивались. Риск был оправдан. Нельзя было терять ни одной минуты. Фашисты были ошеломлены такой дерзостью, разбежались. Вечером вызвал командир полка Бриженев.

— Орлов, кто в роте самый храбрый, молодой и красивый офицер?

Назвал бы Георгия Умнова, но он еще в госпитале. Тогда говорю:

— Лейтенант Хизетль, а в чем дело?

— Да вот видишь дивчину. Она просит разрешения взглянуть на храброго из храбрых и поцеловать его. Организуй, пожалуйста.

Так организовали, что они подружились на всю жизнь.

Пришла и сменила нас пехота. Она за сутки-двое сделала то, чего мы не смогли в лесах за неделю. А мы бросились вперед навстречу самым тяжелым боям, какие выпали на корпус в битве за Сталинград.

В середине декабря между Сталинградом и Котельниковом в районе населенных пунктов Верхне-Кумский и Нижне-Кумский и в междуречье Аксая и Мышковы развернулись ожесточенные встречные танковые бои, в которых только со стороны врага принимало участие несколько сотен танков. Они длились днем и ночью, много суток подряд на заснеженных просторах.

Армейская группа «Гот», имея на острие клина танковые дивизии, с 12 декабря рвалась к Сталинграду. Еще бы не рваться, ведь там окружена их более чем 300-тысячная отборная армия. Ее приказано спасать, спасти, несмотря ни на что, любой ценой.

Просторы сталинградских степей — раздолье для маневренных действий танков, особенно наших славных Т-34. В середине декабря подполковник Бриженев поставил задачу вместе с частями бригады овладеть с ходу хутором Верхне-Кумский, который был только что захвачен фашистскими танками... Короткий огневой налет — и вперед. Прикрываемся с фронта одной ротой. Двумя ротами атакуем с фланга. За нами мотопехота 60-й мехбригады. Гитлеровцы расставили танки у мазанок на окраине хутора. Обнагтели, даже не маскируются. Это нам на руку. Атакуем в боевой линии. Танки набирают скорость. Усиливаем огонь. Местность ровная, открытая, как скатерть. Превосходная видимость. Вижу, как вспыхнул танк лейтенанта Плугина. Никто из него не выскакивает. Танк горит и на ходу ведет огонь. Даю команду по радио покинуть танк. В ответ слышу: «Идем на таран». Горящий танк первым врывается в деревню и сразу же взрывается...

Плугин, Плугин, ну почему не выполнил команды?! Никто бы тебя не осудил. Только что подбил танк, что еще тебе надо?

Белокурый, совсем еще юный, только в июле получивший лейтенантские погоны, Плугин, спокойный и тихий по свойству души своей, обрушил свою тридцатьчетверку на фашистский танк. Еще один из когорты моих бывших курсантов-ульяновцев грудью закрыл дорогу врагу на Сталинград. Ему не было и двадцати.

Врываемся в деревню. За хатами новенькие, брошенные врагом танки. Их штук 10—12. Некоторые даже с заведенными моторами. Взяло любопытство. Заскочил в один из них. Смотрю, в углу бочонков с красочными наклейками и с краником. Думаю, неспроста. Попробую. Хватил немного. Потом оказалось, что это ром, да еще французский. Хороши вояки: сами сбежали и танки бросили.

В другом танке ребята обнаружили огромный, как автопокрышка, круг сыра. Сначала и не разобрались. На сыре-то не росли. Ну а потом уж и ему воздали должное.

Как оказалось, это были танки 6-й танковой дивизии, спешно переброшенной из Франции специально для усиления группы «Гот», рвавшейся на спасение армии Паулюса.

Вскоре видим, как до полусотни танков с трех сторон ринулись отбивать Верхне-Кумский. За ними пехота на транспортерах. Непрерывной чередой их поддерживает авиация. Развертываемся на окраине в боевую линию. С нами артиллеристы, бронебойщики и мотострелки 60-й мехбригады. Выждали немного, пока танки подойдут на прямой выстрел. Вот они перед нами, видны черные кресты. Можно бить. Залпом открываем огонь. Немало их накорезили.

Вслед за этой отбили еще несколько атак танков и мотопехоты.

Здесь особенно отличились воины 1-й танковой роты, командиром которой был старший лейтенант Куява. Он лично подбил два танка. Был тяжело ранен в голову, но роту не покинул.

К утру выходим к малозаметной степной речушке. Здесь заняли прямо на берегу выгодную позицию в карьере. Корпус танка укрыт, а башня господствует. Выгоднее позиции не придумаешь. Ждали недолго. Видим, неприятельская колонна из 30—40 танков на большой скорости прямо перед нами рвется к ближнему броду. Мчатся без разведки, нахально. Ну подождите... Командую подпустить ближе, огонь открывать вслед за мной бронейными.

Вражеские танки как на ладошке. Подставили борта. Вот это да, случай редкий. Выждали еще немного. Ох, как трудно терпеть в такой обстановке! Но надо. Бить, так наверняка. За каждый промах цена одна — наши головы. Да и это ничего. Важно не пропустить танки. Лавина танков все нарастает. А нас только рота. Рота? Нет, всего 7 машин. И никого рядом. Мы одни. Расчет на внезапность. Ну, родные наши тридцатьчетверки, не подведите, надежда на вас... Вот уже отчетливо

видны кресты на башнях. Даю команду открыть огонь. Сам давно держу в прицеле головной танк. Он идет на смерть. Точно, горит с первого выстрела. Никто не выскакивает из танка. Кричу: «Огонь! Огонь!» И зря. Рота действует как на полигоне. Спокойно, уверенно... Смотрю, горят один, второй... много. Кажется, десять или одиннадцать танков одновременно. А мы все целехоньки... Рядом со мной танк лейтенанта Николаенко. Он тоже мой воспитанник по 2-му Ульяновскому танковому училищу. Уверенно и особенно точно он бьет из пушки. Увидел, что один из танков, по которому я выпустил уже два или три снаряда, продолжает двигаться к реке, решил помочь мне. С первого выстрела перебил ему гусеницу. Тот завертелся на одном месте, клюнул носом и заглох. Экипаж — бежать. Пулеметной очередью Николаенко приковал его к земле. Он же первый обнаружил на левом фланге несколько орудий фашистов и открыл по ним огонь. Вслед за ним и остальные наши танки перенесли огонь на противотанковую артиллерию. Эх, судьба, судьба! Сегодня Николаенко герой. Завтра его не будет. Еще один русский паренек выполнит свой долг до конца. У хутора Нижне-Кумский он подобьет два немецких танка и погибнет вместе с экипажем.

Несмотря на большое превосходство, немцы откатились на ближайшую высоту. Атаку не повторили. Бросили горящие и подбитые танки и махнули в другом направлении, в обход нашей засады. Да, это они еще могли делать. Их было больше, намного больше. Сколько? Конечно, мы не знали и узнали не скоро... На нас бросили авиацию, ожесточенно бомбили. Отбиться было нечем, зенитчиков с нами не было. Пришлось туго, но выдержали.

На исходе дня офицер штаба лейтенант Георгий Викторович Ключарев привез приказ командира полка срочно выйти из боя и занять новый рубеж недалеко от Верхне-Кумского. Жаль было покидать отличную позицию. Сердце наполнилось радостью при виде кладбища фашистских танков. Но приказ есть приказ. Где-то мы еще нужнее, чем в засаде у степной речушки.

Оказывается, фашисты ввели в сражение новые силы, нажали на другом фланге. Снова захватили Верхне-Кумский, за который мы на днях пролили так много крови. Он стал центром, вокруг которого идет многодневная ожесточенная борьба. Придет время, историки еще скажут свое слово о делах и людях, остановивших танковую армаду, шедшую на спасение армии Паулюса. Именно армаду, ибо, как позже стало известно, ударной силой неприятеля здесь были три танковые и одна мотодивизия. Всего около 500 танков. Среди них отдельный батальон тяжелых танков, приданный армейской группе «Гот». Именно здесь, под Верхне-Кумским, нашим войскам пришлось впервые принять на себя

удар этих чудовищ. «Тигры» до этого нигде еще на фронте в боях не применялись. О них мы ничего не знали. Гитлер делал на них большую ставку. Однако танковое кладбище фашистов было общим.

На указанный командиром полка рубеж идем ночью, с боями. Однажды на высокой скорости, с зажженными фарами прорываемся через какой-то хутор, только что занятый фашистами. Они растерялись. Видимо, приняли нас за своих. Мы проскочили... С утра на занятые нами позиции идут вражеские танки. Их несколько десятков. С рассвета непрерывно висят над нами какие-то неуклюжие горбыли. Говорят, румынские. Вперемешку с ними немецкие пикировщики. Утомят здорово. Целый день бомбят, строчат из пушек и пулеметов. Головы поднять не дают. А танки все атакуют и атакуют. Они рвутся со всех сторон. Рядом с нами артиллеристы и бронебойщики. Несмотря на то, что мы подбили немало и здесь танков, они все лезут и лезут. Откуда их столько взялось? Вот они уже просочились через наши боевые порядки. Впереди какие-то новые, с особо длинной пушкой танки. Да, не знали мы тогда, что это и есть «тигры»... Проводим отчаянную контратаку на Верхне-Кумский и вновь, уже в который раз, овладеваем им. Кумский — условно. Уже нет ни одной мазанки в этом хуторе. Одни головешки. Однако силы слишком неравные. Против уже изрядно потрепанного в боях корпуса противник вводит свежие силы. Мы почти месяц в непрерывных боях. 20 ноября пошли на окружение врага, а завтра уже 18 декабря. Самый тяжелый и вместе с тем радостный день.

На исходе дня отбиваем еще одну танковую атаку. 20—30 танков обошли нас по глубокой балке и вышли в тыл. Снимаемся с позиций — и навстречу им. С нами бронебойщики 60-й мехбригады. Напоровшись на наш огонь, фашисты бросили подбитые танки и скрылись за высотой. Бриженев радует: зацепить и притянуть один немецкий танк. Для прикрытия беру одну тридцатьчетверку. Ожидали, что танк будет прикрыт пехотой. Ан нет! Без помех зацепили T-IV и приволокли в расположение полка. Осмотрели. Почти никаких повреждений. Слабаки фашисты. Чуть что — и бежать.

18 декабря враг предпринял одну из самых ожесточенных атак. В воздухе полное господство немецкой авиации. Манштейн ввел в сражение последние резервы, 17-ю танковую дивизию. Этого удара мы не выдержали. Силы были крайне не равны. Нас с двух сторон обошли колонны танков. Часть их провалилась в глубокий тыл, к реке Мышкове у хутора Нижне-Кумский. В полку большие потери. Как много осталось лежать солдат и офицеров на безымянных высотах вокруг незаметного степного Верхне-Кумского хутора, ставшего почти на десять дней центром кровопролитной танковой битвы...

Вечером 18 декабря по боевой радио-

сети объявили, что нашему корпусу присвоено гвардейское звание. Еще с большим ожесточением отражаем удары танков и авиации во много раз превосходящей нас группировки. Танки, кругом танки.

Организованно, с боями отходим на рубеж реки Мышковы, но не даем врагу прорваться к Сталинграду. До города несколько десятков километров. Я на единственном в полку танке. Остальные уже вышли из строя. В роте погибли многие замечательные командиры, молодые лейтенанты, которых я в Ульяновске выучил и привел на великое поле сражения на Волге. На нас насаждают сразу несколько танков. Два подожгли. Но их много. Обходят, черти, со всех сторон. Отстреливаюсь, прикрываю отход штаба. Командир полка в «эмке». С ним Иван Козлов, командир взвода разведки. Сверху пикируют сразу несколько самолетов. Вижу, «эмка» горит. Надо спасать. Быстро беру людей на танк. Отходим через Черноморов за речку Мышкову...

Наш бывший 4-й, теперь уже 3-й гвардейский механизированный корпус и другие войска 51-й армии ожесточенными многодневными боями в неоглядных сталинградских степях выиграли несколько суток, обеспечили подход и развертывание свежих резервов. Мы даже выделяли свой автотранспорт для ускоренной переброски подходящих из глубины войск.

2-я гвардейская армия совершила за несколько ночей двухсоткилометровый марш. Шли по-суворовски: за ночь 40—50 километров. Декабрьские морозы не были помехой. Пока мы сдерживали натиск ударной группировки Манштейна, армию Паулюса все плотней и плотней обкладывали с земли и с воздуха. Да так сильно и основательно, что он не рискнул даже ударить навстречу Манштейну из Сталинграда, видимо, понимал, что это неминуемая и скорая гибель. Правда, свои войска в «котле» Гитлер пытался обеспечить всем необходимым по воздуху. Но не тут-то было. Фашистские самолеты сбивались и уничтожались... Так, 24-й танковый корпус генерала В. М. Баданова, введенный в сражение 19 декабря, совершил за 5 суток беспрецедентный рейд в тыл врага на 240 километров, ворвался внезапно на крупнейшую авиационную базу в районе Тагинской и уничтожил на ней огнем и гусеницами более 300 самолетов. Такого тоже еще не было в военной истории.

В самый последний момент я ранен в обе ноги. Со мной также ранен Георгий Ключарев. А случилось это так. После переправы через Мышкову мы укрыли танк в кустах и вместе пошли к штабной машине. Вдруг один за другим заходят в пике два истребителя, которые и прижали нас к земле. Ключарев лежит впереди меня метра на два-три. Здесь нас и накрыло. Меня так себе, всего несколько осколков впелись в ноги, а вот Ключареву выпали полный заряд. Казалось, что

у него все перебито. Его сразу в медсанбат и потом дальше в глубокий тыл. А меня... снова спасла Софья Цырульникова, которую как раз перед этим только что вытащили из речки, куда ее забросило взрывом авиабомбы. Она была вся в сосульках, волосы дыбом стояли, как иглы у ежа.

С Георгием Ключаревым связи были потеряны, считали мы его погибшим. Парень он был во всех отношениях замечательный. К счастью, оказалось, он перенес все тяжести долгого лечения. Остался жив, но был списан в тыл... Многого преуспел в жизни, а главное — нашелся. Установлен контакт. Пусть долгой будет его жизнь!

При расставании со мной горюет Иван Козлов. Мы были друзьями. Это на редкость смелый человек, с природным даром разведчика. В каких переделках он только не побывал! Прошел всю войну, несколько раз был тяжело ранен. Продолжает и сейчас трудиться в столице Коми АССР.

...Через сутки-двое я опять в строю, в бинтах и с палкой, но в строю. Как все быстро заживало! Иначе и быть не могло. Это был декабрь 42-го. Я 22-го года рождения. Значит, мне двадцать — жить да жить.

К сожалению, добивать остатки войск Гота вместе с войсками 2-й гвардейской армии не пришлось. Правда, корпус и наша 60-я, теперь уже 9-я гвардейская мехбригада, совершив глубокий охватывающий маневр через калмыцкие степи и ударом вдоль Маныча на Батайск и Ростов, внесли свой гвардейский вклад в завершение разгрома войск Манштейна.

Наш же 21-й танковый полк, переименованный в 45-й гвардейский, был выведен в район Бекетовки, что на южной окраине Сталинграда, для получения танков с ремонтного танкового завода.

Мы были совсем рядом с передовой. В эти дни мы часто с полковником Николаем Бриженевым и Иваном Козловым бывали в городе, видели руины и площади, усеянные десятками тысяч могильных крестов со свастикой на перекладинах.

31 января наши солдаты выгнали Паулюса и его генералов из логова, оборудованного ими в подвале универсама в центре города. 2 февраля были добыты и пленены остатки его войск в северной, заводской части города. Это там, где 23 августа мне пришлось во главе танковой роты отражать первый удар врага на Сталинград. А 4 февраля на площади Павших Борцов состоялся победный общегородской митинг. Вместе с другими офицерами полка нам посчастливилось принять участие в этом великом историческом событии.

Мне предстояло еще пройти от Волги до Румынии. Принимать участие в не менее жестоких схватках, воевать за себя и за друзей, навечно сложивших свои головы на берегу великой русской реки.

НАШ ГЕРОЙ

Кто он, наш вокругсветовский герой?

Каждый номер журнала отвечает на этот вопрос. Вот, к примеру, номер второй, тот, который вы, читатель, сейчас держите в руках.

Вас ждут встречи с защитниками Сталинграда, людьми, которые ценой огромного мужества и отваги, ценой собственной жизни одержали великую победу на полях Великой Отечественной. Вас ждут встречи с вертолетчиками, совершающими трудные полеты в условиях зимней Якутии; с молодыми учеными, исследующими и охраняющими природу на Колыме и в пустыне Каракумы...

Наш герой живет и борется на всех континентах нашей планеты. Только читая этот номер, вы побываете в Азии, Латинской Америке, Африке и познакомитесь с афганским лицеистом, который с оружием в руках защищает завоевания революции; с одним из тысяч молодых эффиопов, поднимающих от векового сна целину...

Нашего героя читатель встречает на рубежах тех свершений, что происходят в Советском Союзе и социалистических странах; на передовой классовой борьбы и борьбы за национальную независимость — в странах капитала.

Наш герой уходит в дальние экспедиции, на штурм космоса, глубин океана и высочайших горных вершин, в трудный научный поиск познания Природы.

Журнал уже вел разговор с читателем о том, как много дают редакции его ответы и мнения. Сегодня публикацией анкеты «Наш герой» редакция приглашает читателей продолжить этот разговор и ответить на следующие вопросы:

1. Кто из героев очерков, опубликованных в «Вокруг света», больше всего запомнился? И почему?

2. О людях каких профессий хотели бы вы прочитать в будущих номерах «Вокруг света»?

3. О жизни и труде молодежи каких стран вам хотелось бы узнать больше?

В. ВОРОНЦОВ
Фото автора

ВЕНИЦЕЙСКИЙ ПОЛДЕНЬ

Есть города, будто новые, сошедшие со свежих матриц XX века, есть средневозрастные, глядя на которые так и не поймешь, какому столетию обязаны они своим рождением: девятнадцатому? восемнадцатому?.. А есть совсем особые, что едва ли не при самом своем рождении историей и людьми превращены в музей под открытым небом. В них сохранилось и донеслось до нас дыхание дальних эпох.

Поезд из Милана в Венецию на последнем отрезке пути сбавляет ход, тихо идет по долгому мосту, опирающемуся на 222 арки. По обе стороны железнодорожного пути — морской простор. Такое чувство, будто не по рельсам движешься, а скользишь по водной глади. И даже перестаешь воспринимать перестук колес.

Сойдя с поезда, и вовсе забываешь о колесном транспорте. Здесь передвигаются либо пешком, либо по воде — на катерах, которые называются «вапоретто», на речных трамвайчиках, в гондолах. Напоминанием о веке автомобилизма служит колоссальный гараж на Пьяццале Рома — Римской площади, где автопутешественники, прибывающие в Венецию, оставляют свой колесный транспорт...

Вот и Венеция... Первые приходящие в голову ассоциации: Венецианская республика, венецианские каналы, венецианские дожди, венецианское стекло. Какие стеклянные чудеса производили на свет в здешних мастерских — выдувные вазы, бусы, «фальшивые» драгоценности, зеркала — еще в те времена, когда не филигранное, не цветное, не объемное стекло, а самое обыкновенное, плоское, оконное было предметом вельможной роскоши.

Еще не так давно в русском языке нормой было прилагательное «венецианский», «венецейский», у Блока — «...венецейской девы Канцоной нежный слух пленя...» Теперь же осталось «венецианский», что звучит возвышенно и торжественно...

Город-музей, город-загадка, город-история... Город, который и сравнить-то ни с каким другим нельзя, потому что всегда чудеса зодчества — пусть равные венецейским, но иные — сравнивали с ней, с блистательной, романтической, жизнестойкой Венецией.

Здесь даже счет времени был иным. По давней традиции время суток начинали отсчитывать с заката солнца. Поэтому венецианский полдень — это шесть-семь часов утра, ранняя пора, когда по всей стране — рассвет...

Тихая вода каналов — как из толстого бутылочного, совсем не «венецианского» стекла. В ней отражения пестрых флагов и транспарантов, зазывающие на выставки. В ней отражения перевернутых фасадов зданий и

дворцов — словно корабли бросили якоря на вечной стоянке.

В первое воскресенье сентября в Венеции праздник. Один из многих в городе, знаем толк в церемониях, знаменитая регата, «регатта сторика». День начинается парадом гондол на Большом канале — канал Гранде. Сотня, а то и более «черных лебедей»-гондол торжественно движутся по каналу. Эпоха ярких разноцветных гондол кончилась еще в XVIII веке. Чтобы остановить безудержную конкуренцию красок и форм, городские власти тогда и постановили: венецианская гондола должна быть только черного цвета и строго установленного размера — 11 метров в длину и около полутора в ширину.

Во главе флотилии — огромная сорокавесельная ладья, в которой восседают судьи. Гондольеры в многокрасочных одеждах. Им предстоит пройти семикилометровую дистанцию. Канал извилист, и на каждом изгибе неизменно живописен. Во всех окнах, на балконах, на мостах, в лодках, выстроившихся вдоль берегов двумя длиннющими шпалерами, — болельщики. Погода в сентябре, как правило, солнечная: синь неба, зелень воды, бархатные, серые и коричневые стены... Пейзаж «регатты сторика» живее всего воспроизвел на своих «ведутах»-картинах Каналетто. На финише трех победителей ждут кубки и денежные призы, а четвертого — визжащий поросенок — единственное живое существо, не испытывающее в этот день всеобщего восторга.

Даже статистика Венеции, города, которому более тысячи лет, имеет романтическую окраску: она расположена на 118 островах, соединенных более чем четырьмястами мостами; 160 каналов, общая протяженность водных улиц, по которым проходят маршруты вапоретто, речных трамвайчиков, — 13 700 километров. Больше трети земного экватора!

Так какой это город? Морской? Сухопутный (узких маленьких «настоящих» улочек, калли, и крошечных площадей, кампи, тоже не счесть)? Земноводный? В голову приходит лишь одно определение: Венеция — город... венецианский!

Многочисленные каналы ее называются «рии» — улицы. Проплывая по ним, можно видеть, как менялась архитектура города в зависимости от поступи столетий. Знать возводила «палаццо» — дворцы в основном вдоль Большого канала. Их облик зодчие старались органически сочетать с окружающей средой — предусматривалось обилие солнца, света, «программировалась» прозрачность, легкость воздушного пространства, учитывалась близость воды у порога домов. Палаццо — их чуть не двести — теснятся по берегам Большого канала. Они и в стиле венецианской готики, и раннего Ренессанса, в духе высокого Возрождения или

отмечены печатью классицизма, но не выглядят в этом городе отчужденно. Им несвойственны замкнутость, надменность, «уход в себя», присущий обычно вельможным строениям: это здания открытых и гостеприимных форм. Они в тесной гармонии с природой и душами живших здесь людей.

Интuitивно и безошибочно мастера

нащупали ту модель градостроительства, которая будет осознана в XX веке как экологически грамотная.

Архитекторы использовали в постройках мрамор, гранит, ввели в декор лепку, кованое железо, разноцветную мозаику. Утонченной архитектурой, ажурностью балконов и террас выделяется дворец Ка'д'Оро; «ка» — сокращенно от «каза» — дом, «оро» —

золото. Настоящий «золотой дом». Во дворце Ка'Пезаро, принадлежавшем когда-то одной из самых древних аристократических венецианских семей, ныне расположены музеи восточных культур и современного искусства, здесь же размещаются международные художественные выставки. Дворцы Фарсетти и Лоредан отданы муниципалитету Венеции, в Фондако деи Турки находится государственный музей природоведения, а в Фондако деи Тедески — почта и телеграф.

Кто не слышал о центральной площади Венеции — Пьяцце ди Сан Марко? Она огромна — 176 на 82 метра. Это, в сущности, единственная площадь города — «пьяцца». Остальные «пьяццале» — площадочки, или «кампо» — площадки. Сан Марко — это как бы центральный зал города-музея. Названия зданий, выходящих на площадь, завораживают: собор св. Марка, дворец Дожей, Старые и Новые Прокурации, Библиотека Сансовино...

Грандиознее дворца Дожей нет в Венеции. Он перестраивался, достраивался на протяжении столетий. Каждый архитектор вносил свое в этот главный дворец Венецианской республики, где сосредоточивалась власть пожизненно избиравшихся дождей, Большого Совета, Сената, Синьории...

Дворец Дожей был завершён к середине XV века. И хотя пожары не раз набрасывались на него, он остался богатейшим собранием скульптур, коллекций оружия, одежды. И сохранил главное — росписи на потолках, на стенах, в залах, на лестницах. Здесь творения великих Тинторетто, Веронезе, Пизанелло, Бассано, Тициана...

Рядом с дворцом Дожей на набережной дельи Скьявони — Карчери, мрачно знаменитая тюрьма, обитель мук и ужасов. Она крыта свинцовыми листами — для вящих страданий узников в жаркую погоду. Между дворцом Дожей и тюрьмой повис над каналом мост Вздохов. Отсюда осужденный бросал последний взгляд на море и небо, последний раз вдыхал свежий бриз. Последний раз, чтобы скрыться в каменной темнице. Порой навсегда.

...В любое время суток на площади Сан Марко толпы туристов со всех концов света. Отдельные «торговые точки» давно слились в бесконечный торговый ряд: в галереях первых этажей — сплошь магазины. Столики ресторанов и рестораничек высыпали, перемешались на площади. Официанты предлагают разные меню и называют разные цены. Только темперамент здесь неизменен, как и по всей Италии.

И всюду — голуби. В последние годы они стали настоящим бичом площади Сан Марко, да и всей Венеции. Голуби не очень-то разбираются в искусстве, они далеки от эстетики, невежественны в истории. Городские птицы — серьезная проблема. Что с ними делать? Еще лет двадцать назад решение со-

кратить их численность вселяло в сердца венецианцев гнев. Ныне — это будничные заботы для городских властей, оберегающих бесценный мрамор и гранит.

На Пьяцце ди Сан Марко проводят досуг туристы: сидят, отдыхают, вкушают венецианские и заморские блюда, слушают оркестровую музыку, осматривают картинные галереи, вернисажи и... позируют. Да, здесь можно не только оценить и приобрести работы местных художников, но и заказать собственный портрет.

Одним словом, площадь Сан Марко — это Венеция в миниатюре. И напрашивается: Венеция — миниатюрная Италия? Нет, это не так.

В этом городе почти вся жизнь теперь подчинена индустрии туризма. Ежегодно сюда приезжают шесть-семь миллионов человек, а коренных жителей на островной части города-музея всего 143 тысячи. Чуть не каждый венецианец в той или иной мере работает на туризм или соприкасается с ним. Служит в отеле или ресторане, в кафе или мага-

зине, трудится в мастерских над изготовлением сувениров или в выставочном зале, в кинотеатре, в казино. Гиды, чичероне, гондолеры, уличные музыканты — к услугам туристов. Разумеется, богатых туристов. Сезон приема гостей в Венеции начинается в конце апреля и заканчивается в ноябре. Весной цены резко прыгают вверх, осенью неохотно сползают вниз.

Продавцы магазинов, служащие банков, контор, повара, официанты, матросы вапоретто, гондолеры в сезон работают ежедневно по 12—15 часов. Надо скопить деньги, чтобы их семьям прожить до весны. Но часто, очень часто на узких калли встречаются люди с протянутой за подаванием рукой.

В городе роскошных дворцов, прекрасных отелей немало бездомных. В их число порой попадают даже туристы. Номера в отелях пустуют: плата непомерно высока, и многие путешественники ночи проводят на скамейках вокзала, на «площадочках», а то и устраиваются в спальных мешках прямо на каменных плитах возле памятников старины.

Жестко, неудобно, холодно. И тем тревожнее пробуждение от толчка полицейского...

Несколько дней в Венеции — это серьезное испытание для карманов молодых туристов, прибывающих в город-музей из западноевропейских стран. Поэтому обычными стали сценки, когда молодые люди здесь же, на улице, на набережной, зарабатывают на хлеб и зрелище самостоятельностью. Извлечены из сумок, рюкзаков, из чехлов и баулов музыкальные инструменты, и вот уже звучит мелодия, плывет в воздухе песня, а рядом с исполнителем появляется шапка, коробка, тарелка, открытая любым денежным поступлениям — монеткам, бумажкам.

Уличных артистов чаще всего можно наблюдать на Моло — набережной широкого канала Бачино ди Сан Марко. Здесь с утра до позднего вечера — по-старовенециански с полудня до полуночи — трудятся художники, мелкие торговцы сувенирами, музыканты. Лодочки зазывают на прогулки по морю и каналам.

В конце Бачино ди Сан Марко глубина фарватера позволяет причаливать к берегу морским судам. Сюда ежедневно шваргуются суда под самыми различными флагами — рейсовые пассажирские, торговые, туристские. Но нередко на рейде среди невинных гондол, рыбацких катеров и шхун появляются серые боевые корабли НАТО.

«Венеция — это гнездилище всяческой скверны», — писал в «Декамероне» Джованни Боккаччо. Не любил Венецию великий флорентинец: в XIV веке Флоренция и Венеция враждовали не на шутку, торговые и банковские дома этих двух городов соперничали вовсю. Сейчас Флоренция и Венеция делят разве что право на звание самого красивого города Италии. И представления о скверне у современных честных, думающих флорентийцев и венецианцев — как и у всех честных, думающих итальянцев — пожалуй, одинаковые.

То и дело в различных городах Италии вспыхивают бурные демонстрации против угрозы войны, против размещения в Западной Европе американских ракет, против превращения, например, Сицилии в стартовую площадку для ядерной бойни.

Но в Венеции широких улиц нет, на узких набережных и каналах акции протеста приняли свои, венецианские формы: на стенах набережных появляются антивоенные лозунги, намалеванные броской краской. Проходят по водным дорогам гневные процессии лодок и катеров. Над ними на шелестящих от ветра транспарантах, плакатах надписи «Нет — войне!». А то затянет гондольер баркаролу, в которой звучат слова: нейтронная бомба, крылатая ракета, першинги, ядерное безумие...

К скверне Венеции можно отнести и печальные парадоксы в морали общества. Множество соборов, церквей, бесчисленные монастыши и монахи, служители культа (религиозность венецианцев весьма высока)... Это не мешает тем не менее рядом с храмом поместить кинотеатр с рекламой порнографических фильмов о монашках в одном из монастырей... И еще больше фильмов, прославляющих насилие, убийство. И угроза молодым — торговля наркотиками... И неуклонный рост преступности, тревожащий в последние годы городскую общественность...

...Венецианцы любят хвалиться состоянием окружающей среды. По словам иных патриотов города, здесь царит экологическая идиллия: нет промышленных предприятий, фабрик и заводов, нет городского транспорта — вапоретто не в счет. На каждом клочке земли, а порой просто в кашушках, в ящиках жители выращивают декоративные кусты, виноградные лозы, цветы. Здесь каждое дерево на счету, а уж зеленые сады — это привилегия только очень богатых людей.

Но охрана среды обитания — это серьезнейшая проблема и здесь. Волны разрушают фундаменты домов и сваи набережных. Дно лагуны то поднимается, то опускается. Постоянная угроза наводнений. С ужасом вспоминают венецианцы стихийное бедствие 1966 года. Сырость, губительно действующая на произведения искусства. Колоссальный приток туристов. Бедственное состояние жилищ венецианцев.

Охрана окружающей среды в последние годы — в центре пристального внимания итальянских коммунистов в провинции Венеция. Это они занимаются вопросами занятости населения, увеличением количества рабочих мест, повышением жизненного уровня трудящихся, социальным развитием города. Это они борются за переселение людей из полуподвальных и подвальных помещений, расположенных на уровне или ниже уровня воды, таких, что особенно страдают от наводнений; за очистку больших и малых каналов от мусора, сточных вод...

Коммунисты часто выступают перед венецианцами на небольших кампо города. В праздничный день 1 Мая газета «Унита» — орган ЦК Компартии Италии — распространяется среди населения Венеции особым образом: в этот день каждый покупатель платит за газету столько, сколько может. А собранные средства идут на помощь семьям коммунистов, лишенных работы. Каждому, кто купит газету в этот день, вручают красную гвоздику.

...Венецианцы любят праздники. Масленичный венецианский карнавал своей пышностью, искрометностью может поспорить со знаменитым бразильским. Есть праздники труда, праздник провозглашения республики. Особой популярностью в Венеции пользуется «Сенсо» — праздник обручения с морем. Столетиями было так. На вознесенье дож садился в свой богато украшенный корабль — «буцентавр», отплывал от набережной Моло и в проливе Порто Сан Николо ди Лидо — судовой проливе, проделанном в естественной песчаной косе, защищающей Венецию от Адриатики, — опускал в воду золотое кольцо. Так обозначалось скрепление вечного союза между городом и морем.

Праздник «Сенсо» жив до сих пор, но в современной модификации. Через обручение с морем венецианцы чувствуют глубинную связь со всеми водами Земли, с дальними островами, странами и континентами. Они хотят жить в согласии с природой и миром. Они не возражают против роли, выпавшей Венеции, — быть городом-музеем. Мирным музеем на мирной Земле.

По древней традиции новый день в городе начинался с закатом солнца. А на рассвете бьет час венецианского полдня...

Венеция — Москва

Ольстер начинается в Лондоне. Уже в столичном аэропорту Хитроу чувствуется необычность предстоящего полета. Пассажиры, вылетающих в Ольстер, сразу же отделяют от общего потока и пропускают узким длинным тоннелем к воротам № 49. Нас — вместе с собственным корреспондентом «Известий» Владимиром Скосыревым — тщательно обыскивают: хлопают руками по спине и плечам, прощупывают карманы. Сотрудник службы безопасности просит включить репортерские диктофоны — неужели хочет дать интервью? Нет, удивившись, что это действительно диктофоны, а не бомбы, пропускает нас к самолету.

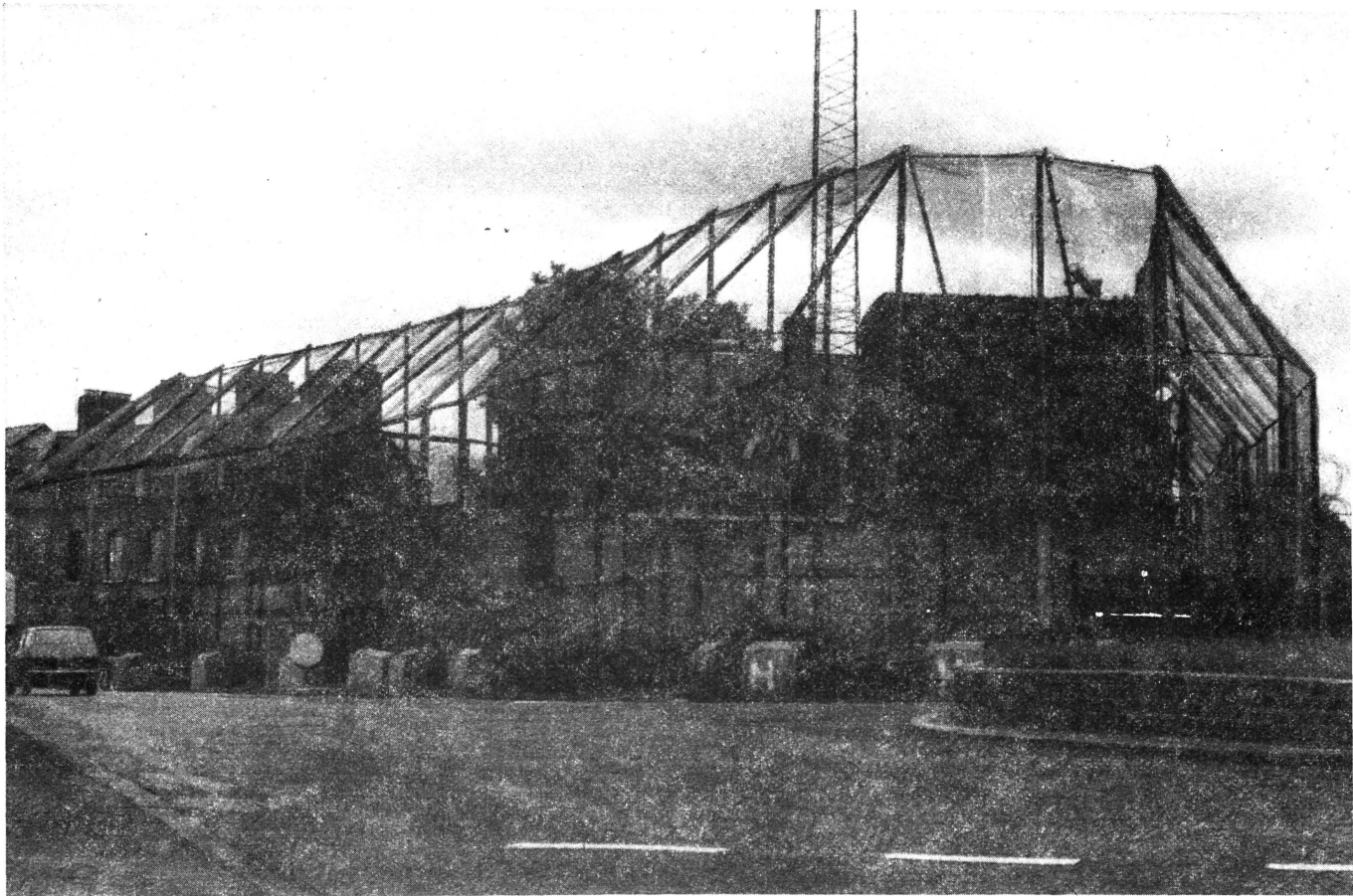
Всего час занимает полет из Лондона в Белфаст. И тем разительнее переход от столичной суеты к атмосфере военного города. Броневики с английскими солдатами встречаются уже в аэропорту. Некоторое время стараешься привыкнуть к тому, что то и дело солдат направляет в твою сторону дуло автомата, не снимая пальца со спускового крючка. Вглядываешься в лица солдат: они напряжены и сосредоточены. Взгляд скользкий, опасливый.

По дороге из аэропорта радиоприемник передает новости, больше похожие на военные сводки: в одном из городов Ольстера нашли взрывчатку, в католическом районе Белфаста произошла перестрелка, убитых на этот раз нет. Потом сообщают, что найден труп неизвестного, ведется расследование.

Для жителей Ольстера новости делятся на две категории — «английские», или международные, и главные — местные — известия. Каждый час североирландцы — католики и протестанты — напряженно вслушиваются в имена убитых и раненых, арестованных и осужденных, не попадет ли в очередную сводку имя родственника, знакомого или соседа? И так без конца.

Эти сводки непрерывающейся войны до внешнего мира обычно не доходят. Лондон тщательно фильтрует их, и на страницы британских газет попадает только то, о чем умолчать уже невозможно. Например, за пределами Ольстера, как правило, не сообщают о карательных рейдах английских солдат, о насилии со стороны полиции. Зато все, что устраивает английскую пропаганду, навязчиво живописуется во всех деталях и подробностях.

Белфаст встретил высокими заборами из колючей проволоки, бетонными надолбами на перекрестках. По улицам беспрерывно курсируют броневики, оцетинившиеся стволами автоматов и пулеметов, нацеленными на кры-

А. ЛОПУХИН,
корр. «Комсомольской правды» —
специально для «Вокруг света»

В ОЛЬСТЕРЕ БЕЗ ПЕРЕМЕН

ши и тротуары. Зияющие пустотой окна разрушенных домов напоминают о продолжающейся в Ольстере трагедии. Все административные здания в Белфасте, не говоря уже о полицейских участках и армейских казармах, обнесены железными сетками, которые защищают их от бомб. Даже гостиница, где мы остановились, огорожена многометровой высотой сеткой: гостиницу эту взрывали уже не раз.

Вся центральная часть Белфаста тоже обнесена железным забором. Попастъ туда можно только через пропускные пункты, где каждого входящего тщательно обыскивают: полицейские привычно похлопывают руками по одежде, заглядывают в портфели и сумки. Рядом солдаты. В который уже раз проходишь мимо направленного в твою сторону дула и вновь замечаешь, что солдат не снимает пальца со спускового крючка.

Трескотня автоматных очередей, эхо взрывов — дело для Ольстера обыч-

ное. После очередного убийства или взрыва (часто бывает трудно разобраться, чьи рук это дело — католических или протестантских экстремистов) на улицах воздвигают баррикады, жгут автомашины. Подростки бросают камни в солдат и полицейских. Раздаются выстрелы — свистят пластиковые пули или настоящие. Так насилие порождает насилие...

Протестанты опасаются налетов вооруженных отрядов «временной» ИРА — экстремистской организации, действующей в подполье, которая выступает за воссоединение Ирландии, против британского засилья. Католиков, в свою очередь, терроризируют протестантские «ультра» из рядов юнионистов (выступающих за сохранение унии с Великобританией), которые объединены в полулегальные военизированные группировки.

Антагонизм этот уходит корнями в XVII век, когда английские и шотландские поселенцы обосновались на северо-востоке католической Ирландии и принесли с собой протестантскую религию. Местное население было изгнано в болотистые и каменные районы. В 1921 году Англия произвела раздел острова: 26 графств образовали независимое ирландское государство, а шесть северо-восточных остались частью Великобритании и стали называться Северной Ирландией, или Ольстером. Из полутора миллионов его жителей две трети составляют протестанты.

Однако в основе конфликта давно уже лежат не только религиозные разногласия. Католическое меньшинство систематически подвергается жестокой дискриминации во всех областях жизни — при получении работы, жилища,

образования, на выборах в местные и центральные органы власти.

Накипевшее возмущение католиков вылилось в конце 1960-х годов в демонстрации за гражданские права. Начались столкновения с протестантами, которые не хотели лишиться своего относительно привилегированного положения. Хотя не следует забывать, что и трудящиеся-католики и трудящиеся-протестанты подвергаются фактически колониальному угнетению.

Вину за экономический упадок Ольстера английское правительство делит с многонациональными корпорациями, беспощадно эксплуатировавшими провинцию и продолжающими выкачивать оттуда прибыли за счет дешевой рабочей силы.

В итоге в Северной Ирландии самый низкий в Соединенном Королевстве уровень доходов на душу населения — больше трети жителей Ольстера не могут удовлетворить даже самые насущные потребности.

В особенно неблагоприятных районах более 40 процентов семей живут исключительно на пособие. Уровень безработицы в Северной Ирландии вдвое выше среднего по стране. Заработная плата у католиков и протестантов существенно меньше, чем у англичан. Детская смертность в Белфасте в три раза выше, чем в самых бедных районах Англии.

Господство в Ольстере английский империализм поддерживает привычными колониальными методами, используя религиозно-общинную рознь, создавая противоречия между разными группами населения и разжигая их при всяком удобном случае. Существующий раскол между католиками и

протестантами используется и в качестве оправдания творимого в Ольстере террора и насилия.

«Раз, два, три, дверь «эйч-блока» отвори!» Эту недетскую считалку мы слышали от трехлетнего мальчика в одном из католических гетто на западе Белфаста. Первой буквой алфавита, которую выучивают ольстерские дети, стала буква Н (эйч) — так называют бетонные застенки белфастской тюрьмы «Мэйз», где томятся тысячи заключенных. Сколько детей погибло от бомб, пластиковых пуль или под колесами армейских броневиков, сколько осталось сиротами!.. Дети Ольстера уже в четырехлетнем возрасте знают, что такое бензиновая бомба, пластиковая пуля. Бесконечные истории убийств, пыток, издевательств наполняют детские сердца ненавистью к «бриттам», поработившим Северную Ирландию.

Неподалеку от белфастских доков «Харленд энд Вулф», в восточной части города, расположено католическое гетто, район Шорт Стрэнд. На его 13 улицах живут 2600 человек. От соседнего района, протестантского, Шорт Стрэнд отделен многометровой высоты железными заборами.

Длинные ряды прижавшихся друг к другу двухэтажных домиков, ни дерева: грязный асфальт, пустыри, развалины домов. Вечерами лишь на углах некоторых домов светятся тусклые фонари: большинство столбов ушло на баррикадирование улиц во время последних волнений.

Завалы и баррикады в гетто стали вполне обычными. На ночь жители нагромождают деревянные скамьи у дверей жилищ — на случай атаки протестантов или рейда полиции.

Нередко Шорт Стрэнд просыпается от грохота железных крышек мусорных баков, которыми колотят о мостовую. Жители сигналият, предупреждая соседей о приближении протестантских экстремистов, полицейских или солдат.

Так каждый день, в каждой семье, в каждом доме...

Похороны — частое событие в Ольстере, где четырнадцать лет хозяйничает британская армия, где «демократию» поддерживают штык и приклад.

«Кровавое воскресенье», когда посланные Лондоном для «умиротворения» парашютисты убили тринадцать человек, растянулось на долгие годы. С трагичной регулярностью в Северной Ирландии гибнет от пуль и бомб, подвергается арестам и заключению, страдает от лишений мирное население.

Всего за эти годы в Ольстере погибло более двух тысяч человек, более двадцати тысяч ранено. Таков итог политики, которую проводит британское правительство в своей «белой колонии».

В тюрьме «Мэйз», построенной по последнему слову пенитенциарной техники, находятся 1300 заключенных, 323 узника отбывают пожизненное заключение, 63 посажены на неопределенные сроки. Средний возраст заключенных — 26 лет.

С Кирэном Ньюдженом — он одним из первых начал борьбу за предоставление узникам статуса политзаключенных и смягчение тюремного режима — мы встретились в домике его друзей. Ему 24 года. Вот рассказ Кирэна:

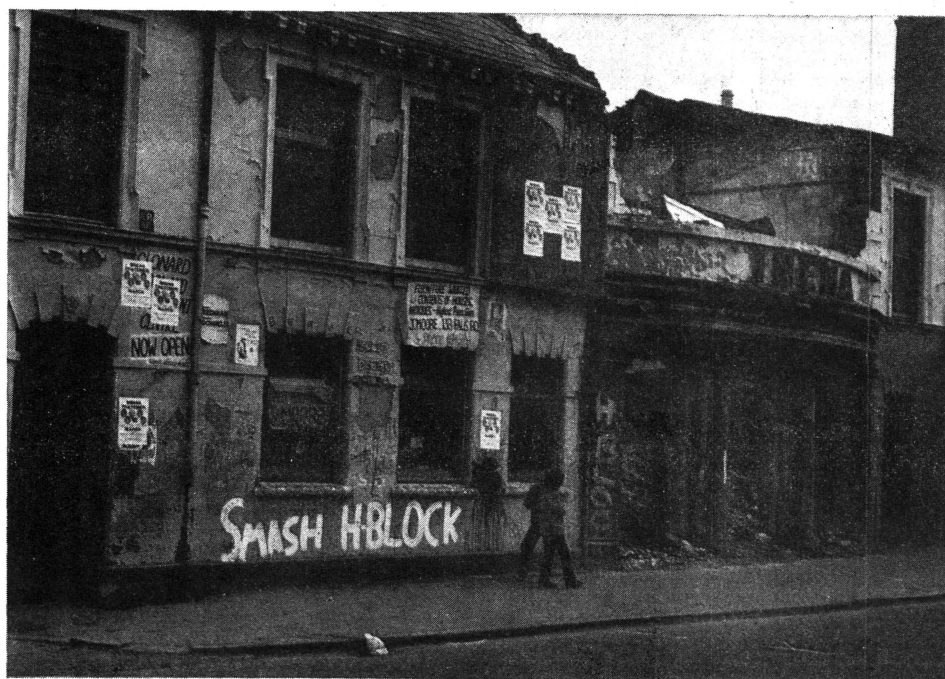
— В 1976 году, когда британское

правительство отменило «особый статус», я был арестован по обвинению во владении оружием. После долгих допросов, избивший меня посадили в Лонг Кеш (концлагерь, превращенный затем в тюрьму «Мэйз»). — А. Л.) на три года.

В знак протеста против отмены статуса политзаключенного я отказался носить тюремную одежду. Меня запугивали и били, били деревянными пал-

Ольстер сегодня: солдаты и полиция держат под прицелом и детей и взрослых. Но ничто не может запугать молодежь, вышедшую на демонстрацию в поддержку узников тюрьмы «Мэйз», за гражданские права в Северной Ирландии.

Фото автора

ками. В камере не было кровати, спал на бетонном полу. Вместо одежды я носил одеяло. Теперь это называется «одеяльный протест». В нем сейчас участвует более 400 заключенных «Мэйза» и около 30 — в женской тюрьме «Арма».

Когда меня выпустили на свободу, я не смог найти работу. Снова несколько раз арестовывали. Северная Ирландия — это тюрьма. Одни томятся в застенках, других безо всяких причин задерживают на улицах. Мне не дают выехать за границу, где бы я мог рассказать о том, что происходит в Ольстере...

В последние годы тюремный конвейер в Ольстере стал работать на полные обороты. Неспособность и упрямое нежелание официального Лондона пойти на какие-либо уступки вынудили заключенных в 1981 году прибегнуть к крайней мере — голодной забастовке. Известие о смерти десяти узников тюрьмы «Мэйз», требовавших предоставления им прав политзаключенных и смягчения тюремного режима, потрясло весь мир и вызвало гневное осуждение общественности в различных странах.

— Британское правительство называло голодавших самоубийцами. Но это не так — они страдали за правое дело и умерли, чтобы сохранить свое человеческое достоинство,— рассказывал мне священник Денис Фол. Он отдает много сил и энергии борьбе за гражданские права.— Советским читателям может показаться странным и непонятным, что узники тюрьмы «Мэйз» избрали своим способом борьбы голодовку. Однако для нас, ирландцев, это традиция, уходящая корнями в историю.

Раз в неделю я навещал заключенных тюрьмы «Мэйз» и подолгу беседовал с ними. Они были солидарны со своими товарищами и полны решимости идти на жертвы. В тюрьме царил необыкновенно спокойная обстановка. Как перед боем. Те, кто пожертвовал своими жизнями, считали себя борцами за правое дело. Они были так молоды...— заключил Денис Фол.

Их протест не был борьбой доведенных до отчаяния одиночек, как это пыталась представить английская пропаганда. Во время голодовки Роберт Сэндс получил большинство голосов на дополнительных выборах в парламент в избирательном округе Фермана и Южный Тирон Северной Ирландии. По всей провинции прошли многотысячные демонстрации солидарности с узниками «эйч-блоков».

Однако английское правительство проявило жестокое упрямство, хотя тысячи людей требовали спасти жизнь Роберта Сэндса и его товарищей.

Английский министр по делам Северной Ирландии Х. Эткинс заявил тогда: «Правительство не уступит. Если Сэндс намерен покончить жизнь самоубийством, это его личное дело».

Протест Роберта Сэндса и его това-

рищей трагичен, как трагична и вся обстановка в Северной Ирландии. Но их борьба не была напрасной. Она показала всему миру, что те, кого английская пропаганда называет «уголовными преступниками», на самом деле борцы против насилия и репрессий британских властей.

Реакция мировой общественности на гибель узников тюрьмы «Мэйз» вынудила правительство английских консерваторов, хотя бы на словах, начать поиски какого-либо решения проблем Северной Ирландии.

В конце октября 1982 года в напряженной обстановке, под аккомпанемент взрывов и перестрелок, в различных городах Северной Ирландии прошли выборы в так называемую ассамблею Ольстера. Идея создания этого органа принадлежит Прайору — министру по делам Северной Ирландии в правительстве Тэтчер. Она рекламировалась тори как «первый шаг на пути предоставления провинции автономии». На деле «план Прайора» представлял собой пропагандистскую ширму, за которой официальный Лондон стремился скрыть свое нежелание принять действенные меры для урегулирования многолетнего кризиса в Ольстере. Еще один проект политического урегулирования оказался чисто косметическим. Идея предоставления Ольстеру куцей автономии не выдерживает столкновения с реальными проблемами: обеспечение равенства, прекращение террора и насилия, оздоровление хозяйственно-экономической жизни.

К тому же консерваторы продолжают укреплять армию и полицию для подавления борьбы за гражданские права в Северной Ирландии.

«50 тысяч рабочих мест вернее гарантировали бы мир, чем 50 тысяч винтовок»,— считают здравомыслящие североирландцы. Однако политика правительства М. Тэтчер лишь усугубляет и без того тяжелое экономическое положение в Северной Ирландии.

Но что же завтра?— этот вопрос самый насущный в квартале Шорт Стрэнд.

Мы сидим в комнатке с Джерри и Дэвидом. Общим нет еще тридцати, оба — члены местной ассоциации безработных.

— Безработица у нас в гетто чудовищно высока — больше шестидесяти процентов,— говорит Джерри.— Большинство молодых здоровых людей вынуждены слоняться без дела, владеть жалкое существование на мизерное пособие. А ведь католические семьи, как правило, многодетные. Мой сосед Лео уже двенадцать лет не может найти работу. Не знаю, как он ухитряется кормить своих восьмерых детей.

— Среди католиков безработица примерно в пять раз выше, чем среди протестантов,— включается в разговор Дэвид.— Видели, к примеру, забором гетто нефтеперерабатывающий завод? На нем больше тысячи рабочих. Из них не больше двадцати католиков,

к тому же они заняты на вспомогательных работах — «подай, поднеси». Не лучше картина и на других предприятиях. Строительстве — а там работали в основном католики — сейчас в упадке. Протестантские экстремисты избивают, третируют католиков, которым вдруг удалось наняться на предприятие, где сложилось протестантское большинство.

Экстремисты пытаются хозяйничать, давить на католиков не только в «своих», протестантских районах. За последние три года более ста случаев нападения на наше гетто. Они мчатся с большой скоростью на машинах, палят из пистолетов, автоматов. Недавно юнионисты убили молоденького парнишку. Поэтому пришлось нам создавать в гетто комитет самообороны.

И дело не только в жилье и работе. Люди постоянно ощущают унижение своего человеческого достоинства: вот нам не дают возможности изучать гэльский (кельтский.— А. Л.) язык, нашу историю и культуру.

Мы создали у себя в гетто курсы родного языка, изучаем народные песни — ведь пластинок с ними не найдешь в продаже. Дети католиков и протестантов обучаются в разных школах, причем католические, конечно, беднее и хуже. О детских садах говорить не приходится: в Северной Ирландии их всего два.

— Жителям нашего гетто приходится терпеть особые издевательства ольстерской полиции: в ней протестанты составляют девяносто восемь процентов,— говорит Джерри.— Обычная у нас картина: полицейские машины перекрывают несколько улиц, загоняют жителей в дома и начинают повальные обыски. Введенное Лондоном чрезвычайное законодательство разрешает арестовывать людей и содержать их часеколько дней в тюрьме просто по подозрению. Десятки молодых людей из нашего гетто и сейчас в тюрьмах, многим так и не предъявлены никакие обвинения.

...Десятки, сотни трагических судеб прошли передо мной в рассказах Джерри и Дэвида. Горькие судьбы. Страшные цифры и факты. При выезде из гетто бросилась в глаза надпись белой краской на стене: «Есть ли жизнь перед смертью?»

Здесь не говорят друг другу «спокойной ночи» — считается плохой приметой. У людей нет уверенности в том, что для них наступит доброе завтра. Официальный Лондон продолжает разделять и властвовать в своей «белой колонии»: усиливается экономическое и социальное неравенство между католиками и протестантами в Северной Ирландии.

На каждом шагу в Ольстере видишь, что британское правительство намерено и дальше делать здесь ставку на штыки и пули.

И убеждаешься еще раз: трагедия Ольстера начинается в Лондоне.

Л о н д о н — Б е л ф а с т

В. ОРЛОВ,
наш спец. корр.
Фото А. АНДРЕЕВА

ИЩИТЕ НАС НА ЧУКОЧЬЕЙ

Мы развернули карту и расстелили ее на полу. Каждый из нас хорошо представлял этот гористый район, раскинувшийся от Охотского до Восточно-Сибирского моря, но (я давно подметил), когда встречаются люди много поездившие, с картой им как-то приятнее, легче говорится. Карта сразу ставит все на свое место, особенно если это большая и хорошая карта.

Итак, вот Магадан, город славных золотодобытчиков на берегу Охотского моря. Здесь теперь и живет биолог-ленинградец Саша Андреев, потому что именно здесь, на одной из улиц Магадана, не столь давно появился Институт биологических проблем Севера — ИБПС.

А вот и Колыма. До нее из Магадана можно добраться теперь на рейсовом автобусе. Саше довелось

поработать как в верховьях, так и в низовьях этой реки. Впрочем, на Колыме бывал и я. У пика Абориген. На экологической станции. Той самой, которую построили своими руками парни-романтики и на которую потянулись потом ученые со всей страны. Удобная для работы, красивая была станция. Саша провел здесь немало дней. Позже дом на станции сгорел, но я не сомневаюсь, что здесь появится новый, столь же удобный.

Восточнее Колымы бежит среди горных долин ее приток, красавец Омолон. Помните «Дом для бродяг» Олега Куваева — повесть, напечатанную впервые на страницах нашего журнала... Так вот, Река, о которой писал Куваев, — это и есть Омолон. А «дом для бродяг» — это домик на метеостанции, что стоит на берегу Омолона у границы По-

лярного круга. Метеорологи там по-прежнему живут в старом здании, а синенький домик с пятью окнами так и пустует. В нем обычно отдыхают случайные «бродяги», которым не сидится спокойно в городе...

В семидесяти километрах от метеостанции находится стационар магаданских биологов, где Саша провел 26 долгих месяцев, из которых 14 — зимой. А зимы здесь лютые, морозы под шестьдесят. Но именно в это время на Омолонском стационаре Саша выполнил основные работы по теме своей диссертации, названной в дальнейшем — «Адаптация птиц к зимним условиям Субарктики». За эту-то работу Александр Андреев и был удостоен звания лауреата премии Ленинского комсомола.

Омолон... Припомнилось, что Оле-

ЛАУРЕАТ ПРЕМИИ ЛЕНИНСКОГО КОМСОМОЛА

гу Куваеву — профессиональному геологу, полевику, человеку сильному, так и не удалось одолеть эту реку на лодке в одиночку. Как рассказал потом, уже после смерти Олега, в одной из своих книг Альберт Мифтахутдинов, «ветка» Куваева перевернулась и осталась торчком стоять в заломах на реке... Олег стеснялся писать об этом, так как считал, что такое «приключение» не к лицу настоящему профессионалу.

— Сильная река, — уважительно говорит Саша, глядя на карту. — Было и со мной, — не очень охотно напоминает он. — Шли на «казанке», за собой тянули лодку. На прижиге лодку вбило в береговой уступ. «Казанка» осела как лошадь, которую осадили на задние ноги. Вода пошла через борт, мотор заглох, а река, будто только этого и ждала, взяла и выбросила нас на середину. И помчались мы, неуправляемые, прямо на баржу, которая

стояла на якоре. Не помню, вроде и кричали мы, чтоб на барже проснулись, — утро раннее было. Веревка за нос баржи зацепилась, лодки по разным бортам баржи прошли. Мою стало под борт засасывать. Мотор утонул, я уж из сил выбился, когда кто-то руку протянул, меня наверх выдернул...

— Сильная река. Верно Куваев подметил, что называть ее надо — Река. С большой буквы.

О Саше Андрееве я услышал раньше, чем случай позволил лично свидетельствовать. Как-то новосибирские кинематографисты прилетели в Магадан, намереваясь затем отправиться на остров Врангеля, чтобы сделать фильм про белых гусей. И тут узнали, что на острове Врангеля работает Юрий Ледин, норильский кинооператор, которому в съемке поллярных животных нет пока равных. Новосибирцы поначалу заскучили, но случайно прослышали про Сашу Андреева — он в это время работал

в низовьях Колымы, неподалеку от Стадухинской протоки, где водятся розовые чайки. Недолго думая новосибирцы отправились к нему и сняли прекрасный документальный фильм, который называется «Из полевого дневника орнитолога Андреева».

Я несколько раз смотрел этот фильм. Вначале показывают сверху прибрежную колымскую тундру. Вслед за парой лебедей несемся мы над синими озерами, над зелеными островками земли. Потом в кадре появляются разодевшиеся в брачные наряды турухтаны. Распушив «воротники», они без устали атакуют друг друга, но драки их шуточное представление, которым нельзя любоваться.

Тут-то и появляется вертолет. Под рев работающих турбин биологи выбрасывают вещички. Ставят палатку. Размещают электронную аппаратуру. Голосами птиц, записанными на магнитофон, они сзывают из непроходимых кустарников разо-

девшихся в брачный наряд куропацей — темношеих, с красными гребешками самцов куропаток. И Саша все это комментирует, не без юмора, почти дословно цитируя свой дневник тех дней, когда, по его же признанию, в записях больше преобладали эмоции, нежели описание дела.

Саша говорит в фильме, что были времена, когда орнитологи, отправляясь изучать жизнь птиц, прежде всего подбирали по руке ружье, чтобы безотказно и верно стреляло. Считалось, что, только заполучив в руки птицу, можно ее исследовать. У группы Андреева был иной метод работы: с помощью точнейших электронных приборов, не трогая пернатых, исследовать их жизнь. В этом, на мой взгляд, было главное кредо фильма. Оттого он так и приглянулся людям. Изучать — не стреляя!..

В фильме показано, как Саша снимает птиц диковинным, собственной конструкции фотоаппаратом, похожим на ящик. Проваливаясь по пояс в жидкую грязь, держа этот ящик перед собой, он подбирается к гнезду. И тут я увидел... розовую чайку! Птица не боялась человека, не отлетала далеко от гнезда, а Саша ее снимал и снимал, как будто это и не столь уж большая редкость — снимать розовую чайку. Мне припомнилось, с каким волнением писал о встрече с розовой чайкой Виктор Зак, сделавший первый фильм об этой птице всего лишь десятилетие назад. Сколько он труда затратил на ее поиск, а тут — пожалуйста, вот она. Тогда-то я и решил, что мне непременно надо познакомиться с Андреевым, побывать у него на стационаре.

Потом мне на глаза попала книга. Брошюра, если уж быть точным, с сухим научным названием: «Адаптация птиц к зимним условиям Субарктики». В ней на примере ряда типичных зимующих в ультраконтинентальных районах Северо-Восточной Сибири птиц рассматривались особенности их экологии и биоэнергетики, а также адаптации к обитанию в экстремально холодных условиях. Автором книги был Саша — А. В. Андреев. Книга предназначалась орнитологам, охотоведам, краеведам, биологам широкого профиля. Хотя я не отношу себя даже к натуралистам, но все-таки попытался изучить этот труд, тем более что автор уже был знаком мне по фильму. И если в фильме я видел его работу летом, то тут представил, как Андреев работает зимой, в мороз.

Вот, скажем, в книге приведен график суточной активности белой куропатки. В скобках указывается, что график составлен на основании ста сорока семи встреч с этой птицей. Далее приводятся подобные графики для тундрной куропатки, каменного глухаря, рябчика, кукушки,

кедровки, сероголовой гаички, и каждый из этих графиков также основан на множестве личных наблюдений. И это в мороз за сорок, за пятьдесят. Сколько же часов должен был провести Андреев на морозе, стараясь быть малозаметным, а значит, и неподвижным? Думаю, многие сотни... И это поражает.

Но не только активность птиц сама по себе интересовала орнитолога. Ему нужно было понять и доказать, как приспособились они к жизни в таких условиях. С удивительной

терпеливостью прослеживает Андреев, как ведут птицы поиск кормов, сколько энергии на это затрачивают, какое расстояние проходят при этом, какое — пролетают. Куропатка, к примеру, сообщает он, «в начале зимы, когда снег в пойме отличается малой плотностью, проваливается

Вся жизнь и работа орнитолога Александра Андреева связана с экспедициями.

при ходьбе на 55—70 мм, имеет нагрузку на след в среднем 13,5 г/см² при длине шага 16 см». Отсюда следуют соответствующие выводы. Орнитолог исследует, какие корма предпочитают птицы при низких температурах, где отдыхают, как устроят лунки. Он замечает, что лунки всегда оказываются чуть больше размера самих птиц — чтобы птица могла распушить перо, это предохраняет ее от обморожения.

За наблюдениями ученого следуют рассуждения о биоэнергетике птиц, формулы, формулы. Но смысл в том, что отнюдь не на математической модели, а выполнив ряд интереснейших измерений на оперении и теле птиц, в дуплах, лунках при ночевках, Андрееву удалось подсчитать, откуда у птиц берется энергия для существования.

В книге приводятся уникальные фотографии птиц, снятых при сильных морозах, да еще ночью. Рябчики, гаички, куропатки прячут в оперении головы, становясь похожими на шар, — так они защищаются от мороза. И это тоже установлено на основе тщательных измерений. Все эти снимки Саша сделал все тем же, похожим на ящик фотоаппаратом, сконструированным им самим.

Рассматривая затем рисунок, изображающий опыт по измерению температуры в снежных лунках, которые делают рябчики для ночлега, прочитав в подписи, что для этого использовалась специальная «упряжь с термоматчиком, кинокамера с электромагнитом, часовой механизм, батареи, лампы, электротермометр», я решил, что дело тут не обошлось без совета и помощи Арсения Васильевича Кречмара — известнейшего орнитолога и мастера на всякие выдумки. Несколько лет назад, когда я был в Магадане, мне рассказали, что в институте появился человек, который в поле не работает. За него все экологические наблюдения, вплоть до измерения температуры яйца под насиживающей птицей, выполняют фотороботы. Этим человеком, конечно же, оказался Арсений Васильевич. Он возглавил лабораторию, куда, как выяснилось, и пошел работать Саша Андреев. В своей книге, в самом начале, Андреев благодарит многих людей за оказанную помощь; здесь же он выражает благодарность и А. В. Кречмару, «совместно с которым и при поддержке которого были разработаны некоторые экспериментальные методики».

...С Сашей я встретился лишь недавно — он прилетел в Москву на вручение премии. Удалось уговорить его заглянуть на часок ко мне домой. Я обратил внимание, что люди, привыкшие жить в тундре, попадая в городские дома, обычно как-то съеживаются, держатся не

очень уверенно. По-моему, то же произошло и с Сашей. Вроде бы и узнаю его — те же вьющиеся волосы, те же каштановые усы, что я видел в фильме, но глаза смотрят исподлобья, настороженно. Тут-то я понял, что надо доставать карту...

Работа по адаптации птиц к зимним условиям была закончена. Теперь Саша изучал, почему большинство видов птиц летит гнездиться на Север, как они к этому там приспособиваются. Поэтомного времени проводил в болотистых тундрах колымской низменности.

— Поначалу мы работали неподалеку от Стадухинской протоки, в низовьях Колымы, — склоняется он над картой. — Вот Черский. Но пробыли мы тут недолго. Здесь и застали нас киношники. Палатка наша стояла в Харалчинской тундре. Работали втроем. В помощниках у меня были Женя Хлебосолов, молодой и азартный охотевод, прилетевший в Магадан из Рыбинска, и Валентин Николаевич Хлесткин. Это старый северянин, не раз проверенный полем. Он на все руки мастер. И прибор исправить и обед сварить, рыбку засолить — все может. Объектов для наблюдения нам хватало, но жить в палатке долгие месяцы, и так на протяжении нескольких лет, — неудобно.

На речке Коньковой отыскали избу. Брошенную. Жил в ней когда-то старик охотник, да умер. И мы решили переселиться туда. Всем хороша была изба, но в ней мы оказались напрочь оторванными от института, от людей. Надо было пройти десятки километров по болотистой Харалчинской тундре, одолеть Стадухинскую протоку, чтобы выйти к Афоне — одинокому рыбаку. И тогда на его лодке можно было добраться до Черского. Взять письма, газеты, отправить телеграмму. Вначале, обрадовавшись человеческим условиям жилья, мы крепко терпели, но тут произошел случай, подсказавший, что место для работы нам надо подыскивать новое.

Свалился Николаич. Основательно. И пришлось мне бегом отмерять километры, чтобы вернуться с вертолетом. Вывезли Николаича вовремя, а мы с Евгением сели за карту, стали решать, где следует обосноваться лагерем. И решили, что лучше всего разместиться на речке Большая Чукочья. Там две фабрики есть, а нам можно встать между ними. И вертолеты к ним часто летают, и в случае чего рация у них есть.

Погрузились на «казанку» и отправились в путь. Спустились по Коньковой, вышли в Восточно-Сибирское море. Берега здесь низкие, илестые, отмели длинные, тягучие. В такую попадешь при отливе, из лодки не вздумай выходить — засо-

сет. И как раз на такую отмель попали. Не моряки же мы! Ждали несколько часов, пока прилив не поднял лодку. Приятного, надо сказать, мало испытали. Когда лодка опять на волнах закачалась, Женя говорит: «Пошли мористее, срежем угол и от встреч с меляками избавимся». Пошли. Но тут льды нас зажали. Настоящие, дрейфующие. Таких я никогда и не видел...

Саша перед расстеленной на полу картой ожил, стал похож на того парня, который рассказывал о повадках птиц, сидя на берегу реки перед своей палаткой. Взгляд его разгорелся, он будто видел себя на лодке, во льдах. Чуть улыбался в усы. Сделала карта свое дело.

Он рассказал, что, пока выбиралась из льдов, небо на севере посинело. Тучи выросли на глазах, затянули горизонт. Начался ливень, потом снег. Сразу же похолодало, разыгрался штормовой ветер. Хорошо, что ветер оказался попутным, а впереди уже виднелась приметная глинистая горушка у устья Чукочьей, о которой им рассказал рыбак Афоня. При штормовой волне вошли в реку и шли так против течения, не решаясь приблизиться к берегу, чтобы не перевернула их разгуливающая волна. Проскочили домики фабрики, только где-то в среднем течении реки, где волна наконец-то успокоилась, причалили.

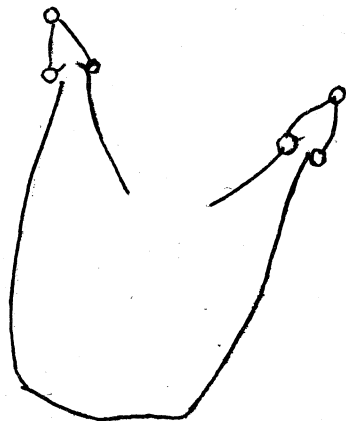
Дня через два шторм утих. Обошли окрестности. Место понравилось. Открытая, с низким кустарником тундра. И куропатки здесь были, и кулики, и розовые чайки — всех нашли. А на берегу увидели выброшенную в шторм, полуразвалившуюся рыбацкую шаланду. Для этих безлесных мест находка была равносильна кладу. Из досок лодки соорудили избу не избу, но настоящее жилище на троих. Так и работали здесь до самой осени. Женю пришлось отпустить пораньше, свадьба у него намечалась, а Саша задержался на Чукочьей до снегов. Выбирался с якутскими пастухами, которые гнали оленей на юг. Дали они ему лошадку — умную, неприхотливую, и довезла она его через все колдобины тундры аж до самого Черского.

— Так что если хотите розовую чайку посмотреть, — закончил Саша, — прилетайте. Лучше в начале июня, когда сойдет снег. А мы отправимся туда уже в начале мая. И будем там опять до снегов. Кстати, вы там и кречета можете встретить. Они нередко подсаживаются к вольерам, в которых мы держим куропаток. Те чуть не умирают тогда от страха, приборы не дадут соврать.

На том и договорились. А уже на следующий день Саша вылетел в Магадан, где поджидала его столь интересная и необходимая исследовательская работа.

ЗЕЛЕННЫЕ СТРЕЛЫ УСТЮРТА

А. А. СИДЬКО,
кандидат сельскохозяйственных наук

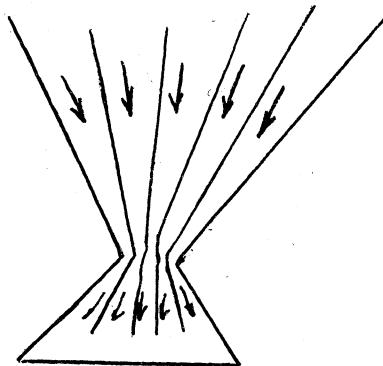

Как сообщалось в очерке «Из лука веков» («Вокруг света» № 3 за 1982 год), экспедиция Каракалпакского филиала Академии наук Узбекской ССР, осматривая на вертолете плато Устюрт (бассейн Аральского моря), обнаружила на его поверхности загадочные объекты, названные учеными «стреловидными планировками». Эти планировки выглядели как гигантские мешки с втянутой горловиной. Верхние края мешка образуют две растопыренные стрелы с наконечниками в форме треугольников, в которые идут узкие проходы из тела стрелы. В углах треугольников заметны кольцеобразные углубления — их ученые назвали «ямами». По периметру конструкции имелись углубления, напоминающие рвы, с земляным валиком высотой около 80 сантиметров. Во рвах буйно развивалась растительность, которая была хорошо заметна на фоне выжженной солнцем степи, что и помогло ученым обнаружить с высоты гигантские треугольники.

Зачем были построены эти сооружения? Попробуем и мы предложить свою гипотезу, основывающуюся на наших профессиональных знаниях и отличающуюся от гипотезы, приведенной в очерке. Там говорилось, что эта система стрел скорее всего загоны для гигантских облавных охот на мигрирующих куланов и сайгаков.

Прежде чем высказать свои соображения, напомним, что плато Устюрт — засушливое, безводное, и кочевникам-скотоводам, чтобы выжить, приходилось прежде всего думать о том, где добыть воду. Где же они могли ее добыть?

Устюрт — это возвышенность на коренных (каменистых) породах, покрытых небольшим слоем четвертичных отложений. Грунтовые воды,

которые встречаются в этих отложениях, — соленые, реже солоноватые, непригодные для людей и скота. Подземные залегают глубоко в толще коренных пород. Единственным источником воды были осадки. Но в теплое время года их выпадает очень мало, и лишь в холодный осенне-зимний период — около 50—100 миллиметров. Это тоже немного, но так как серо-бурые, нередко такырные солонцеватые тяжелоглинистые почвы слабо впитывают воду, образуется сток.

Чтобы пережить засушливое время, и были построены «стреловидные планировки». По нашему мнению, эти планировки представляют собой древние обводнительные сооружения лиманного типа. Рвы с валами на внешней стороне задерживали сток воды со всей заключенной между ними территории и направляли его в расположенные ниже стреловидные треугольничководохранилища. Кольцеобразные же углубления в углах треугольников («ямы») — по-видимому, глубокие, теперь заиленные колодцы, вырытые в твердых непроницаемых для воды породах. Эти колодцы служили, наверное, дополнительной емкостью для воды.

Подтверждением этой гипотезы может служить то, что все «стреловидные планировки» направлены острием на север (к Аральскому морю), то есть по существующему на плато Устюрт уклону. Конечно же, кочевники понимали, что вода течет только по уклону. На месте бывших рвов видна сочная растительность: значит, даже теперь здесь задерживается и накапливается влага.

Несомненно, предложенная гипотеза, как и всякая другая, требует проверки. Неоспоримым доказательством ее истинности послужило

бы то, если бы с помощью приборов установили, что все рвы и валы действительно были построены по уклону, что треугольные площадки представляли собой углубления (копани), что «ямы» в углах копаней были ранее глубокими колодцами.

Интересно было бы восстановить хотя бы одну из таких систем. При современной технике это нетрудно. Затем понаблюдать за ее действием, определить запасенные объемы воды и, следовательно, возможное значение этих систем для животноводства. А после этого подумать о целесообразности использования таких систем в наше время.

Вообще лиманное орошение пастбищ было известно человеку давно. Сохранились и следы древних лиманов. Так, например, в Присивашье нами были обнаружены еле заметные следы валов. Осматривая их (к сожалению, не с самолета), мы в какой-то мере выявили схему их расположения.

Система представляла собой два треугольника: большой и поменьше, соединенные как бы срезанными вершинами. Площадь большего треугольника была покрыта слабопроницаемыми для воды солонцеватыми почвами с редкой солонцовой растительностью, а на площади меньшего треугольника поднимались луговые злаки, свежие и густые.

Из схемы расположения валов и валиков внутри треугольников можно было представить, как работала система. Земляные валики большего треугольника собирали осадки и направляли сток воды в меньший треугольник. Там и зеленели сочные пастбища.

Так улучшали пастбища в давние времена в крымском Присивашье. Заметим, что такая конструкция лиманного орошения пастбищ по качеству ничуть не уступала современной. А если сравнить ее с конструкцией глубоководных лиманов, которые строились у нас в конце XIX — начале XX столетия, то она совершеннее, так как обладает способностью распределять сток и увлажнять почву более равномерно и экономно. Только лишь последние конструкции так называемых мелководных лиманов могут сравниться с ней.

Обводнительные и оросительные системы лиманного типа сейчас широко распространены в нашей стране. Эти системы строятся, естественно, на основе последних достижений науки и техники, однако же при их сооружении не следует пренебрегать и практикой далеких наших предков.

ВАДИМ ЧУДОВ,
корр. ТАСС —
специально для «Вокруг света»

СОГЛАСИЕ ВРЕМЕН

СТАРЫЙ ДОМ

О том, что городу тысяча лет, торжественно рокотали стройные аккорды под сводами церкви Марии и Морица, звенела музыка в доме, где родился композитор Гендель, деловито вешали экскурсоводы в музеях промышленного развития.

Под вечер мой гид по музеям Галле, центра округа на юге ГДР, Фриц Гендель, популярный в городе трубочист, подвел меня к еще одному зданию музейного вида. Тут я сказал, что истории мне на сегодня, пожалуй, хватит.

— Не бойся, это пока не музей. Здесь я живу.

Открыв резную дверь, расписан-

ную яркими красками, Фриц повел меня по лестнице на второй этаж. Переступив порог квартиры, я сразу очутился в XX веке.

Еще несколько секунд назад при взгляде на это нарядное здание с нависающим над головами прохожих эркером, вживленными в камень деревянными балками, с маленькими, будто ячеистыми окошками, я готов

был ручаться, что внутри обитают одни лишь экспонаты да воспоминания. Но увидел просторную гостиную с современным шкафом-стенкой, телевизором и электрокаминоном.

Как выяснилось, за многими фасадами домов города Галле в стиле готики, ренессанса и барокко скрывались современные благоустроенные квартиры. Фасады были окрашены в нежно-розовые, гранатовые, бирюзовые — любые цвета, кроме скучного.

И все это — в центре второго по своей индустриальной мощи округа ГДР! Нужна ли химикам предприниматель-гигантов «Буна» и «Лейна», металлургам Мансфельда или корабелам Рослау подновленная старина? Может, естественнее смотрелись бы на улицах и площадях индустриального Галле стеклобетонные исполины? В ответ молодой трубачист Гендель только пожал плечами:

— Лично меня после моей работы на природу тянет. На деревьях взглянуть, лужайки — глаз разнообразия требует. Но для природы не всегда есть время. А вот эти разноцветные домики я вижу каждый день. Тоже взгляд успокаивают. Ну а потом стены тут чуть не в метр толщиной. Я, видишь ли, не только трубачист, но и трубач. Играю и сам немного сочиняю, все-таки я — Гендель. И

Солевары надевают старинный костюм лишь по торжественным случаям — на свадьбу, на цеховой праздник.

соседям моя музыка не так на нервы действует.

— А те, кто живет в новостройках, в Галле-Нейштадт, например, они не завидуют этому?

— У них есть свои преимущества, зелени побольше. И потом они всегда сюда могут прийти в свободное время. И приходят, очень многие.

— История привлекает?

— История историей, да только прошлое на современность работает.

Оркестр, где я играю, выступает в старинном замке Виндишлойба, который когда-то принадлежал барону Мюнхгаузену. Могу не объяснять, кто такие? Фамглия известная. Так вот, этот замок обрывают из ССНМ отреставрировали своими силами. Теперь проводим в нем отпуска. Бывшие покои баронесс Мюнхгаузен отданы молодоженам. Есть в замке спортивный и танцевальный залы, бар, библиотека. А украсили все эти помещения сами отдыхающие. Со всей республики собирали в замок старинную мебель, рыцарские доспехи, канделябры. Но есть одно условие: делать все усерднее так, чтобы ни гвоздя не вбивать в древние стены. Сам Мюнхгаузен не додумался бы до такого.

При этой сложной реконструкции — особенно жилья — даже получается экономия. Мы не тратим денег на строительство нулевого цикла, на необходимые каждому новому микрорайону магазины, школы, кафе. А главное — работа очень интересная, творческая, каждого

увлекает. Рабочие завода стройматериалов по собственной инициативе создали поточную линию по выпуску стропил, перекрытий, оконных рам для домов, которым нужно вернуть молодость. Или, если хочешь, старость. Теперь у нас не только дома, целые районы реставрируются...

ТРАДИЦИИ КРАСНОГО МАНСФЕЛЬДА

Духовные ценности обретают второе дыхание не только в архитектурном облике Галле.

В Мансфельде, шахтерском районе округа, я попал на чествование победителей социалистического соревнования среди молодежных бригад района.

Чествование должно было состояться в городе Хетштедт. Фриц Гендель, которому предстояло играть в оркестре на торжественной церемонии, привез меня сюда пораньше и первым делом привел на площадь, сплошь уставленную лотками. За каждым из этих лотков стояли юноши и девушки с эмблемами Союза свободной немецкой молодежи на синих рубашках.

Продавались парусные кораблики, хитроумно засунутые в бутылку, вышитые платки и рукавицы для переноски горячих кастрюль, сувениры из бельевых деревянных прищепок и прочие самоделки. Грудлись эстампы, морские раковины, старые книги и значки — словом, всякая всячина...

Какой-то юноша держал в поднятой руке пивной бокал с гербом Хетштедта и выкрикивал постоянно увеличивавшуюся стоимость. В ответ кто-либо из публики набавлял пфеннигов по двадцать и клал их на тарелку аукционера. В считанные минуты сумма денег в тарелке достигла пятидесятикратной стоимости бокала.

— Странный аукцион, — подумал я вслух. — Неужели найдется чужак, который захочет приобрести пустяковый бокал по столь чудовищной цене?

— Не путай цену бокала и стоимость выручки, — отвечал трубач-трубачист. — Бокал достанется тому, кто окажется терпеливее всех и последним положит на тарелку свою монету.

Но смысл аукциона не в этом. Все прекрасно понимают, за что они платят деньги. Выручка от аукциона, равно как и от всего, что здесь продается и показывается, до единого пфеннига пойдет в фонд кампании действий молодежи против ядерной угрозы, за мир и разоружение. Такие базары возникли в Германии еще в первой четверти века, когда рабочие стремились, чем могли, по-

Уборка самого северного в Европе винограда.

мочь молодой Республике Советов. Ну а сегодня это еще и одна из многочисленных форм поддержки борьбы наших сверстников в капиталистических и развивающихся странах.

Чествование передовиков должно было скоро начаться. Уже издалека я увидел монумент «Пламя дружбы» — установленный на гранитном постаменте обелиск. На нем чаша, из которой тянулись к небу языки застывшего в металле пламени. Вдоль лестницы выстроились юноши и девушки в форме ССНМ.

— Вот что, — сказал Фриц, — мне сейчас придется тебя покинуть, я должен играть, а ты пока побеседуй

с товарищем Деннеке. Он ветеран рабочего движения и многое знает.

Фриц подвел меня к пожилому, крепкому на вид человеку.

Началось вручение почетных знамен. В руки бригадиров молодежных бригад передавали кумачово-синие полотнища.

Товарищ Деннеке с удовольствием комментировал:

— Красным сердцем Средней Германии называли Мансфельд уже в начале века. Был он известен революционными боями пролетариата. Здесь работали Карл Либкнехт, Эрнст Тельман, Вильгельм Пик. В 20-е годы мансфельдские горняки и металлурги получили от горняков Кривого Рога и от металлургов Москвы подарки — красные, расшитые золотыми эмблемами и боевыми лозунгами знамена. Фашисты в первые же дни своей власти вспом-

нили об этих знаменах. Но обыски не принесли результата. Ни к чему не привел и арест Отто Брозовского — человека, поклявшегося сберечь знамя из Кривого Рога. Гестапо пытало его, его жену Минну. Но до реликвии им добраться не удалось. С этим легендарным знаменем в 1945 году горняки Мансфельда встретили солдат Красной Армии.

В Эйслебене за день до прибытия советских войск рабочие установили бронзовый памятник Ленину, вывезенный гитлеровцами из города Пушкина под Ленинградом. Этот памятник спасли от переплавки антифашисты. Во главе их стояли комсомолка Валентина Шестакова, угнанная в Германию, и немецкий коммунист Роберт Бюхнер. Один из красноармейцев, увидев статую, изумленно воскликнул: «Смотрите, Ленин пришел сюда раньше нас!»

1 мая 1948 года бронзовую фигуру Ильича навечно установили в Эйслебене. Правительство СССР решило оставить памятник в качестве дара в этом городе — как дань заслугам немецких антифашистов.

В БЕЛОЙ КАРЕТЕ

Даже на самой мощной и насыщенной техникой стройке в ГДР среди людей в аккуратных спецовках увидишь строителей в черных, старинного покроя костюмах с огромными белыми пуговицами. Это одежда немецких плотников. Традиция, правда, едва не исчезла, когда несколько лет назад всю плотницкую спецодежду раскупили любители вельветовых брюк, вошедших в моду.

Не распрощались со своими элегантными черными цилиндрами и трубочисты, хотя профиль этой весьма почитаемой в ГДР профессии порядком изменился. Ведь современный специалист в таком цилиндре должен не только разбираться в печных дымоходах да приносить счастье. Гендель, например, порекомендует наиболее экономную систему отопления для жилого дома или пекарни, крупного завода или прачечной. Трубочисты — для них в 1970 году открыто специальное училище в Эйленбурге под Лейпцигом — стали сегодня квалифицированными специалистами по обслуживанию вентиляционных установок и кондиционеров. Они владеют навыками смежных профессий кровельщика и штукатура, что дает возможность активно участвовать в реконструкции и модернизации старинных зданий.

Но старинный цеховой костюм — дань традиции. Причем не только у плотников и трубочистов. Носят (больше по праздникам) свои традиционные наряды и горняки, и пастиухи, и лесничие.

Что же касается праздников — профессиональных, местных и общегосударственных, — то их в ГДР ежегодно устраивают почти три тысячи. Это и зимние карнавалы в Вазунгене, и «Проводы весны» в Эйзенахе, и «Рыбачье гулянье» в Цейце, и «Весенние скачки» лужицких сербов. По всей стране шумят в конце декабря рождественские ярмарки, а осенью — «Луковые базары», где экономные и хозяйственные люди закупают лук на весь год.

Сам округ Галле славится прежде всего горняцкими ритуалами и праздником молодого вина. Его проводят в конце сентября во Фрейбурге, центре самого северного района виноградарства Европы.

Все эти праздники и обычаи, укореняющие быт нынешнего поколения, остались бы в лучшем случае

туристским аттракционом, если бы в их организации не принимала самого деятельного участия молодежь.

...Бракосочетание Мануэлы и Бьерна должно было состояться в субботу в городской ратуше Галле. А пригласили они меня к себе домой уже в четверг. Фриц Гендель предупредил: прихвати с собой какую-нибудь посуду, лучше из глины или фарфора — пригодится.

— Не беспокойся, в гостинице поужинаю, — успокоил я Фрица: мол, понимаю, люди молодые, живут скромно. Но Фриц, ничего не объясняя, упорно твердил: прихвати посуду, пригодится.

В четверг вечером, обзаведясь тарелкой и кружкой из алюминия — легче нести, — я направился к дому будущих молодоженов. За несколько шагов в распахнутую дверь я увидел, что весь пол и ступени сплошь усыпаны фарфоровыми и глиняными черепками. У подъезда меня встретила сияющая Мануэла:

— Ну-ка, шмякни свои плочки, да посылней! Ты ведь желаешь нам счастья?

Только тут дошла до меня вся неуместность алюминиевой посуды, которую я принес с собой. Смеющаяся Мануэла одолжила мне два цветочных горшка, чтоб я грохнул ими об пол.

— А как соседи? — спросил я опасно.

Она молча показала на прикрепленную к двери табличку с аккуратной надписью: «Сегодня у нас Вечер шума. Просим заранее извинить». Так я угодил на классическую прелюдию немецкой свадьбы. Смысл ее в том, что будущие молодожены отмечают прощание со своей холостяцкой жизнью грохотом разбитой посуды. Но только не стеклянной: стекло, разбитое нарочно, по немецким поверьям, счастья не принесет. И все били фарфоровые и глиняные кружки и плочки, салютуя уходящей свободе и приветствуя радостный плен брачных уз.

Этот снэпез мальчишника и девичника начался публичным чтением адреса, с большим юмором подготовленного для молодых друзьями. Как выяснилось, Фриц Гендель прибыл сюда не только в ампула трубочиста, приносящего счастье, но и трубача. Он столь же исправно исполнял функции бармена и диск-жокея, ловко оперируя кулинarno-акустическим комплексом. Проигрыватель, магнитофон да внушительная горка бутербродов с топленым салом и соленым огурцом — сытно и недорого — вот и все устройство. Гости шутили, играли во что-то вроде «кошек-мышек». А утомившись, мы все периодически совершали небольшой обход улицы, построившись гуськом и положив друг другу руки на плечи. Все весе-

лились так добросовестно, что стало ясно: главный принцип тут — хочешь, чтоб было интересно и весело тебе, делай так, чтобы не скучали другие.

Вечер шума закончился тем, что Бьерн, облачившись в белый фартук, вымел из подъезда все черепки. Этим, как объяснил Фриц Гендель, жених продемонстрировал свою готовность выполнять наиболее трудную работу в грядущей семейной жизни.

В субботу утром Мануэла и Бьерн подкатили в белой карете, запряженной парой белых лошадей, к ратуше. Заведующая загсом запалила толстую белую свечу с двумя позолоченными кольцами свечу, а трубач Фриц Гендель проиграл отрывок из «Музыки фейерверка» своего великого однофамильца и земляка. Об этом его заранее просили Мануэла и Бьерн. После того как юным супругам вручили свидетельство о браке, они снова заняли место в белой карете, а все остальные — в автомобилях. Свадебный поезд двинулся через Рыночную площадь мимо статуи композитора Генделя, который, как мне показалось, одобрительно подмигнул Фрицу.

— Едем в ресторанчик «Хубертус». Там, — таинственно сообщил мне Фриц, — нас ожидает сюрприз. Ты, в частности, сможешь увидеть кое-какие новые наши обычаи.

В олимпийском спокойствии, превращенном одной-единственной здравницей да возгласом «Кисло!» (что соответствует нашему «Горько!»), все приступили к рыбному салату «кыурьлан». Округ Галле породнен с Башкирией, и в здешнем ресторане есть башкирское меню. За салатом последовало неизвестное мне башкирское блюдо. С ним, правда, вышла неувязка. Дело в том, что свадебное меню составлял всезнающий Фриц Гендель, а его пленила музыкальность названия «Салма с катыком (суп)». Когда суп был подан, оказалось, что он сварен из баранины — продукта, популярного в ГДР значительно менее, чем в Башкирии. Пришлось экзотическое блюдо спешно заменить на привычный, немецкий, суп из хвостов кенгуру (по крайней мере, так он называется). После этого все с аппетитом съели башкирский «тутырлан-таук» и вполне интернациональное мороженое.

Я все-таки решил нарушить общую чинность. Чокнувшись с Фрицем Генделем, я тихонько пожелал ему новых успехов в освоении башкирской кухни. После этого встал и пожелал Мануэле и Бьерну такой же верности друг другу, какую их земляки хранят добрым традициям своего края.

Галле — Берлин —
Москва

Сейчас многие интересуются народным врачеванием. Расскажите, как сегодня идет изучение тайн тибетской медицины.

Г. СЕРЕДНИЦКИЙ, г. Нежин
Черниговской области

От Улан-Удэ до Иволгинского дацана — километров тридцать. По автомагистрали к Улан-Батору то и дело проносятся грузовые трейлеры, нередко доносится урчанье бульдозеров — работают мелиораторы, возводятся сельскохозяйственные объекты. А в самом монастыре-дацане, он в двух шагах от трассы, слышится лишь перезвон колокольчиков, что в несметном количестве подвешены к загнутым вверх углам крыш.

По Иволгинскому дацану меня сопровождает Эльберт Гомбожапович Базарон, один из зачинателей изучения тибетской медицины в Бурятии. Он рассказывает об истории этого буддийского монастыря, а я весь в предчувствии встречи с удивительным творением индо-тибетской медицины — Атласом «Бри-ша». Медицину эту правильнее было бы назвать народной, но так случилось, что все поиски и результаты с самого начала прятались в путаные облатки буддийских канонов. И здесь, в Иволгинском дацане, мне особенно хочется почувствовать прежде всего тот дух, в котором могло состояться это удивительное творение народного врачевания.

В «библиотеке» Базарон провел меня за невысокий барьерчик, где возвышались стеллажи с ячейками для трактатов. Рядом за низенькими столиками работали те, кому был открыт доступ к этим трудам. Трактаты выносить из помещения непозволительно. Записывать что-либо, даже самую малость, не принято. Так что наиболее интересные места приходилось, знаете ли, заучивать...

В наиболее широкой, почти метровой, ячейке хранился какой-то ящик с листами одного из трактатов. То был, конечно, не Атлас, но когда-то в ней вполне мог находиться и сам «Бри-ша».

ДОЛГИЕ ОТКРОВЕНИЯ «БРИ-ША»

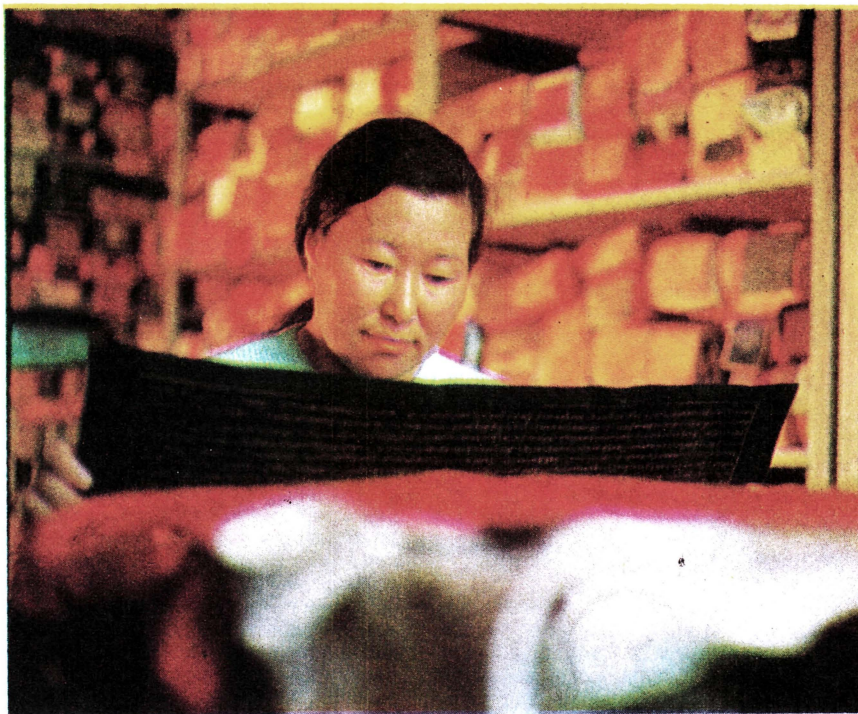
Всю вторую половину XVII века в тибетском монастыре Сэртог-Манба в Лхасе безвестные мастера — медики и художники трудились над составле-

АЛЕКСАНДР МАЛИНОВ,
кандидат технических наук
Фото Г. МАКАРЫЧЕВА

СТРАНИЦЫ ТИБЕТСКОГО АТЛАСА

нием «Бри-ша». И почти два столетия единственный экземпляр Атласа, хранимый пуще зеницы ока, был доступен лишь ограниченному числу «пандитов», особо ученых лам-медиков. В начале нашего века воспитателем при тринадцатом далай-ламе в Лхасе жил бурятский хамбалама Агван Доржиев. Дерзкая и опасная мысль посетила его однажды: снять копию с «Бри-ша» и вывезти ее на родину.

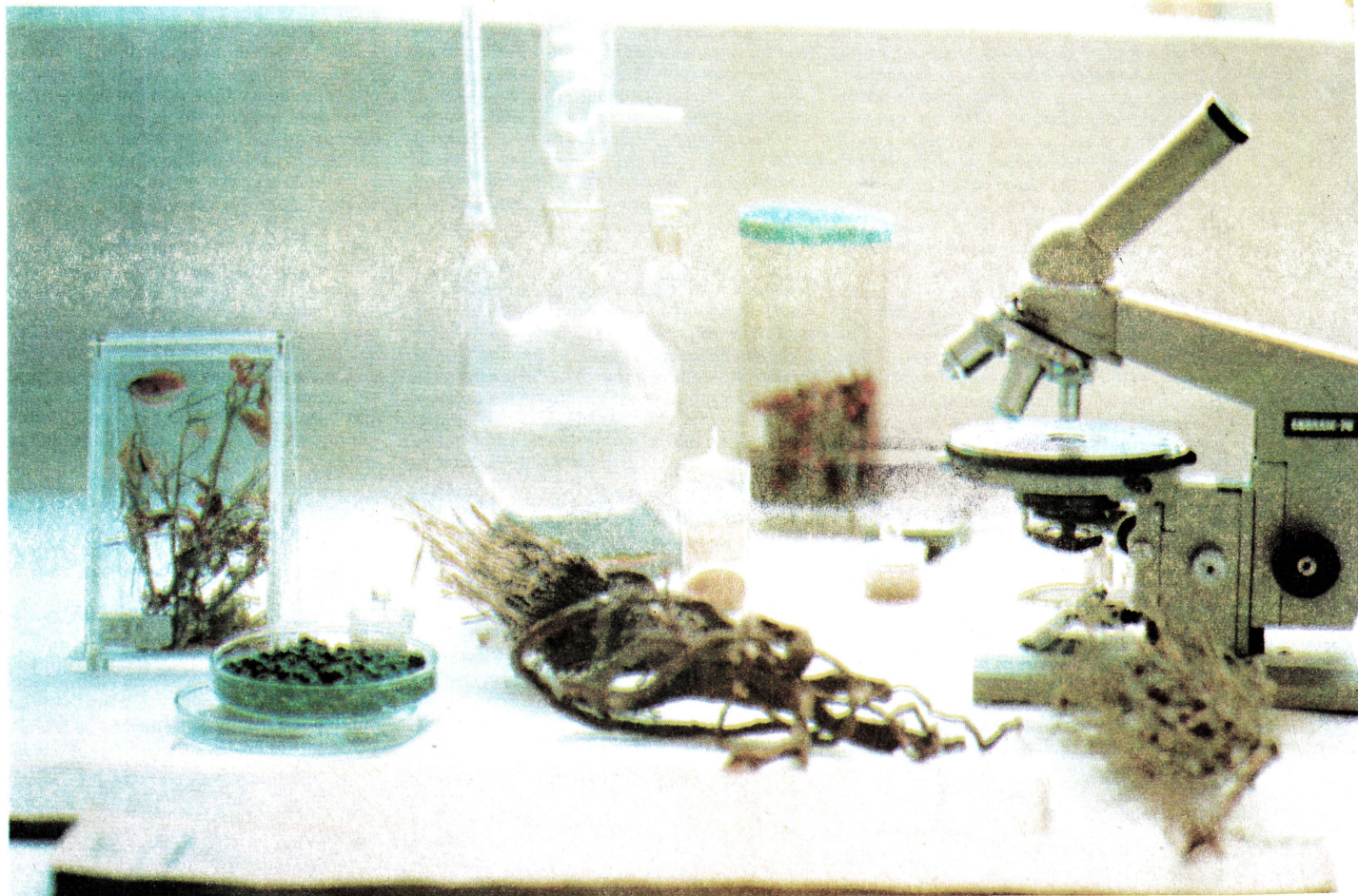
Тибет во все времена был краем запретных тайн. По приказу далай-ламы и требованию китайского императора никто, кроме паломников, не смел проникать на его территорию, тем более вывозить какие-либо документы. Карали беспощадно. В конце прошлого века в Тибете был убит французский путешественник Дютрейль де Рен. Японец Кавагучи изучал Тибет в одежде паломника. Когда же настал час его разоблачения, то монахам монастыря Сэра, всего лишь предоставившим японцу ночлег, выкололи глаза. Известные ламы, покровители индийского исследователя Сарат Чандра Даса, также под видом паломника проникшего в Тибет, впоследствии были подвергнуты публичному избиению и приговорены к тюремному заключению. Многочисленные подобные примеры, однако, не остановили бурятского хамбаламу. Как уж ему удалось найти художников-переписчиков и уговорить их сделать копию с «Бри-ша», можно лишь догадываться. Как и предполагать, что рисковал он самой жизнью

ради возможности помочь немощным и больным своим соплеменникам.

Намерения эти, разумеется, наивные, хотя все случилось уже в начале века нынешнего. Нельзя, однако, забывать,

что иной медицины, кроме тибетской, буряты не знали. Более того, и после Октября не один год авторитет ее, вобравшей многовековой народный опыт, в республике был довольно высок.

Потому в 1926 году Бурятский обком партии принял даже специальное постановление, в котором, в частности, обращалось внимание на целесообразность внимательного и, конечно, критического изучения тибетских медицинских трактатов.

Но вернемся к Атласу. Его удалось вывезти в Бурятию, и до 1936 года он хранился в одном из дацанов, который специализировался «по медицине» официально, с разрешения Наркомздрава. А после смерти хамбаламы Доржиева «Бри-ша» передали в республиканский краеведческий музей. В начале 50-х годов в Бурятии появился словарь тибетских лекарственных растений, в котором впервые в современной литературе упоминается «Бри-ша».

Еще одна существенная деталь в многотрудной судьбе Атласа. Вскоре бурятская копия «обретает» новое качество — она становится «оригиналом». Сам оригинал в Лхасе был уничтожен во время китайской «культурной революции»...

Наконец последние формальности улажены: позвонили из республиканского министерства культуры, и вместе с работниками бурятского краеведческого музея имени М. Н. Хангалова мы подошли к заветному ящику, который хранится как зеница ока.

В хранилище полумрак. Вокруг на стеллажах и прямо на полу грозно восседают многочисленные будды — бронзовые, деревянные, чугунные... Со стен наивно-устрашающе глядят бурятские, тибетские, монгольские ритуальные маски. Четыре женщины-искусствоведы, все, кто находился в это время в залах запасника, торжественно расположились вокруг красного ящика с Атласом. Одна оторвала пломбу и открыла крышку. Другая предложила отложить в сторону мою сумку с фотоаппаратом, любезно пояснив, что «так вам будет удобнее рассматривать». Третья бережно, двумя руками, начала перекладывать листы. Их — семьдесят семь, почти метрового размера бумажных плакатов, по краям обклеенных тканью. Более десяти тысяч цветных стилизованных рисунков передают самую разнообразную информацию. Порой фантастически скрупулезно. Лишь о том, как ставить диагноз по пульсу, рассказывает более тысячи рисунков!

Первое впечатление, что перед вами немисливо гигантский рисованный кроссворд. Большинство страниц разграфлено на несколько, до десятка, горизонтальных строк, в каждой из которых, также в пределах десятка рисунков, всевозможные бытовые сценки или, как в плакатной живописи, поставленные рядом «объекты» разного ряда: допустим, человек, чаша, растение, солнце. Или стилизованный пейзаж, например человек среди гор. В «человечьем» облике изображены и заболевшие органы — сердце, легкие, печень. И почти на каждом рисунке присутствуют разнообразнейшие ле-

карства — животного, растительного, минерального происхождения.

Многое из всего заслуживает особого внимания. По существу, это, пожалуй, первое в истории медицины конкретное практическое указание на необходимость учета фактора времени в процессе лечения — то, чем сегодня займется новый раздел современной медицины — хрономедицина. Глава открывается схематическим изображением устройства... солнечной системы. Земля, Луна, Солнце. Ясно видны эллипсоидные траектории планетных орбит. И далее несколько десятков рисунков рассказывают о проведении той или иной лечебной процедуры в зависимости от фаз Луны, различных атмосферных явлений, времени года.

Специальный раздел посвящен лекарственному сырью: изображено более полутысячи растений (тут и женьшень, и крапива, и подорожник), свыше ста видов животного происхождения, немало минерального. Отсюда, со страниц Атласа, и началось современное осмысление совсем немудреной и незатейливой травки, которую ученые идентифицировали с горечавкой бородачой. До позапрошлого года она была никому не интересной, и опознать ее в разнотравье мог разве что специалист-ботаник. Да и то так, для сведения... А теперь вот ее фармакологическое значение подтверждено официально авторским свидетельством — важный успех в работе сотрудников Института биологии Бурятского филиала Сибирского отделения АН СССР по расшифровке первоисточников таинственной тибетской медицины.

Среди них не только «Бри-ша», он лишь иллюстративный комментарий более раннего трактата «Вайдурья-онбо». В свою очередь, этот ксилограф объемом ни много ни мало 1283 листа комментирует еще более древний (VIII—IX веков) источник — четырехтомное руководство по тибетской медицине «Чжуд-ши». (Буквальный перевод означает «Четыре основы». — Авт.)

Эти фолианты имеются у бурятских ученых. Написаны они по-тибетски, есть частичные переводы «Чжуд-ши» на русский, «Вайдурья-онбо» вообще не переводился. И ключом расшифровки смысла, запятого в четырнадцать тысяч образных стихотворных строк «Чжуд-ши», стал Атлас. Почему в стихах? Так легче запоминать гигантские сведения. Но еще надежнее их видеть в рисунках.

«СПРОСИ У УЧИТЕЛЯ»

Сама организация этой работы удивительна, быть может, уникальна в мировой практике.

Начинают ее лингвисты. Трактаты написаны на старомонгольском, тибетском, китайском, санскрите, порой и на нескольких сразу. Языках особой сложности и трудности. Но в конце кон-

цов университетского образования хватает, чтобы получить такой, например, перевод: «Заболел король, сановники задыхаются, вельможи обливается потом». Эту сценку из «дворцовой жизни», приведенной в трактате по медицине, необходимо, естественно, расшифровать далее.

Ключевой момент исследования. Нужен квалифицированный врач и при этом не менее квалифицированный знаток языка, истории, культуры древней цивилизации. Один из них, кандидат медицинских наук Э. Базарон, помогает докопаться до смысла «заболевшего короля» и иже с ним. Оказывается, король — сердце, сановники — доли легкого, вельможи — отечные крупные суставы. А в целом речь идет о сердечно-легочной недостаточности. Сделано полдела — «поставлен» диагноз. В подобных головомошках ищется и средство лечения. Свою задачу лаборатория историкологии выполнила. «Выписывается рецепт» и передается в лабораторию экспериментальной фармакологии. Естественно, в современной, доступной пониманию форме. Нередко выглядит это так: десяток видов трав и толченых камешков нескольких минералов, кусочек кирпича от какого-нибудь храма, окаменелого дерева, кожа змеи...

Иногда, в «клинических» сложных случаях, в рецепте фигурирует sacramентальная фраза — «спроси у учителя». Сотрудники отдела биологически активных веществ чаще всего ею и пользуются. Спрашивают друг у друга, у своих знаний — терапевт у фармаколога, химик у ботаника, лингвист у иммунолога...

Но вернемся к рецепту. Его составляют добросовестно, скрупулезно выполняя предписанные рекомендации. Фантазия вкупе со знаниями потребует позже, когда начнется просеивание, отбор того предположительно активного начала в лекарстве, которое может дать необходимый лечебный эффект. Но заболеваний — десятки, компонентов — до сотни, одних лечебных трав — свыше полутысячи. Как искать? Пока решено резко сузить область поиска и ограничиться лишь заболеваниями органов пищеварения — печени, желчного пузыря, поджелудочной железы, желудка. А из всех рекомендуемых ингредиентов столь сложных лекарств от этих болезней усилия направить на изучение лекарственных трав.

...Итак, лекарство готово. Точнее, готовятся десятки его вариаций, в трактатах не найдешь указаний на пропорции. В виварии уже ждут бескорыстные «испытатели» — лабораторные мыши, крысы, кролики.

Истина скрыта в числе опытов. Допустим, болезнь расшифровали как гепатит. На животном необходимо «сmodellировать» именно эту болезнь печени, но со всеми особенностями, некогда подмеченными тибетскими медиками. Затем провести лечение, варьируя

теперь уже дозировку изготовленного препарата. А в этом случае трактаты, увы, также немногословны. И, убедившись в лечебном эффекте на конкретной мышке, самым тщательным образом изучить (в этом задача лаборатории иммуноморфологии), на какую систему живого организма и каким образом подействовала та или иная исследуемая травка.

Таким нелегким, но единственно возможным в современной науке, и в частности медицине, оказался путь и горечавки бородачатой, прежде чем на «способ получения полифенольной фракции» из нее пришло официальное положительное подтверждение из ВНИИ государственной патентной экспертизы. Остается добавить, что новый препарат совместил лучшие качества ныне практикуемых — противовоспалительный его эффект не уступает действию салицилатов, а желчегонный — известному аллохолу.

На сегодня бурятскими учеными «расшифровано» более 50 препаратов тибетской аптеки. Главное же, удалось установить, что все они, по крайней мере, не только не снижают иммунитета, но заметнее, чем большинство химически синтезированных лекарств, усиливают это важное свойство организма.

РЕЦЕПТ... «ДЛИНОЙ» В ДВА ЛИСТА

Дотошная статистика свидетельствует, что современный человек в течение жизни принимает не более двух... пригоршней лекарств. Причем действительно двух.

В одной — пилюли, таблетки, ампулы химического происхождения. Препараты в большинстве сильнодействующие и точно рассчитанные на конкретную цель — очаг заболевания. Лечебный эффект потому приносят считанные молекулы необходимого синтезированного вещества.

В другой, вдвое более скромной по размерам, уместились лекарства растительного происхождения, так называемые сборы трав, плоды корней... У них свои задачи, они не «бойцы» с болезнями, острями и скорыми. Зато поддержать организм и, главное, не навредить ему — тут Природе нет равных.

Эльберт Гомбожапович Базарон не раз объяснял мне «философию» странных, по нашим меркам, рецептов тибетских медиков.

— «Продраться» к их смыслу в трактатах было ох как нелегко. Мы ездили по республике и приглашали к нам в группу... бывших лам, учившихся ранее искусству тибетского врачевания. В группе были и квалифицированные переводчики, и специалисты-врачи, наконец, и те и другие в одном лице. Дело в том, что тибетские лекарства принципиально отличаются от средств так называемой народной медицины. Народные лекари, как правило, понятия

не имеют о медицинской науке и прописывают средства элементарные, один-два компонента, одна-другая травка, не более, в рецепте. Тибетские лекарства исключительно сложны по составу — до семидесяти-восьмидесяти компонентов. И каждый имеет свой смысл, порой наивный, но вполне осознанный.

Итак, лекарствами, по представлениям тибетской медицины, могут быть и растения, и минералы, и металлы, и средства животного происхождения.

— Все, разумеется, соответствующим образом обработанное?

— Непременно... Начали мы с лекарственных растений. Только трактаты «Чжуд-ши» и «Вайдурья-онбо» предлагают богатейший набор из 1300 средств растительного происхождения, собранных по своему терапевтическому эффекту в семнадцать групп. И большинство из них совсем не изучены как лекарственные средства. Например, растение «бар-ба-да», которое расшифровано как известный гипокоум, согласно трактатам обладает противомикробной активностью. В современной медицине оно как лекарственное средство не применяется. Но уже проведены опыты на животных, и отмечена высокая бактерицидная активность гипокоума в отношении некоторых видов вирусов.

Другая группа лекарственных средств — животного происхождения. Широко использовались насекомые, пиявки, моллюски, органы пресмыкающихся (змей и ящериц), животных, начиная с рогов, головного мозга и кончая сухожилиями, копытами. Из подобного сырья ныне готовятся различные сыворотки и вакцины, гормональные препараты и кровезаменители, пчелиные и змеиные яды. Но многое, к сожалению, не вызывает энтузиазма, а иногда даже бурно отрицается. Когда были получены сведения о том, что в тибетской медицине бульон из костей черепа рогатого скота применялся при травмах головного мозга и параличах, это вызывало в лучшем случае усмешку. Но вот японцы, используя опыт традиционной восточной медицины, изготовили и использовали препарат гаммалон для лечения сосудистых нарушений, травматических повреждений головного мозга. Этот препарат основывается на особой вытяжке из головного мозга рогатого скота. Аналогичный препарат под названием аминалон изготовлен и в нашей стране.

Наконец, самая «экзотическая» группа лекарственных сырья — минерального происхождения, из «драгоценностей, камней и земли». Применялись золото, жемчуг, бирюза, кораллы, медь, ртуть. Рудосные минералы, полевой шпат, хлористый и сернокислый натрий, малахит, сталактиты. Селитра, сода, гипс, охра.

— Минеральные компоненты в лекарствах — не открытие тибетской медицины. Ведь почти у всех древних народов можно встретить такие лекарственные добавки.

— Вот именно. Конечно, многое

требует тщательной проверки, но уверяю, что мы пока не до конца представляем открывающиеся здесь возможности. В «Чжуд-ши» сказано, например, что золото (сэр) продлевает жизнь, укрепляет здоровье пожилых и предохраняет от вредных воздействий; серебро (дул) полезно при болезнях желтой воды (болезни суставов, водянка), гнойных ранах и кожных заболеваниях; медь (сан) — прекрасное средство для лечения печени, легких и особенно чахотки. Нетрудно соотнести все с известными данными микробиологии — ведь соли этих металлов губительны для микроорганизмов — и убедиться в исключительной наблюдательности древних врачей.

Из тибетских медицинских трактатов мы получили ценнейшую информацию, в первую очередь тем, что она — результат многовекового... эксперимента

на людях! Он уже проведен, и нет никаких оснований считать, что кто-то шутил с нами. Раз так, то наш долг как можно разумнее и эффективнее воспользоваться добытыми результатами.

Так случилось, что при мне в Институт биологии пришло официальное письмо по поводу ранее поданной заявки на «полифенольную фракцию». Факт этот, повторяю, мне показался значительным, с чем я не преминул поздравить директора института, члена-корреспондента ВАСХНИЛ, доктора биологических наук Э. Л. Климашевского. Тот согласился, что событие действительно приятное. Но подчеркнул: его больше заботит будущее.

— Впереди клинические испытания препарата, — размышлял Эдуард Леонардович. — И проблема эта общая, не нас одних касается. Мы установили активное начало пока только в одном растении. А ведь сила тибетских рецептов в их комплексном составе. Будем говорить пока лишь о компонентах растительного происхождения. Но даже их десятки. Как искать и проверять суммарный эффект в таком сложном сборе? Полагаю, что надо думать и о новом испытательном подходе к подобным природным многокомпонентным препаратам.

«НА ЗЕМЛЕ НЕТ НИЧЕГО, ЧТО НЕ МОГЛО БЫ БЫТЬ ЛЕКАРСТВОМ»

Этот самодельный — на первый взгляд категоричный по смыслу — плакат с тибетским и русским переводом висит у входа в виварий Института биологии. Ниже источник, указывающий, откуда взята цитата: «Чжуд-ши», часть 2, глава 19. Изречение древних тибетских мыслителей показалось мне очень современным. Оно привлекательно активностью мысли. Надо искать, и найдете — вот его смысл.

А достаточно ли мы усердны? Ограничимся на первый раз лишь кругом растительных лекарств. У нас в стране несколько тысяч высших растений, а в качестве лекарственных используется около трехсот. Аналогичная статистика и за рубежом. Очевидно мало! И сколько же еще забытых «травок-горечавок» ждут своих исследователей!

Но дело пошло. Говоря словами великого живописца, ученого и путешественника Н. К. Рериха, «фармакопей древних народов опять оживают в руках пытливого молодого ученого. Опытность тысячелетий... дает неограниченное поле для полезных изысканий. Так многое забытое должно вновь быть открыто, благожелательность истолкована языком современности».

И это делают не только биологи и врачи. К «Бри-ша», «Чжуд-ши» и другим трудам древних тибетских исследователей потянулись минералоги, историки, философы, этнографы... Какие тайны откроются им?

У л а н - У д э

ВАЛЕРИЙ И ВЧЕНКО
Фото автора

КИРЩИКИ

Недавно я приехал в Баку, город моего детства, и на одной из старых улиц увидел знакомую картину: на крыше невысокого дома работали кирщики. Кирщики!.. Оказывается, эта древняя профессия — ее знал еще Вавилон, знал старый Баку — жива и в сегодняшнем Баку, современном, многоэтажном...

Мне вспомнилось детство.

Раннее летнее утро. Рассвет. Над моей головой глухой стук.

— Мама, кто это? — спрашиваю я сквозь сон.

— Это кирщики, спи, — отвечает мать, укрывая меня простыней.

Кирщики! Я мигом слетаю с кровати, выскакиваю на веранду. Деревянная лестница. Скорее на крышу!

— Куда? — кричит мне вслед мама.

— Смотрите! — кричу я в ответ, взбираясь по лестнице. Как же пропустить момент, когда рабочие будут крыть крышу киром — мягким асфальтом?

Трое мужчин в бруксах с пятнами мазута и черных от сажи рубахах ломами отдирают от крыши асфальт и волокут пласты его к краю, к карнизу. Сейчас будут сбрасывать.

А внизу, в нашем узком, как колодец, дворе, стоит котел с остатками застывшего кира на дне, валяются ведро, лопаты, веревки, ворот. Рядом

с котлом нижний кирщик рубит дрова.

— Хай! — вступив на карниз, кричит во двор верхний кирщик.

— Давай! — бросив топор, машет нижний и отбегаёт в сторону.

И пласт асфальта летит во двор, шарохаётся оземь...

От грохота просыпается весь дом. Из окон высовываются соседи.

— Что случилось? — кричит, задрав голову, женщина в халате.

— Кирщики, — отвечает сосед в полосатой пижаме.

Кажется, наверх поднимается папа — трясется лестница. Вот показалась над крышей его голова, плечи в синей спецовке, вот он сам — перекинул через барьер ноги и сел.

Смотрит по сторонам. Меня ищет. А я потихоньку стою за кирпичной трубой и жду, когда он пройдет.

— Вы нашу крышу потолще залейте, — слышу я его голос. — А то течет.

Я выглядываю. Отец стоит в углу крыши.

— Бригадиру говори, — отвечают кирщики, отдирая от досок пласты в сетках трещин.

Бригадир сбрасывает с карниза кир. — Как везде, так и вам, — говорит он отцу. — Три сантиметра. Два пальца. Закон.

Отец не сдаётся:

— Слушай, как дождь, по всей ком-

нате тазы ставим. Везде дыры. С потолка штукатурка летит. Ты спустишь, сам посмотри...

— Значит, мастер плохой был, — отвечает отцу бригадир. — Соли мало давал. Соль кладешь — трещин нет. В позапрошлом году кто варил? Надо было смотреть.

— Я недавно вернулся...

— С войны? Фронтовик? — садится на барьер бригадир. Внимательно глядя в лицо отца, достает пачку папирос, встряхивает ею, протягивает отцу. — Кури. Я — стройбат. Харьков был. Курск, Орел...

— У меня Сталинград и Берлин. Я — связист, — отвечает отец. Достает не спеша папиросу. Молчат.

— Надо, слушай, работать, — говорит бригадир.

— А сам-то откуда?

— С Хызов. Кирщики — с гор, все даглинцы. Потому любим крыши. — Бригадир, улыбаясь, переводит взгляд на ребят. Те стоят у барьера и смотрят на бухту. Ах, какой день! Как светит солнце! Как блещет бухта!..

Отец поднимается.

— Надо идти.

— Соль принеси. Десять пачек, да-а?

И опять трясется лестница.

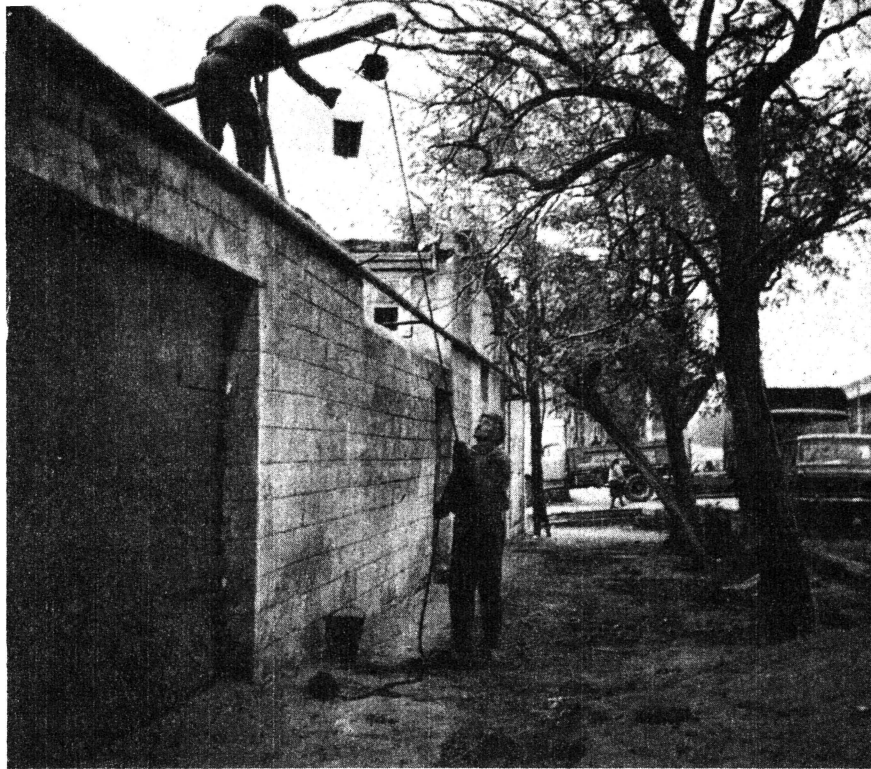
В то лето, помню, я часто бегал на бульвар, где за стволами деревьев просвечивала вода. Петляя, шел между ними и выходил к морю. Передо мною сверкал весь залив. Бухта мледа от зноя. Остро пах прибитый к берегу мазут, превращаясь под солнцем в кир, усыхая, мумифицировались в нем погибшие рыбы, листочки, стрекозы, мухи. Взрослые рассказывали мне, что миллион лет назад недалеко от Баку было огромное озеро. К нему приходили напиться носороги и львы. Но вода была покрыта пленкой нефти, и животные плыли к чистой воде, на глубину. Иногда, захлебнувшись, они опускались на дно и попадали в мазут. Озеро то давно высохло, на берегу его, словно кристаллики соли, выступило селение, жители которого с незапамятных времен добывали кир. Селение называлось Бинагады. Киром топили печи или, расплавив, покрывали крыши. Кое-где, замурованные в пластах, попадались какие-то странные кости — тогда приезжали ученые и вымывали скелеты бензином. Так спустя время вновь появились на свет саблезубые тигры, хвостатые ящеры и безоаровые козлы. Найдены они в кировых отложениях Бинагады.

Я стоял у жаркой, растопленной бухты и думал, как мне кажется сейчас, о том, как движется время...

...С берега бухты бегу домой.

— Хай! — увидев меня, кричит кирпичик. — Давай уходи! Кир голова упадет!

Я прячусь под лестницу в угол двора. Но вот наконец сброшен с крыши весь кир, пластами забит котел, горят

в топке дрова, и из трубы вылетают хлопья копоти. Осторожно, чтобы меня не прогнали, приближаюсь к котлу.

Пласты кира в котле начинают уже оседать, размягчаться. Сейчас его надо мешать, чтобы он не горел. Кирщик вонзает в вязкое тесто асфальта лом и повисает на нем, медленно оседая вниз. Мешать одному очень трудно, вся бригада спускается помогать. Чтобы лом входил легко, конец его нагревают в топке, и нагретый лом с голубым дымком входит в расплавленный кир.

— Гой бура су! — кричит бригадир. И в котел бухают пять ведер воды.

Варка кира напоминает мне какой-то древний танец. В центре котел с пышущим жаром асфальтом, в асфальт, словно копыя, воткнуты трубы и ломы, на концах виснут черные, как и сам кир, фигуры кирпичиков и медленно оседают вниз, перемешивая вязкое варево, которое начинает уже пыхтеть, как доходящая каша. Кир нагрелся, стал жиже, теперь идут в ход лопаты и доски.

— Сонра, — говорит бригадир, — дуз лазымдыр. Потом соль надо... — И подмигивает мне. — Твой папа присил сделать ему хорошо...

И в котел сыплют соль.

— Инди мазут вер! — приказывает бригадир. И поверх жижи кира выливают мазут. Кир расплавился и стекает с лопаты тягучий, как мед. На черной кипящей поверхности его тут и там открываются ротки, пыхают облачком пара и закрываются вновь.

Двое взяли веревку, полезли наверх. Высунули над карнизом журавль с роликом на конце. Держась

за журавль, на фоне неба появляется бригадир:

— Давай!

Помятыми черными ведрами кирпичики зачерпывают из котла горячую жижу, щепкой проводят по краю ведра, снимая свисающие ошметки, и бегом, в каждой руке по ведру, приседая от тяжести, спешат к спущенной с крыши веревке. Вот зацепили ведро крючком. Поплевав на руки, кирпичик подпрыгивает и хватается веревку над головой — раз! И ведро, оторвавшись от пола, начинает свой путь наверх.

Теперь кто быстрее на крышу — оно или я? Кирщик тянет азартно, ведро летит вверх толчками, цепляясь за белые стены, и метит их черными кляксами.

Ведро поднято, дужка его упирается в ролик.

— Уста! — кричит кирпичик, наступив на веревку, не давая ведру съехать вниз. — Ятма! Не спи!

Наверху протянулась рука, сняла с крюка ведро. Бегом по присыпанному пылью доскам бригадир несет его в самый угол крыши и там опрокидывает; кир растекается блином, слоем в два пальца, изумрудно-черный от разводов мазута. Его поливают водой, мажут по доскам деревянной лопатой. Кир остро пахнет под жарким бакинским солнцем, и запах его — и съедобен и вкусен. Вот залита уже вся наша крыша, мастера перешли на другую. А я, загорелый мальчишка в сатиновых трусиках, сижу на карнизе и смотрю на нее, нашу крышу, ровную, как черное стекло, и борюсь с искушением спрыгнуть, пройти босиком и навечно оставить следы своих ног на ее глянцевиной поверхности.

В. ЛЕБЕДЕВ,
наш спец. корр.
Фото В. ПРИВАЛОВА и В. УСТИНЮКА

СОЛНЕЧНЫЙ ВЕТЕР

Совсем недавно мне попались на глаза слова английского путешественника XIX века А. Бернса: «Другие пустыни ничтожны по сравнению с этим беспредельным океаном песка. Я не представляю себе зрелища более ужасного...» Строки о Каракумах.

...Оно никогда не заходит — это холодное солнце над бесконечными волнами желтых барханов. В Каракумах прошло еще одно лето, и на-

стоящее беспощадное солнце в белом от зноя небе совсем непохоже на то, что в моей руке, — безучастно застывшее над вздетыми к небу, словно в мольбе о влаге, ветвями саксаула. Я смотрю на металлический значок, врученный мне директором Репетекского песчано-пустынного заповедника С. В. Вейсовым в центре Восточных Каракумов, и снова вспоминаю Володю Кузьменко. Как-то ему там живет и работается?

...До крошечной станции Репетек, затерявшейся в море песка, от Чарджоу всего 70 километров. Сойдя с поезда, я почтительно обошел верблюда, застывшего чеканным силуэтом на фоне багрового диска вечернего солнца, и направился к зданиям, удивленно оглядываясь. Вот тебе и пустыня: вокруг домиков клумбы с цветами, подстриженные кустарники. Узнаю тугайные и плодовые деревья: клен, лох, шелко-

вицу и даже влаголюбивый гранат.

— Наш дендропарк. Провели водопровод — теперь принялись за озеленение центральной усадьбы, — говорит встретивший меня Володя Кузьменко в приметной шапочке с помпоном.

Уже чувствуется вечерняя прохлада, как-никак ноябрь, и Кузьменко ведет меня по скрипучим ступенькам в свою комнату. Тонкие стены домика не спасают от холода, и мы принимаемся растапливать плиту кривыми сучьями.

— Это белый саксаул, — демонстрирует корявую ветку Володя и бросает в топку. — Можно сказать, проводим эксперимент по просьбе американских коллег: в связи с энергетическим кризисом они просили в письме уточнить калорийность черного и белого саксаулов, а также дать их более подробное описание. К сожалению, черный сильно повыверубили, а белого саксаула на растопку расходуете куда больше.

Опыты — дело хорошее, но пока в комнате холодно — куртку снимать не хочется, да и чай не кипит. Володя идет к соседям еще за охашкой дров, а я оглядываю обстановку. Хотя в кузьменковском жилье таковой почти нет: стол да старый матрас на деревянных чурбачках вместо ножек. («Срезы засохшего айланта. Субтропики. Знайки ценных пород умерли бы от зависти», — комментирует Володя.) Хозяин явно не любит ничего лишнего. В посылочных ящиках у него книги: Пушкин, Мицкевич («Я консерватор в литературных вкусах», — скажет потом Володя, человек комсомольского возраста) и пачки писем с Большой земли от жены и друзей в полиэтиленовых пакетах.

Ужин предельно прост — варим картошку (запаздывает лавка с про-

В свой обычный десятикилометровый маршрут вышел геоботаник Владимир Кузьменко.

дуктами на станцию). Володя тычет вилкой в котелок — все еще твердовата — и признается, что не любит зиму даже в пустыне. И с удовольствием рассказывает о своей самой «экзотической» практике в Крыму.

— Составлял геоботаническую карту реликтовых сосновых лесов, сумевших дожить до наших дней. Самое ценное и трудное — определить динамику их изменения во времени. Значит, больше работы. Похудел сильно, даже высох от усердия, стараясь оправдать высокое звание практиканта кафедры биогеографии МГУ. Вначале поднимался на самую высокую точку исследования — на яйлу — за три часа, а в конце практики взбегал уже за сорок минут. Загорал под крымским солнышком и не подозревал тогда, что попаду работать в пустыню, на полюс жары. На

другую практику ездил в заповедник Бадхыз, как раз через станцию Репетек, даже в окошко выглянул, но тогда и в голову не пришло, что здесь окажусь. А потом стал писать письма, обстоятельно все разузнал и, когда выяснил, что работы для меня непочтатый край, приехал и обосновался.

Володя обвел рукой вокруг и стал стелить мне спальник на старенькой цветастой кошке.

— Вы не бойтесь — никто не приползет. Поначалу, когда поселился, мыши надоедали, летучие. Возились и пищали на чердаке. Но не выгонять же их, а то из заповедника сразу исчезнет целый род...

Правда, один раз из угла прогнал тарантула. Однажды выхожу утром, а на крыльце сосед Виктор Кривоухатский баночкой каракурта ло-

вит,— продолжал вселять в меня беспокойство Кузьменко, удобно устраиваясь на своем ложе из редкого дерева.— Но настоящее веселье начинается при выездах в пустыню: только и опасайся, как бы в карманы, обороты брюк не спрятались скорпионы, каракурты или фаланги. В барханах приспособились спать на раскладушках — по железу им никак не взобраться. Перед тем как обуться, всегда сапоги вытряхивал. Раз торопился, ногу сунул, чувствую, что-то шевелится, вроде колет. Снова разулся, постучал по голенищу — так и есть: малюсенькая фаланга вывалилась на песок...

Лучше не вспоминать, что мне снилось ночью, а туманным утром,

проснувшись от холода, я, высунув голову из спальника, первым делом аккуратно вытряхнул свои ботинки.

Над домом кричали, кого-то переразвивая, вроде бы местного пса Джульбарса, майны, индийские скворцы, которые могут подражать кому угодно. Спустился с крыльца — хотел отвернуть кран, чтобы умыться, но не тут-то было: вода замерзла. Растопил ее с помощью подожженной бумаги, как учил меня Кузьменко, и только тогда сверкнула струйка воды в первых лучах солнца.

— Хороший денек будет,— бодро произнес Володя, появляясь на крыльце, поглаживая свои запорожские усы и прилаживая на русые

кудри неизменную шапочку с помпоном.— По холодку двинем моим рабочим маршрутом.

Только минули дома, как открылась неправдоподобная картина: прямо среди песков зеленеет не одно или два дерева, а целая роща. Для миража совсем неподходящее время, но вот же — перед глазами — колышутся ветви с серебристыми листьями...

— Петта, высаженная в траншеи,— пример бесплодного выращивания тугайного растения, — сдержанно поясняет Кузьменко, чтобы охладить мое изумление.

Еще вчера он убедительно мне доказывал, что всякая романтика несовместима с наукой. В Закарпатье,

КАРАКУМСКИЙ ЭТАЛОН

РАССКАЗЫВАЕТ ДИРЕКТОР МЕЖДУНАРОДНОГО БИОСФЕРНОГО РЕПЕТЕКСКОГО ПЕСЧАНО-ПУСТЫННОГО ЗАПОВЕДНИКА, КАНДИДАТ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАУК С. В. ВЕЙСОВ

Пожалуй, самая главная черта молодых ученых, «работников пустыни», героев очерка «Солнечный ветер»,— преданность своему нелегкому делу, так нужному людям. За свои долгие годы жизни и работы в Репетекке я замечал, что те, кто увез отсюда и опыт и диссертации, по-прежнему связаны с заповедником крепкими нитями научных интересов, да и душевно прикипели к большому труду в пустыне.

Это и понятно. Наш уникальный заповедник, начавший свою жизнь как песчано-пустынная станция еще в 1912 году, решает много проблем. В Репетекском заповеднике с момента его основания велась круглогодичное исследование. Большое внимание уделялось изучению физико-географических и экологических условий пустыни, динамики природных процессов, разработке методов растениеводческого освоения песчаных территорий, мелиорации подвижных песков, использованию растительных ресурсов пустыни, рациональному ведению лесного хозяйства и т. д.

Молодые ученые прокладывают свои маршруты по следам П. П. Семенова-Тян-Шанского и В. А. Обручева, В. В. Докучаева и А. Е. Ферсмана, известных пустыноведов В. А. Дубянского, Б. П. Орлова и М. П. Петрова, работавших здесь или посещавших заповедник.

В нынешнее время по-прежнему серьезной задачей остается сохранение Репетекки как эталона пустыни. Здесь ученые разрабатывают свои рекомендации, с помощью которых не только сдерживается наступление песков, но и отвоевываются новые площади под пастбища. Ограждены от барханов дороги, хлопковые плантации и Каракумский канал, вода которого изменяет лицо пустыни. Репетекский заповедник помогает прогнозировать будущее пустыни.

Именно наблюдения наших ученых подтверждают, как глубоко следует изучать процессы, происходящие в природе, чтобы умело ими управлять. Известно, какие беды населению Африки несет наступление Сахары. В поисках новых методов борьбы с подвижными песками какое-то время назад пробовали засеять пескоукрепительные растения по всему бархану. Вроде бы прекрасная идея. Но стали засыхать черносаксаульники, ютящиеся в понижениях, сгорали растения — их обычные спутники. Воду перехватывала развитая корневая система растений на бархане, и влага не доходила вниз. Засеянный песок становится заслоном на пути дождей, и барханы перестают пропускать в недра атмосферные осадки, уменьшая запасы подземных озер Каракумов...

Это хорошо, что вокруг нас пастбища, но их кольцо слишком тесно сжимается вокруг заповедного острова:

верблюды и овцы объедают кусты, вытаптывают растительность, нарушая естественное равновесие природы. Очень жаль, что только в Репетекском заповеднике сохранились в естественном виде черносаксаульники — леса пустыни,— и то лишь на пяти процентах территории, а вокруг они безжалостно вырубаются.

По другую сторону железной дороги от нас раскинулся гигантский карьер, на дне которого грунтовые воды образовали маленькие озера, спасающие жизнь перелетным птицам и животным, протоптавшим сюда дорожки. Но ляганье экскаваторов и гул моторов на песчаном карьере, который, к огромному нашему сожалению, продолжает разрабатывать управление Среднеазиатской железной дороги, некогда большой друг заповедника, отпугивает от воды птиц и животных. Карьер пожирает гектары пустыни, понижает уровень грунтовых вод в заповеднике.

Мой учитель, известный пустыновед, президент Академии наук Туркменской ССР Агаджан Гельдыевич Бабаев не устает повторять, что природа очень хрупка и экологическое равновесие, отлаживавшееся тысячи лет, не в меру ретивые покорители природы могут нарушить очень быстро.

Чтобы наш Репетек, объявленный ЮНЕСКО в числе нескольких других заповедников СССР международным биосферным заповедником, выполнял свои функции, необходимо срочно — раза в два — увеличить его площадь. Биосферный — это значит комплексный, то есть требуется комплексное изучение растительного и животного мира в их среде обитания. Стоит только сказать, что для сохранения пары каракалов, упоминаемых в журнале «Вокруг света», нужна огромная территория, так же, как и для других пустынных животных и растений.

Забот у работников заповедника прибавляется, намечены большие планы по расширению центральной усадьбы. Проводится серьезная исследовательская работа по международной программе «Человек и биосфера», действуют курсы по линии ЮНЕП — специальной программы ООН по изучению и охране окружающей среды. Слушатели курсов, многие из развивающихся стран, не только знакомятся с теоретическими проблемами изучения пустыни, но на практике нашей пустынно-песчаной станции, посещая окружающие хозяйства, видят успехи различных методов закрепления песка, обогащения пастбищ, сохранения плодородия почв в условиях пустыни.

Заповедник в Каракумах с каждым годом все больше служит людям.

Заповедник Репетек,
Туркменская ССР

где полонины и быстрые реки, замки бывших венгерских баронов и новизна обычаев привлекали внимание студентов-практикантов, их преподавательница Галина Николаевна Огуреева («Замечательный ученый и мой шеф», — отмечает Кузьменко) не давала отвлечься на эти красоты, жестоко изымала из отчетов все поэтические строки. «Смотрите глазами не поэтов-романтиков, а натуралистов, — говорила она. — Во всяком случае, когда делаете описания для геоботанической карты...»

Задумавшись, следовал за Кузьменко, пока не толкнул его в куст, зацепившись ногой за корень.

В тот же момент от куста метнулось ко мне что-то похожее на длинную пеструю ленту.

— Бойга?! — крикнул Володя.

Я отпрыгнул назад, а змея, промелькнув в сантиметре от ботинка, скользнула в песок. Мне с перепугу даже показалось, что глазки-бусинки на ее поднятой головке пренебрежительно скользнули по моей растерянной фигуре.

Володя залихватчо смеялся, приговаривая: «Ну здорово! Как зайчоталай подпрыгнул». Эти пустынные длинноногие зайцы, смахивающие на наших русаков, уже пересекали нам дорогу, выскакивая из своих лежищ и скатываясь, поджав хвостики, с барханов, как прирожденные сластоисты.

— Да, индийская бойга может свободно и с ветки прыгнуть. Укус ее острый, как бритва, зубов, даже не чувствуешь, хотя может выпустить кровь. Одна у нас около усадьбы обитала, путилова очень — шуршит, шипит. А за большим домом в песчаной гряде в чужой норе жила старая эфа. От усадьбы ее трудно было отогнать — толстая, агрессивная, она моментально принимала угрожающую позу и бросалась на обидчика. Летом ее потомство расплодилось вокруг усадьбы. Однажды слышу — кричит младший сын директора: «Змея!» Пришлось поймать молоденькую эфу и оттащить ее подальше, чтобы не нарушать статус заповедника. Ну, эфу-то отличить легко — по повадкам и кресту на голове. А вот кто на вас напал, ума не приложу... Песчаный удавчик вот так же в подвижных песках пропадает, только видно, как на поверхности след взбухает, — так он в песке движется. Правда, он покороче будет. Скорее всего это был пятнистый полоз... Но самое примечательное — то вы и не заметили — корень, о котором споткнулись.

Длинные нити корней, раскинувшиеся от кустов и растений по всему пространству передо мной, действительно поражали воображение. День за днем в пустыне шла борьба за каждую каплю влаги. Под ногами тянулись, как проволока, на десятки

метров корни кандыма, а вот у верблюжьей колючки длинные вертикальные корни уходят вглубь, достигая грунтовой воды. Интересно приспособился к тяжелой жизни в пустыне первый покоритель подвижных песков — селин Карелина. Его горизонтальные корни прикрывает от жарких лучей своеобразный чехол-обертка.

Растения пустыни всю свою короткую или долгую жизнь ждут воды. Пусть даже в феврале брызнут дожди, прогреет солнце, и желтые пески зацветут маками, тюльпанами. Но недолго выдерживают краски такого ковра под безжалостным солнцем. Выгорают, гибнут травы, и остаются выносливые кустарники, такие эндемики, как селин...

— Вот, можно сказать, парадокс заповедника, — указывает Кузьменко на небольшой участок темного мха, — ползет черныш, выживая на своем пути кустарники. На пастбищах мох вытаптывают овцы, а в заповедник им путь закрыт. Своих же копытных, например джейранов, маловато стало. Расселение этого черного вредителя джейраны остановить не в состоянии.

Мы останавливаемся у бугра, взорванного корнями кустарников. Тут же высится прекрасная — глаз не оторвешь — желтая свеча, сложенная из крупных цветков. Оказывается, этот удивительный цветок ютится на корнях кандыма, соками которого он питается.

— Чистейший паразит под названием цистанхе. Как видите, внешность обманчива и у растений, — иронично улыбается Володя, — и все это многообразие растительного царства мне надо заприходовать на своей карте, что я и делаю каждый день, шагая по своему маршруту.

Володя Кузьменко начинает подниматься на ближайший бархан, я взбираюсь следом и думаю, что совсем непросто составить такую геоботаническую карту. Какими при этом оперировать категориями растительности, чтобы показать смену, движение растений во времени, Кузьменко подсказали уважаемая им Галина Николаевна Огуреева и директор заповедника, проработавший здесь больше двадцати лет, Сувхан Вейисович Вейисов. Но описать-то эту пустыню ему надо собственноручно. Некогда поэтому Володе смотреть телевизор, ходить на фильмы — он считает, занимается картой.

Я смотрю на его сухощавую фигурку в красной шапочке на вершине бархана и почему-то вспоминаю, как вчера на мой вопрос — зачем ему испанский словарь? — Володя сдержанно ответил, что он изучает этот язык помимо основного, английского. Хочет побывать в Испании...

Рядом с Володей на вершине бархана пустынная акация, похожая на

нашу плачущую иву. Она видна также на других барханах, освещенных солнцем, — и всюду в одиночку. Пригревает, я снимаю куртку и сажусь на песок в жиденькую тень акации.

Полная тишина, пустынное безмолвие, покой. Только под слабым ветерком бесшумно струится песок по склону бархана, как в гигантских песочных часах вечности.

Сейчас здесь приятно, а летом бывает 50 градусов в тени, на поверхности же песка — до 80. Репетек — полус жары Советского Союза. Володя говорит, что стоит подняться на гряды, как чувствуешь на лице слабое дуновение ветерка. Ощущается на коже сила давления раскаленного солнца. Она ложится тяжестью на голову, сердце. Солнечный ветер...

Спускаемся с бархана, и Кузьменко показывает следы, выделяющиеся среди зячых ямок. Одни я узнаю — лисьи отпечатки когтей, а другие — крупные — напоминают следы большой кошки.

— Мы уже раз пересекали подобные — не хотел беспокоить, — не возмущито говорит Володя, и я не понимаю, то ли он всерьез, то ли шутит. — Это следы каракала, кружит вокруг нас, надо за барханами смотреть, не торчат ли где его уши с кисточками...

На обратной дороге в центральную усадьбу на нас никто не напал. Я зашел в музей и прочитал в книге «Млекопитающие СССР», что каракал похож на рысь, но стройнее. «Весьма редок. Биология почти не изучена». Живет, кроме Туркмении, еще в Африке. Селится в норах дикобразов или в логовах под камнями, в густых черносаксульниках. Занесен в Красную книгу.

Вечером мне сообщили, что другие следы каракала дальше того места, где мы были, видел шофер Айбазаров. Значит, все верно — каракал охотился поблизости.

...Перед глазами то вздымается, то опадает барханное пространство. На бывалом ГАЗ-66, почтительно называемом здесь «барханодом», мы едем в урочище Чарлак. Кузьменко сегодня, не отступая от правил, вышел в свой обычный десятикилометровый маршрут, а со мной в кузове машины стоит энтомолог Виктор Кривохатский. Он, окончив Ленинградский университет, уже поработал лесником в Бадхызе и сейчас рассказывает о встречах с различным зверьем. Как отбивался палкой от волков, спасался от леопарда и встречал каракала. Тот бежал по другой стороне ущелья, прыжками, вытягиваясь в полете в одну линию. Красиво бежал.

Я тоже видел каракала, отловленного в здешних местах, но, к сожалению, в неволе.

...Вначале из темноты проступила

только треугольная морда, на которой безучастно светились зеленые глаза. Потом зверь прошелся по клетке, мягко и пружинисто, ставя несколько внутрь задние лапы, всегда готовые к прыжку. Он потягивался, шевеля острыми ушами с длинной кисточкой на конце, похожий на большую домашнюю кошку. Но стоило кому-то неосторожно задеть клетку, как каракал взвился в воздух, сильно ударив передними лапами по железным прутьям, и заскреб когтями, тихо, но яростно зашипел, обнажив клыки. Он уже не походил на безобидную кошку. Это был крупный зверь на длинных лапах, с необычно маленькой, изящной головкой. В тени он казался пепельно-серым, а на солнце стал розово-желтым, украшенный черными ушами и светлыми грудью с подбрюшьем.

Вышла самка, и они стали снова похожи на кошек, играя и ластая друг к другу. Самец с места перепрыгивал самку в очень высоком, почти балетном прыжке. Затем каракал снова замер, стал похожим на изваяние, но весь по-прежнему излучал опасность. Только глаза его жили своей особой жизнью, и в них читалась тоска по барханным просторам...

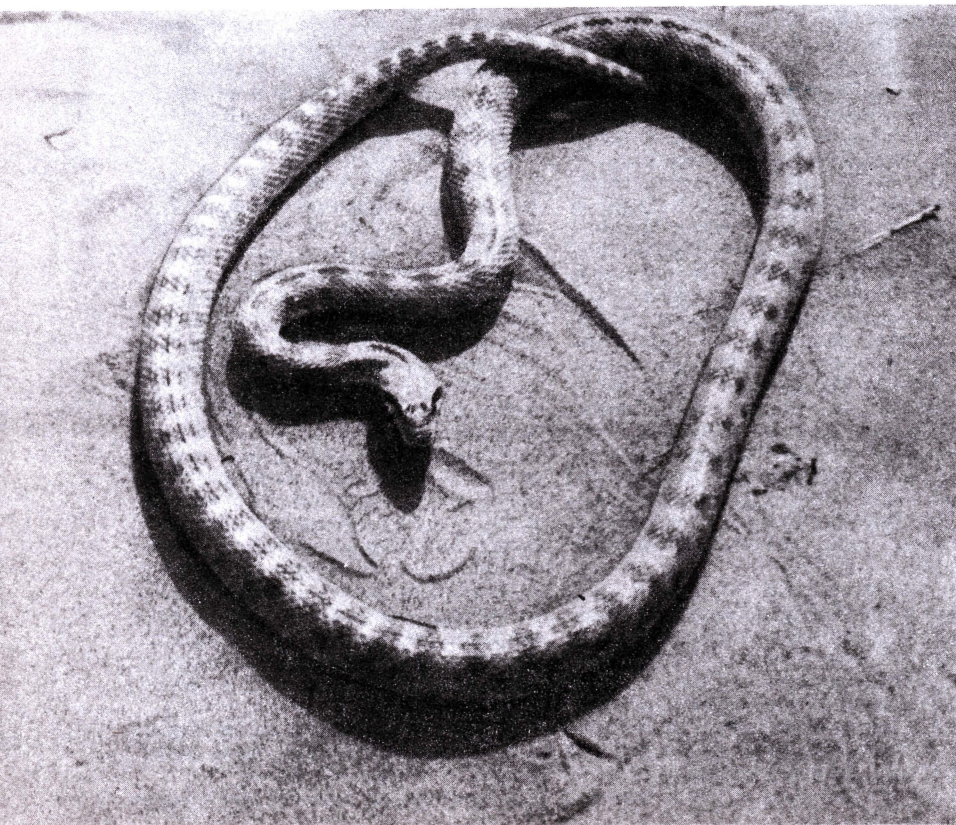
— Смотрите, джейраны, — дернул меня за рукав Виктор.

Легкие тела этих быстроногих антилоп унеслись, как тени, за ближайшую гряду. Затем перед грузовиком метнулась лисица, неправдоподобно бледная по сравнению с нашей рыжей. А дальше начались заросли саксаула, и шофер остановил машину.

Кривохатский забирает из кузова свои нехитрые энтомологические приспособления, и мы отправляемся искать обитателей леса, вспугивая почти из-под каждого куста голенастых толаев. Идем заячьей тропой, которая выводит нас на большую поляну. Здесь колонии песчанок и сусликов.

Кривохатский осматривает на ветках марлевые ловушки для насекомых, склоняется к земле:

— Для энтомолога каждая норка — целый мир. Я изучаю состав населения норы, взаимосвязи между видами, динамику развития этого обособленного мирка. Куда денешься в пустыне от жары? Конечно, лучше всего для животных и насекомых зарыться в землю...

Виктор, наконец, выбрал нору и запустил туда выгребалку, чтобы вытащить наружу всю живность.

— В норы кто угодно может забраться. Однажды шуранул палкой, а оттуда эфа выскочила. Хорошо, что не гюрза — той лучше дорогу не переходи, очень уж злобная.

В тот же момент рядом со мной выскочил из земли зверек — словно им выстрелили из духового ружья.

— Знакомьтесь, хозяйка норы — полуденная песчанка. Всегда держит про запас вертикальный выход, который не достает до поверхности. В случае опасности зверек вышибает телом земляную пробку. Вот они, красавцы, греются под кустами, полобуйтесь.

Действительно, неподалеку столбиками стояли рыженькие симпатичные зверюшки — это и были полуденные песчанки. Там же, на середине поляны, с любопытным видом торчали большие песчанки, похожие на крыс. Они издавали довольно мелодичный свист, который напоминал пение пеночки.

— Удивительно, что в колонию большой песчанки может подселиться перевязка. Редкий хищник, внесенный в Красную книгу. Похожа на ласку, злобная, тонкая и длинная, — поясняет Виктор.

Поляна была так перепахана сусликами, что какие-либо следы на ней было трудно разобрать. Мы двинулись в обход по заметной тропе.

Кривохатский показывает на отсеченные будто ножом ветки.

— Большие песчанки срезают их даже на высоте двух метров, залезая на саксаул, а потом тащат по этому тракту корм в свои норы...

С другой стороны поляны нам нетерпеливо махал рукой шофер Орунбасар Айбазаров. Когда мы торопливо подошли, он ткнул рукой в землю. На взрыхленном песке виднелись большие круглые кошачьи следы, которые уходили по гряде вверх.

— Тяжело шел, сытый был, — произнес Айбазаров, — надо посмотреть, кого поймал.

Пока мы двигались по саксауловому лесу, стараясь не потерять след, Айбазаров рассказывал, как в этих местах лет двадцать назад встретил каракала. Орунбасар искал верблюда и ночевал в черносаксаульнике. Рано утром его разбудил шум, ка-

Только неопытный взгляд не видит кипения жизни в пустыне. Работник заповедника на своем пути примечает все: свернувшуюся кольцом змею; серого варана — «крокодила пустыни», взобравшегося на кустарник; обманчивую красоту пирамидальной цистанхе.

Но лишь случайно человек может столкнуться с каракалом, да и то вряд ли застанет его врасплох, в такой безмятежной позе.

кой-то вскрик. Он вышел из леса и увидел на открытом месте лежащего джейрана с перекушенным горлом. Видимо, каракал кинулся из-под деревьев наперерез и в несколько прыжков настиг джейрана.

Мы уже выходили снова к дороге, по которой приехали, когда Орунбасар неожиданно остановился и присел под деревом.

— Ай, кровь есть. Зайца кушал, — покачал он головой в большой меховой шапке. — Голодный очень был, от дороги не ушел, все съел...

Действительно, на песке остались заячья лапа да бело-черный хвост.

По следам было видно, что испуганный заяц-толай успел сделать несколько отчаянных прыжков, но каракал сбил его лапой, как делают все крупные кошки.

Кривохатский задумчиво сказал:

— От него не уйдешь. В Иране каракалов специально держали для состязаний. Выпускали голубей, и сильнейший определялся по прыжку, в котором сбивал больше всего птиц.

Мы пробирались мимо скрученных жаркими ветрами стволов саксаула с искривленными ветвями. Сколько на своем долгом веку выдержали напастей эти деревья... Только торчащая дикобразом эфедра живет дольше саксаула, лет сто.

Где-то я вычитал теорию о возможности занесения с других планет неизвестных нам форм жизни, даже семян. Как пример приводился саксаул, который вполне может сойти за инопланетного пришельца.

А по мне, он очень земной, пустынный. Упрямо гонит в глубь земли свои корни, чтобы достать воду, терпеливо выносит иссушающее солнце. И все-таки живет, могучее высокое дерево в Каракумах, образуя в бывших протоках Амударьи настоящие «леса пустыни».

Саксаул так же терпелив и вынослив, как и люди, работающие здесь. Вспоминаю Володю Кузьменко, сухого, опаленного солнечным ветром в своих ежедневных маршрутах, я почему-то всегда вижу его в осеннем саксауловом лесу. Деревья будто цвели, покрытые бледно-коричневыми семенами с крылышками, похожими на венчики цветков.

...Снова наш «барханход» нырнул вниз и взлетал на песчаные гряды, возвращаясь в Репетек. Плынут по сторонам барханы с одинокими песчаными акациями, поворачиваясь своими бархатистыми золотыми боками. И кто назвал эту пустыню Каракумами, «черными песками», когда все вокруг в желтых, розовых, золотистых тонах? А за спиной, ульывая вдаль, вспыхивает под солнцем серебром, расцветает невиданными цветами осенний саксауловый лес.

Ч а р д ж о у — Р е п е т е к —
А ш х а б а д

Расскажите, пожалуйста, о таинственном городе, открытом недавно археологами в Колумбии.

П. БОГДАНОВ,
поселок Чуйский Иркутской области

Вслед за искателями кладов...

В прошлом, когда на столы историков легли сочинения тех немногих грамотных людей, сопровождавших некогда конкистадоров в их походах по только еще открывавшейся Америке, с пергаментных страниц открылись ужасающие картины разрушения древних индейских городов и сел, порабощения и гибели коренных народов и племен во имя «золотого тельца» и жажды власти.

Поведали ученые монахи Педро Симон, Педро де Агуадо, поэт и летописец Хуан де Кастельянос, хронист Гонсало Фернандес де Овьедо и Вильдес и о том, что на севере Южной Америки, там, где ныне проходит граница между Колумбией и Венесуэлой, они видели «чудесные, многолюдные и искусно изукрашенные» города Посигейка, Бетомы, Тайронака и Бонда.

Не одна экспедиция приходила затем сюда, на склоны горного массива Сьерра-Невада-де-Санта-Марта, но все напрасно: кругом были только джунгли. Лишь в нескольких жалких деревушках жили бедные индейцы племени коги, не сохранившие никакой памяти о своем якобы великоленном прошлом. «Может быть, все это опять миф? — в который раз спрашивали друг друга ученые. — Верили же триста лет назад в «эльдорадо», в живого человека из золота, царствующего где-то в верховьях Ориноко? Населяют же некогда воображение Гвианское плоскогорье людьми, носящими голову под мышкой...»

Но вот недавно Хулио Сесар Сепульведа, искатель кладов, человек доселе никому не известный, решил еще раз покопаться в этих местах, как говорится, на свой страх и риск. На склонах вблизи нынешнего города Санта-Марта нет-нет да и находят то золотую фигурку, то остатки древней керамики — глиняных горшков со странным орнаментом, красивых ваз...

И внезапно в самых непроходимых зарослях на крутых склонах Сьерры, обращенных к Карибскому морю, Сепульведа наткнулся на каменную лестницу. За ней — на еще одну, куда более парадную, чем первая. А дальше — больше...

Примчавшиеся археологи немедленно приступили к раскопкам. И

сегодня перед глазами изумленных специалистов уже встают руины расчищаемого от джунглей города, в котором некогда жило — трудно поверить — миллион с лишним людей!

Древняя Тайрона, та самая, упоминавшаяся в хрониках Тайронака, являла собой скорее не один сплошной город, а конгломерат из двух-трех сотен поселков, как сказали бы мы теперь, городского типа. Лежат они, тесно примыкая друг к другу, наподобие складок веера на высоте от 900 до 1200 метров над уровнем моря. Тут и там рядом с как будто специально для обозрения построенными каменными площадками гроятся мощные водопады; тщательно возведенные подпорные стенки препятствуют эрозии почвы, оползням и камнепадам; крутые улицы отчетливо повторяют все извивы изрезанных горных склонов, по которым проведены искусственные дренажные каналы...

Правда, каменные громады Мачу-Пикчу — открытого несколько десятилетий назад в Перу «тайного города» инков — превосходят масштабы Тайроны. Однако по выразительности строительной культуры и, что совсем уж неожиданно, по тому уважению, с которым тайронцы относились к окружающей их среде, — они далеко превосходят древних перуанцев. Мачу-Пикчу и другие города инков были в первую очередь укреплениями, и при их строительстве природу не очень-то щадили. А жители Тайроны, очевидно, предпочитали менее воинственный образ жизни, но при этом старались ладить с горами, лесами и водами, а не «покорять» их.

На тщательно выровненных террасах, опоясывающих склоны, стояли бамбуковые и деревянные хижины, крытые пальмовыми листьями. Около каждого дома — свой приусадебный участок, где выращивали главным образом кукурузу. Впрочем, раскопки показали разделение труда, свойственное горожанам: жившие на верхних склонах индейцы занимались как земледелием, так и ткачеством — их изделия, очевидно, шли на продажу. Ниже, вдоль дорог и лестниц, ведущих к берегу моря, обитали рыбаковы, солевары, собиратели моллюсков. Здесь же про-

По этим крутым лестницам некогда ходили древние тайронцы, умевшие жить с природой в ладу.

дукты труда также шли в пищу всей общины. Товарообмену способствовали поддерживавшиеся в отличном состоянии дороги и тропы, соединявшие между собой все «микрорайоны» Тайроны.

Кто же построил этот город, кто жил в нем? Этнографы и антропологи сначала выдвинули трех кандидатов: племена коги, араваков, санка, ныне населяющие различные районы Сьерра-Невады-де-Санта-Марта. Но потом, сопоставив характер жилищ и установив, что круглые дома тайронского типа, возведенные на характерном каменном фундаменте, сохранились сегодня лишь у коги и араваков, ученые признали все права прямых наследников за ними.

Тут вспомнили и о том, что еще в 1908 году французский граф Жозеф де Бретт, увлекавшийся этнографией, начитавшись испанских хроник и съездив на место их действия, опубликовал книгу, посвященную нравам и обычаям коги. Однако сочинение дилетанта, пытавшегося увидеть в робких длинноволосых, одетых в белые туники жителей

джунглей наследников древней высокой цивилизации, специалисты тогда всерьез не приняли. Незадолго перед второй мировой войной здесь побывала экспедиция из США, но и она не нашла почти ничего достойного научного интереса. Первое глубокое этнографическое и антропологическое описание коги, позволяющее предположить их связь с незаурядной цивилизацией доколумбовых времен, сделал колумбийский ученый югославского происхождения Герардо Рейхель-Долматов, проживший вместе с племенем коги более трех лет. Теперь-то его труд очень пригодился: археологи пользуются им как справочником-путеводителем в попытках восстановить картину повседневной жизни древних тайронцев.

А жизнь эта была жестоко полонана в один далеко не прекрасный день 1599 года, когда индейцы, не выдержав гнета конкистадоров, встали против жестоких пришельцев. «Висячие сады» Тайроны окутал дым пожара, по ступеням уличестниц, по каменным каскадам каналов обильно потекла кровь. Даже выдавший виды хронист Хуан де Кастельянос неодобрительно рассказывает, как капитан конкистадоров по имени Пиноль приказал отре-

зать уши, носы и губы всем пленным мужчинам. Оставшихся в живых испанцы согнали с их родных горных террас в долину, где многие затем нашли смерть.

Перед тем, кто сегодня сойдет с вертолета, опустившегося на площадку, где тайронцы некогда проводили свои празднества, предстанут три квадратных километра руин, полностью расчищенных от зарослей. Повсюду видны группы сотрудников антропологического факультета Андского университета, Колумбийского института антропологии, Института природных ресурсов, студентов и рабочих-индейцев, склонившихся над раскопами, из которых нередко извлекают интереснейшие памятники далекого прошлого. Недавно весь район Санта-Марты был объявлен национальным парком.

Колумбийцы, изучая этот интересный уголок природы, бывший когда-то исторической сценой для еще одной до сих пор остававшейся неизвестной древней цивилизации, делают все возможное, чтобы создать уникальный «музей археологии и этнографии» под открытым небом...

Б. СИЛКИН

ЛАБИРИНТЫ МЕРКАТО

Часть столицы, где расположен базар, официально называется Аддис Кетема. В народе, однако, сохранилось итальянское название — Меркато. Квартал этот — целый город, и, если верить путеводителям, — самый большой базар Африки. Предполагают, что здесь живет сто тысяч жителей.

Повсюду, насколько охватывает глаз, сверкающие гофрированные крыши. Им, кажется, нет числа. Узкие и извилистые переулки прорезают скопления хижин. Они запутаны так, что образуют лабиринт, выбраться из которого без провожатого невозможно.

Мы идем с Ато Тамене, он знает город — в особенности Меркато — как свои пять пальцев. Проходим по кварталам столяров и корзинщиков, гончаров, кузнецов, портных. Минуем горы корзин, циновок, подносов, преграждающих вход в мастерские и лавки. Посреди улицы сидят на корточках торговки. Зерно продают ковшами, фрукты — поштучно, а пряности — на граммы. Нас окружает стадо коз. Их гонят на продажу. Они занимают всю проезжую часть. Автомобили останавливаются, но водители, кажется, относятся к таким инцидентам как к неизбежности.

Поворот, еще поворот, и перед нами благоволия Востока. Из открытых мешков струятся ароматы фимиама, розмарина, черного и красного перца, мускатного ореха, имбиря и множества других корней и трав, которых я в жизни не видел и даже не знал об их существовании. Торговцы сидят повсюду — на малейшем клочке земли, в самом тесном закоулке между домами.

— Здесь, на базарной площади, — говорит Тамене, — были повешены те, кто начинал бороться за перемены в Эфиопии. Их несколько дней не снимали с виселиц, чтобы запугать других. Гирмане Нивейя повесили уже мертвым для устрашения.

Сторонники реформ предприняли в 1960 году попытку свергнуть Хайле Селассие, находившегося за границей. Руководил заговором Гирмане. Раньше он был губернатором в Сидаме и уже тогда пытался осуществить некоторые реформы. Послав землевладельцев в парламент, министерства и другие учреждения в Аддис-Абебе, Гирмане ограничил власть управляющих поместьями и приступил к земельной реформе. Правда, далеко по этому пути ему продвинуться не удалось. Князя и помещики разгадали его намерения, и император сместил Гирмане. Тот пытался организовать переворот, но потерпел неудачу. Тогдашние сторонники реформ боялись народа, который, как они считали, не мог понять их, и не искали у него поддержки.

— Неграмотность сегодня одна из наших больших проблем, — продол-

ДИТЕР КОППЕЧ,
журналист (ГДР)

ПЕРВЫЕ ВСХОДЫ

жает Тамене.— Ослепленные, обманутые люди у нас еще есть. В Меркато теснятся мелкие торгаши плюс часть населения из самых отсталых районов. Большая засуха 1973/74 года еще больше увеличила армию безработных. Многие из них за несколько быров готовы были на все.

Пяти тысячам жителей Меркато предложили работу в целинных районах на государственных фермах, где пока не хватает людей. Нашлись в Меркато люди, которые стали подговаривать переселенцев от нее отказываться. Но большинство из этих пяти тысяч были молодые безработные, и им очень хотелось найти прочное место в жизни.

Я побеседовал с одним парнем, отправлявшимся в целинный район.

— Просто никак не укладывается в голове, что теперь у меня будет настоящая работа! Я буду помогать семье...

Потом в Меркато началось создание нескольких кебеле.

ПРАЗДНИК В КЕБЕЛЕ

Ато Элиас, председатель кебеле № 17—19, ждал нас в доме Тесфалидета. Дом не очень отличается от европейского. Разве что непривычен высокий забор — защита от бродячих собак, гиен и взломщиков — да пекарня, где выпекают ынджэры, гигантские лепешки диаметром в шестьдесят сантиметров. Но и здесь современная техника — рядом с традиционной плитой на древесных углях стоит электрическая, тоже для выпечки ынджэры.

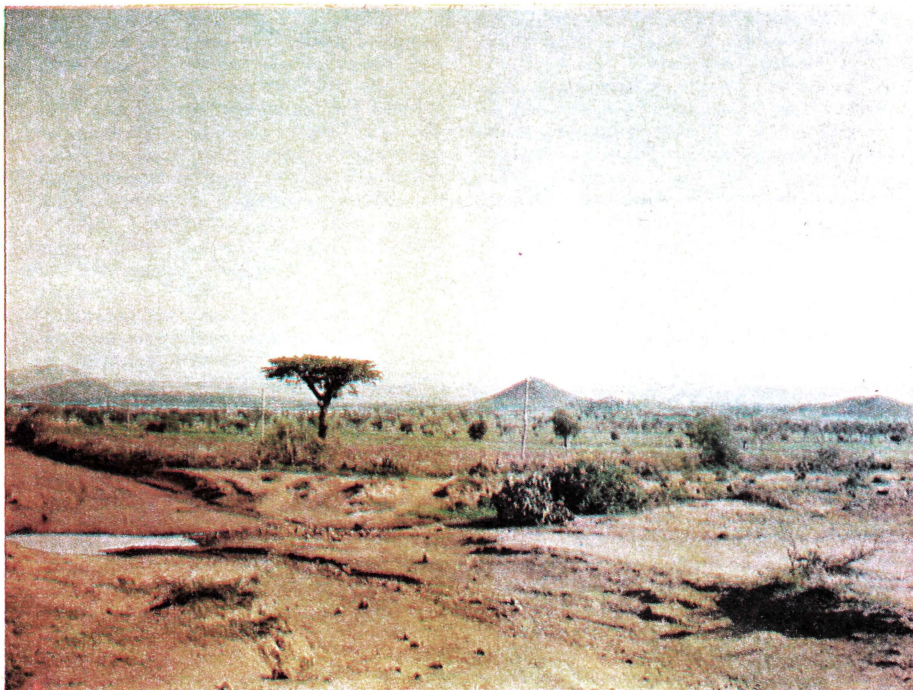
Ато Тесфалидет — член руководства кебеле. Он отвечает за охрану квартала и организует коллективный отдых его жителей.

«Кебеле» — древнее амхарское слово, обозначающее «объединение». В сегодняшней Эфиопии оно получило новый смысл и обозначает организацию жителей квартала, которая занимается самоуправлением и снабжением. В ее же задачу входит обеспечение безопасности и формирование отрядов народной милиции.

— Сегодня у нас праздник, — говорит Ато Тесфалидет. — Соберутся все жители. Так что сможете поговорить с кем угодно.

Для начала нас провели по кварталу: тут живет около трех тысяч человек. Сразу бросается в глаза строительство детского сада. Возведено уже шестьдесят четыре чика — двухкомнатных домика для членов кебеле. Строительство оплачивает кебеле, которому государство предоставляет кредит. Семья будет платить всего десять быров в месяц.

За домиками огороды, а за ними — ряд эвкалиптов. На грядках работают несколько человек. Сверкает на солнце маленький водопад. Для орошения огородов не потребовалось насоса — кебеле построило небольшую плотину.

На площади в четыре гектара выращивают помидоры, свеклу, лук, огурцы, многие другие овощи. Руководит всем этим хозяйством агроном Гебье Йезус.

— Мы можем обеспечить постоянной работой тридцать человек, — поясняет агроном. — Собираемся расширить посадки. Почва плодородная, а климат позволяет собирать по три урожая в год. Раньше на месте огорода был пустырь. Прежний владелец все ждал случая, чтобы продать землю по возможно более высокой цене. Но в 1975 году были национализированы земля и доходные дома. Так и не удалось хозяину нажиться.

Почти готово здание детского сада. Осталось вставить двери и окна, завершить внутреннюю отделку. Детский сад — это с утра, а вечером здесь будет школа для взрослых. Начальная школа, потому что начинать надо с азбуки. Школа и людям с высшим образованием дает преподавательские рабочие места. В детском саду получили работу женщины.

Правление кебеле, где должен состояться праздник, находится рядом с детским садом. Просторная площадка украшена флагами, гирляндами, транспарантами. Под навесом установлены скамейки, заполненные до отказа. Начинается аукцион. Выбор товаров очень разнообразный. Все это пожертвовали члены кебеле, а выручка пойдет на осуществление проектов развития.

После аукциона выступил с речью председатель кебеле. Он обрисовал задачи квартала в кампании по развитию национальной экономики. Потом взяла слово председательница женского объединения: нужно собраться на воскресник, чтобы закончить отделку детского сада. Как и все, что относится к детскому саду, этот призыв встретил самый горячий отклик. Потом был концерт — приехали артисты, пел самодельный хор, соревновались спортсмены. Через динамику Ато Тесфалидет доложил собравшимся о результатах: в празднике приняло участие свыше тысячи членов кебеле. Чистый доход от аукциона — почти десять тысяч быров. С этими средствами можно быстрее завершить строительство детского сада, жилых домов, очистить и возделывать пустыри под огороды.

ГДЕ БЫЛА ПУСТОШЬ...

3 февраля 1979 года началась революционная кампания национального развития. За несколько дней до этого газеты вышли с заголовками: «Эфиопы объявили войну голоду, болезням, невежеству и безработице». На площади Революции в Аддис-Абебе собрались сотни тысяч людей. Первые отряды организаторов кампании отправились прямо с площади в провинцию. Это была молодежь — студенты, вчерашние школьники. За ними шла колон-

на техники. «Беларуси» из Минска, комбайны из Нейштадта, автомобили и тягачи из Югославии — наглядный пример сотрудничества с новой Эфиопией. Некоторые тракторы вели девушки. Женщина за рулем, да еще такой мощной машины — картина для Эфиопии волнующая и пока редкая.

...Ингберт и Рихард, специалисты по обслуживанию тракторов с Шенебекского тракторного завода, возглавляют группу механиков из ГДР на эфиопской целине. В Эфиопии больше тысячи шенебекских тракторов. Обслуживают их десять механиков — по одному на четыре-пять районов. Если учесть, что страна почти в десять раз больше ГДР, а наши трактора работают даже в самых дальних целинных районах — за 1200 километров от Аддис-Абебы, — можно понять, как нелегко приходится механикам.

Большая часть целинных земель расположена в районе Нэкэмтэ на западе страны, в четырехстах километрах от столицы. Рихард вспоминает:

— От Нэкэмтэ мы проехали километров сто на запад по просеке, проложенной через саванну бульдозерами несколько недель назад. Саванна была большей частью уже выжжена под пашню, и лишь кое-где возвышалась трава трех-четырех метров в высоту, кусты. Порой попадались обугленные баобабы, с которыми огонь так до конца и не справился. В некоторых местах пламя бушевало по нескольку дней, преодолевая огромное расстояние и выходя иной раз из-под контроля. Просека уперлась в выровненное бульдозерами пространство. Здесь зарождалась новая деревня. Несколько недель назад на этом месте не было ни души, а теперь поселилось человек двести. И ждут новых поселенцев.

Здесь мы и должны работать, но прежде всего надо научиться объясняться с крестьянами. А это непросто: кроме руководителя будущей государственной фермы, никто не говорил по-английски. Амхарским и то мало кто владел. А ведь нужно было научить их работать на наших машинах! Переводчик приехал позднее.

В моей группе было восемнадцать человек, большей частью молодежь, шестнадцать из них — неграмотные. Я представить себе не мог, как в таких условиях их чему-то научить: как объяснить неграмотному чертеж, не говоря уже о теории! Но оказалось, что я ошибался. То, что я увидел вечером, просто поразило. Двое грамотных объясняли у костра остальным шестнадцати пройденное за день. Они задавали вопросы, поправляли, если нужно, ответы. И к следующему занятию все восемнадцать курсантов усвоили материал.

Никагда не забуду, как мне однажды представили двух будущих трактористов. Кроме набедренных повязок, на них ничего не было; надо думать, трактор они видели впервые в жизни. Они осторожно приблизились к нему

и потрогали кончиками пальцев. Но как же благодарны они нам были, когда разобрались в объяснениях! Буквально на наших глазах эти люди совершали скачок из далекого прошлого в двадцатый век.

Мы жили в палатках. Эфиопы — будущие жители деревни — обосновались в хижинах-временках. Все продукты приходилось привозить издалека, поскольку до урожая было еще далеко. На каждого получали по котелку воды в день. Цистерна с водой приезжала в поселок раз в неделю, и вода была на вес золота. Скважину, конечно, бурили, но, несмотря на обильные осадки, вода находилась на глубине двести пятьдесят метров, а наша скважина пока дошла до двухсотметровой отметки. Тяжело? Да, очень. Но как прекрасен вид бескрайнего поля, прорезанного сочной красно-коричневой бороздой!

За домом простиралось вспаханное поле. Ровные, как по линейке, борозды чередовались с извилистыми и кривыми. Глубина вспашки тоже была неодинакова.

Карл-Хайнц, руководитель курсов, заметил мое удивление.

— Вот так же неоднородны по своему составу и наши учебные группы: тут и выпускник школы, тут и неграмотный.

Ровно в девять начинаются занятия. Двое отсутствуют. Они появляются через пять минут. Им трудно добираться сюда — автобус до учебного центра не доходит. Некоторым приходится вставать в пять утра, чтобы автобусом, пешком или на попутках добраться до центра. Карлу-Хайнцу помогает Хайле Йосеф, прекрасно владеющий немецким, английским, амхарским и языком галла. Для большинства курсантов родные языки галла, тигринья, сомалийский, они приехали учиться с юга, где уже созданы большие государственные фермы и необходимы специалисты. Там, на краю высокогорного плато, простираются плодородные земли, которых не касались ни плуг, ни мотыга. Населения же чрезвычайно мало.

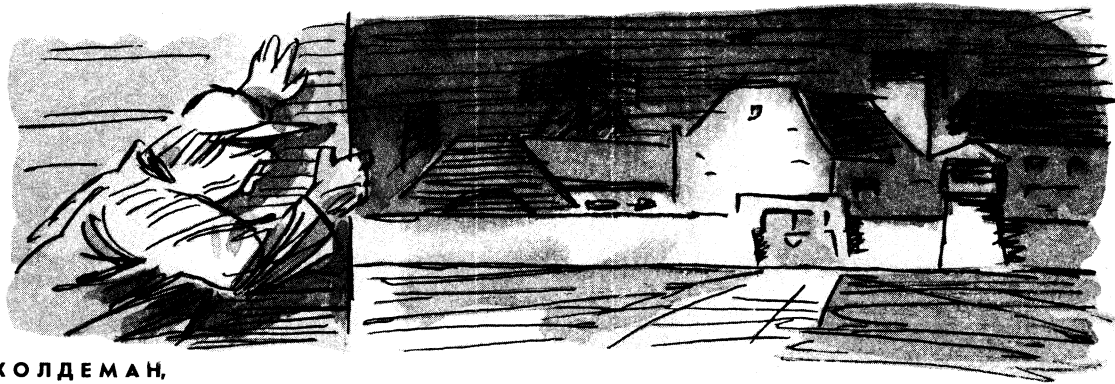
Вольде Йоханнес, подвижный парень лет двадцати, уроженец Аддис-Абебы. Больше года он работает на целине, на одной из госферм в районе Асэллы.

— На целину меня послало кебеле. Я закончил школу техников в Аддис-Абебе. Больше всего пользы от моих знаний здесь. Да мне и самому интересно видеть, как поросшая травой и кустами целина становится полем. Очень плодородным полем...

Да и сама Эфиопия — непохожа разве она на гигантское, только что вспаханное поле, на твердую, как камень, почву, на которой вот-вот покажутся первые ростки?

Они уже очень близки, эти первые всходы.

Перевел с немецкого
В. БЕНЦИАНОВ

ДЖО ХОЛДЕМАН,
американский писатель

ПОДЛЕЖИТ РАССЛЕДОВАНИЮ

Фантастическая повесть

Солнце палило невыносимо. Тележка, развернувшись, остановилась на окраине деревни, и ветерок от движения, скрадывавший жару, стих.

— Господи, как жарко! — Кроуэлл тяжело ступил на землю.

Уолдо прищурился на солнце.

— Через час будет полегче.

Они прошли под навесом деревенских ворот и зашагали по тропинке. Кроме зарослей травы высотой больше человеческого роста, окружавших деревню полукилометровым кольцом, ничего не было видно. Повозки не подъезжали ближе из-за пасущихся здесь млекопитающих рептилий. Однако на людей эти звери вроде бы не обращали никакого внимания. Они мирно жевали траву, лишь следя за пришельцами стебельчатыми глазами.

Навстречу землянам по тропе двинулся, переваливаясь, туземец. Не доходя нескольких шагов, он остановился и обратился к гостям:

— Ты — Кроуэлл-кто-шутит, а ты — Штрукхаймер-кто-медлит. Я молодой, по имени Балуурн. Послан сопровождаю вас.

Завершив свою короткую речь, маленький бруухианин двинулся следом за людьми, стараясь идти в ногу с Кроуэллом.

— Я его знаю, — сказал Штрукхаймер. — Он малость обучился английскому. Когда-то был моим переводчиком.

Трава поредела, им открылась деревня. Кроуэлл сразу увидел то, о чем говорил Штрукхаймер: только половина строений имела привычный вид асимметричных мазанок. Все новые постройки были почти строго прямоугольные и возносились на десятиметровую высоту.

— Балуурн, почему твой народ перестал строить по-старому?

— Это ново-тип... Жить наверху, чтобы проходить мимо «тихий» много раз. Говорить с «тихими». Кроуэлл-кто-шутит...

— Да, Балуурн?

— Старая, очень старая женщина Шуурна помнит тебя. Хочет говорить с тобой перед «тихий мир». Очень скоро.

— Что ж, пошли навестим ее.

Дом Шуурны принадлежал к числу новых «небоскребов». Земляне и бруухианин по очереди протиснулись в узкую дверь.

Балуурн прокричал ритуальную фразу вхождения — наверху кто-то откликнулся.

— Я иду вверх первый: смотрю Шуурна готова говорить Кроуэлл-кто-шутит, — сказал Балуурн и быстро вскарабкался по веревке.

— Надеюсь, канат выдержит меня, — пробормотал Кроуэлл, принимая гравитол.

Он спрятал коробочку с пилюлями и вытащил из кармана еще что-то. Не спуская глаз с отверстия в потолке, он бочком скользнул к одному из «тихий».

— Что вы делаете, Айзек?!

— Секундочку, — прошептал Кроу-

элл, шаря позади «тихого». Он вернулся и передал Уолдо маленький пластиковый конверт. Потом засунул в карман небольшой вибронаож.

— Соскоб с плеча, — прошептал он.

Уолдо округлил глаза.

— Да знаете ли вы...

Балуурн скользнул по веревке вниз.

— Шуурна хочет говорить Кроуэлл-кто-шутит одна.

— Ну что же, я готов, — сказал Кроуэлл.

Он хорошенько ухватился и, натухав, полез вверх, пропустив свободный конец каната между ногами. Дополнительная доза гравитолы должна была облегчить задачу, но все же поднимался он, злясь и невнятно ругаясь, очень медленно.

Шуурна лежала на плетеной циновке. Она была самой старой бруухианкой из всех, кого Кроуэлл когда-либо встречал.

Слабым голосом она заговорила: — Кроуэлл-кто-шутит. Я знала тебя и помню тебя лучше, чем собственных детей. Ты ходишь теперь по-другому, твои шаги — шаги молодого человека.

Это было нечто непредвиденное. Воцарилось долгое молчание, которое в человеческом обществе сочли бы щекотливым.

— Шуурна, хочешь ли ты что-нибудь сказать мне?

Снова долгая пауза.

— Нет. Ты, кто выглядит как Кроуэлл-кто-шутит, я ждала увидеть тебя, но теперь ты не здесь. Я не могу больше ждать, я готова к «тихому миру». Призови наимладшего и нового наистаршего.

Кроуэлл подошел к веревке.

— Балуурн! Шуурна готова... перейти в «тихий мир». Ты можешь найти наимладшего и наистаршего?

Двое бруухиан вскоре поднялись по веревке. Они прошли мимо Кроуэлла и остановились перед Шуурной.

— Кроуэлл-кто-шутит, — заговорил старший, — не сможешь ли ты нам снести вниз эту ношу, поставить рядом с другими «тихими»?

Кроуэлл наклонился и дотронулся до руки Шуурны. Она была твердой и неподатливой как дерево.

— Старший семьи Шуурны, я считал, что никто из людей не вправе присутствовать на ритуале перехода в «тихий мир».

Окончание. Начало в № 1.

Старик кивнул в самой обезоруживающей манере — совсем по-человечески.

— Так было, но недавно священники сказали нам об изменении, и ты всего лишь второй из людей, кто удостоился.

— Кому еще из людей выпала сия честь?

— То был Малатеста-высочайший.

Порфири Малатеста! Последний Управляющий рудника, первый из исчезнувших.

Солнце по-прежнему адски пылало, когда они вышли из хижины. Все приключение едва ли заняло больше получаса. Они не прошли по пыльной дороге и десяти метров, как Уолдо хрипло зашептал:

— Тот соскок, который вы мне дали... Должен признать, это редкая удача. Может быть, теперь мы наконец выясним, каким образом... Послушайте, вы же были там, когда Шуурна умерла! Вы что-нибудь видели?

Уставившись в землю, Кроуэлл сделал несколько шагов и только потом ответил:

— Они просто подошли к ней, взглянули и... сказали, что все кончено. Я дотронулся до тела через считанные секунды. Шуурна уже была твердой и неподвижной, как дерево. Непостижимо!

Кроуэлл умышленно пренебрег советом доктора Нормана и условился о встрече с послом в конце дня. Он надеялся, что к этому времени дипломат будет уже изрядно пьян.

Ему открыл представительный человек — аристократические черты лица, седые волосы, ниспадающие на широкие плечи.

— Посол Фиц-Джонс?

— Да... О, вы, должно быть, доктор Кроуэлл? Входите, входите...

Впечатления сильно пьяного человека он не производил.

Кроуэлл очутился в изысканно обставленной комнате, как в любом американском посольстве на Земле.

Фиц-Джонс указал на кожаное кресло, и Кроуэлл позволил мягкой раковине поглотить его тело.

— Разрешите налить вам чего-нибудь. Выбирайте — бренди с водой, бренди с содовой, бренди с бренди или, может быть, — Фиц-Джонс заговорщически подмигнул, — немного бургундского, «Шато-де-Ротшильд» 23-го года?

— Боже мой! — Кроуэлл знал, что собой представляет вино этого урожая.

— Каким-то образом, видимо по ошибке, сюда забросили небольшой бочонок вместо ящика с иммиграционными бланками. — Фиц-Джонс сокрушенно покачал головой. — Такие вещи неизбежно распутствуют... ик, простите... сопутствуют нашим попыткам действовать в рамках межзвездного бюрократического порядка. Мы, американцы, стараемся приспособливаться...

Кроуэлл пересмотрел свою прежнюю

оценку. Судя по всему, Фиц-Джонс «приспособивался» уже целый день.

Посол вернулся с двумя высокими стаканами для виски, наполненными вином густого красного цвета.

— Вы хотели меня видеть по какому-то конкретному поводу?..

— Скажем так: я хотел повстречаться с кем-нибудь, кто не работает на Компанию. Мне нужен взгляд стороннего наблюдателя на то, что здесь происходило за последние десять лет. Я понимаю, в сущности, ничего такого особенного не было...

Фиц-Джонс экспансивно взмахнул рукой: еще миллиметр, и вино расплескалось бы. Отто оценил многолетние упражнения, которые позволили довести этот трюк до совершенства.

— Не совсем, не совсем... Жизнь в этом, извините за выражение, мире шла своим чередом. Все здесь трудились в поте лица своего, а мне было абсолютно нечего делать. И вдруг начались исчезновения. Управляющий Малатеста был официальным главой планеты! Вы только вообразите, сколько на меня свалилось всяких бумаг. Я сидел на субпространственной связи часами и наконец... Скажите, доктор Кроуэлл, вы умеете хранить секреты?..

— Полагаю, как и любой другой человек.

— Ну да... Впрочем, это уже не секрет. Словом, я переговорил с высшими чиновниками Конфедерации на Земле, и там решили послать сюда следователей. Ну те явились — блестяще разыгрывали роли ученых парней и только начали что-то здесь вынюхивать, как... тоже исчезли.

— Два геолога?

— Совершенно верно. И что бы вы думали? Раз исчезают два человека, значит, по идее, Конфедерация должна выслать сюда целую армию, чтобы разобраться, что же здесь происходит. Но нет! Я наконец добрался до какого-то там заместителя секретаря, и он мне говорит: мы, мол, не можем транжирить людей из-за ваших «мелких интриг» на Бруухе.

— Довольно странно.

Первым пунктом в единственном донесении, которое отправили агенты, значилось предупреждение о ненадежности посла.

— То-то и оно. Поэтому я не думаю, что с агентами случилось то же самое, что с Малатестой... э-э... что они мертвы. Должно быть, у них был припрятан где-то неподалеку легкий корабль, и когда они выяснили, что хотели, то попросту улетели. Черт подери, и знаете, что самое оскорбительное? Мы до сих пор не имеем ни малейшего понятия, что случилось с Малатестой. Между тем они — я уверен — все выяснили.

«Очень похоже на то, что они и впрямь-таки выяснили».

— А разве не могла Конфедерация прислать новых агентов и ничего вам не сообщить?

— Нет, не могла. Это нарушение законов. Я единственное официальное ли-

цо на этой планете. Меня обязаны уведомлять обо всем. С тех пор как агенты исчезли, появились всего два новых человека. Один — это новый помощник доктора Штрукхаймера: я уже положил на него глаз. Думаю, он тот, за кого себя выдает. Второй новичок — это, разумеется, вы.

Кроуэлл захихикал.

— Ха, воображаю себя шпионом! В таком случае вы, наверное, частенько будете ублажать меня вином?

Фиц-Джонс улыбнулся, но глаза его остались холодными.

— Конечно! Его нельзя долго хранить. Строго между нами, я жду, что новый агент объявится со дня на день. Им может быть кто угодно. Вы слышали о кальке личности?

— Приходилось.

— Они могут снять ксерокопию с кого угодно, — Фиц-Джонс высосал последние капли вина. — Конечно, такая выдающаяся личность, такой видный человек, как вы, вне подозрений. Слишком много людей заметили бы ваше отсутствие... — Но в глазах посла Отто снова прочитал: он лжет, он подозревает.

«Насколько опасен этот утонченный пьяница?»

— У вас есть какие-нибудь догадки насчет Малатесты?

— Мне кажется, что подозреваемый номер один — Киндл, новый Управляющий. Но, с другой стороны, он никогда не стремился к этому посту: работы в два раза больше, а прибавка к жалованью — гроши. Помимо прочего, он очень озабочен, как бы то, что произошло с Малатестой, не случилось и с ним.

— Вы его хорошо знаете?

«Осторожнее. Я становлюсь чересчур любознательным».

— О,о, довольно хорошо. Когда я занимал пост на Ламарре, он состоял там на государственной гражданской службе. Держал большой пакет акций Компании. Как только на Бруухе открылась должность помощника Управляющего, он тут же перебрался сюда и принял дела. Меня перевели на Бруух всего лишь годом позже, так что мы встретились так, словно и не расставались.

«Пора менять тему разговора».

— Ламарр... Я, конечно же, слышал об этой планете, но никогда там не был.

— Прекрасный мир... — Фиц-Джонс решил было снова показать свой широкоплескательный трюк, но вовремя удержал себя...

В его комнате кто-то учинил обыск. «Любительская работа, — отметил Кроуэлл. — Вероятно, дело помощника Фиц-Джонса». Сыщик не заметил волосков, наклепленных на дверце стенового шкафа и крышке чемодана. Кроуэлл вздохнул. Отто заслуживал большего.

...В полночь уличные фонари погасли. Кроуэлл надел очки ночного видения, которые успел купить в магазине Компании, и пошел к главному складу, рас-

Рисунки Г. ФИЛИППОВСКОГО

полагавшемуся в километре от отеля. По дороге он никого не встретил.

Зная, что у любого сторожа тоже есть ночные очки, Кроуэлл подошел к складу по параллельной улице и, не доходя квартала, тихонько уселся за углом какого-то здания. Целых полчаса он наблюдал за входом.

С удовлетворением убедившись, что склад не охраняется, Кроуэлл пересек площадь, подошел ко входу и осмотрел замок. Простой всяческий замок с магнитным кодом. Он отомкнул его в две минуты.

В дальнем конце помещения он обнаружил незапертую дверь. «Поскольку она открыта, — подумал Отто, — то вряд ли там есть что-то такое, что заслуживает утайки». Все же для очистки совести он зашел внутрь.

Рядом со стеной шел широкий желоб, наполненный смесью песка и опилок. У противоположной стены возвышалась гора пластиковых мешков, набитых той же смесью. В дальнем конце комнаты стояли большой таз и две огромные бадьи. На полке над тазом выстроились несколько жестянок размером с поллитровую банку из-под краски. Очевидно, в этом помещении готовили ту самую смесь, которой посыпали мокрый пол в шахте, чтобы туземцы не оскальзывались.

Кроуэлл внимательно осмотрел таз и кроме того, что это просто грязная посуда, не обнаружил ничего. На жестянках было выведено: «АНТИСЕПТИК». Он взял банку и потряс ее: она оказалась на три четверти наполненной каким-то порошком. И вдруг на крышке проступила слабая надпись: «Нитрат висмута кристаллический».

От удивления Кроуэлл едва не выронил банку. Очевидно, первоначальную

надпись стерли, но тренированный глаз Отто различил ее следы. Вот оно что! Это объясняло и сокращение продолжительности жизни аборигенов, и их бешеную активность в шахте. Висмут был для них сильным возбуждающим средством, он ввергал рабочих в эйфорическое состояние и к тому же обладал свойствами кумулятивного яда. Должно быть, он впитывался в организмы рабочих через подошвы ног.

Так чьих же это рук дело? Рабочие, которые подмешивали нитрат висмута в смесь из песка и опилок, вероятно, не знали, в чем тут секрет: иначе зачем тогда заново подписывать банки? Может быть, кто-то подделывал жестянки еще до отправки сюда? Похоже на то, ибо о висмутовой теории знали все. Надо будет поговорить с Джонатаном Линдэмом, новым начальником отдела импорта.

...Снаружи было так же темно, как и в тот момент, когда Кроуэлл проник в склад. Он надел замок и с удовольствием стянул с пальцев тонкие пластиковые перчатки.

Позади и чуть левее Кроуэлла что-то еле слышно щелкнуло. Мозг Отто среагировал быстрее, чем в мозгу Кроуэлла мелькнула мысль: «Предохранитель!» — и Кроуэлл кубарем покатился в придорожную канаву.

Он ослеп — ночные очки отлетели в сторону, — но, подняв взгляд, увидел, как ярко-красный пучок света веером prošелась над дорогой на уровне человеческой талии и, вспыхнув, погас. В руке Кроуэлла уже был миниатюрный пневматический пистолет — в мгновение ока он выдернул его из кобуры в кармане, прицелился в том направлении, где сетчатка глаза еще удерживала

гаснущее, остаточное изображение алой точки — дульный срез лазера, — и, молниеносно нажимая на спусковой крючок, бесшумно выстрелил.

Драгоценные секунды ушли на то, чтобы найти ночные очки, еще секунда — чтобы разобраться в серо-зеленой картинке и различить движущийся силуэт на пределе дальнобойности его пугача. Кроуэлл попал только с третьей попытки: человек споткнулся, рухнул на землю, но тут же вскочил и, шатаясь, побежал дальше, схватившись за руку. Он все еще держал лазерный пистолет, но, кажется, больше не собирался им воспользоваться.

Айзек внимательно вглядывался в быстро уменьшавшуюся фигурку. Нет, этого он еще здесь не встречал. Не особенно толстый, но и не худой, не высокий, но и не маленький. Кроуэлл признался себе, что при встрече он может и не узнать этого человека. Если только рука не будет на перевязи или в гипсе, что весьма вероятно.

Едва Кроуэлл вошел в свою комнату, как раздался зуммер радиотелефона. Он постоял возле аппарата несколько секунд, затем, мысленно пожав плечами, поднял приемодатчик.

— Кроуэлл.

— Айзек? Это Уолдо... Извините, что звоню так поздно, но... тот соскоб, что вы мне дали... Некоторые клетки в нем еще живы!

— Живы?! У мумии, которой двести лет?!

— И митоз продолжается. Вы знаете, что такое митоз?

— Да, деление клеток...

— Так вот. Эти клетки растут и делятся, но делают это, выходя, в не-

сколько сот раз медленнее, чем нормальные бруухианские клеточки.

— Невероятно!

— Более чем невероятно — это невозможно! Продление жизни — вот что это такое! Не удивлюсь, если всего через год этих бруухиан будет изучать уже добрая сотня человек.

— Видимо, вы правы, — сказал Кроуэлл.

— Рад, что ты зарулил ко мне, Айзек! — рукопожатие доктора Нормана было на редкость крепким.

— Не мог упустить случая снова обыграть тебя после стольких лет, Вилли.

Норман поставил на столик рядом с шахматами стаканы с выпивкой и сел в кресло напротив.

— Я разговаривал сегодня с Уолдо. Чистая фантастика! Между прочим, он скрыл, каким образом к нему попал образец. Надеюсь, Айзек, ты к этому не имеешь никакого отношения?

— Как тебе сказать, — осторожно произнес Кроуэлл. — Я осведомлен, откуда у Уолдо этот образец. Но до поры до времени — ты прав — это тайна.

— Мир полон тайн, — доктор сделал ход.

Кроуэлл отреагировал почти инстинктивно: стандартный дебют.

— Что, Айзек, на старости лет ты становишься чрезмерно осторожным? Твои дебюты обычно были непредсказуемы.

Играли около получаса, и почти все это время молчали. У Айзека было и преимущество в фигурах, и более сильная позиция.

Вдруг доктор Норман поднял голову и произнес:

— Кто вы?

— Что ты сказал, Вилли?

Доктор вынул из кармана клочок бумаги, развернул его и швырнул на середину доски. Рецепт...

— Если бы вы были Айзеком Кроуэллом, вы бы сейчас умирали или уже умерли — от гравитола. Кроме того, у вас не тот стиль игры.

Кроуэлл допил из стакана — там был в основном растаявший лед — и откинулся в кресле. Он сунул правую руку в карман и нацелил пистолет под столом в живот доктора.

— Меня зовут Отто МакГэвин. Я агент Конфедерации. Но, пожалуйста, продолжайте называть меня Айзеком. В этом облике я больше Кроуэлл, чем МакГэвин.

Доктор кивнул.

— У вас, видимо, очень длинный послужной список. Более убедительный, чем у тех двоих. Наверное, поэтому вас и послали сюда, не так ли? Расследовать причину их исчезновения?

— Причину их смерти. У каждого агента в сердце вживлен передатчик. Сигналы тех двоих прекратились.

— Вот оно что. Нет нужды говорить, что ваш секрет умер во мне.

— Вы не будете носить это бремя

слишком долго. Через день-другой я закрою дело. Между прочим, к вам сегодня никто не обращался по поводу огнестрельного ранения?

— Что?! Но откуда вы...

— Ночью кто-то устроил на меня засаду. Я ранил противника.

— Боже мой... В руку, да?

Кроуэлл вытащил пистолет, открыл обойму и вытряхнул на шахматную доску маленькую пульку.

— Ранение в правую руку. Пуля вот такого калибра.

Доктор Норман покатал пульку между пальцами.

— Да, та была такая же махонькая. Кстати, чертовски трудно было ее извлечь. И ранение именно в правую руку... — Доктор глубоко вздохнул. — Рано утром меня подняли посол Фиц-Джонс и Управляющий Киндл, чтобы я извлек пулю из руки Киндла. Они сказали, что пили всю ночь и под утро им взбрело в голову поупражняться в стрельбе по мишени на заднем дворе посольского особняка. Фиц-Джонс случайно попал в Киндла. От обоих разило перегаром, но держались они как огурчики. Киндла мучила сильная боль: похоже, они пытались сами извлечь пулю. Но она засела очень глубоко.

— Киндл... Я его еще не встречал.

— Вот ночью и повстречались. Трудно поверить... Он всегда казался таким тихоней...

— Теперь вам пора узнать всю историю целиком. Если со мной что-нибудь случится, постарайтесь дать знать властям Конфедерации... Администрация Компании, в том числе посол и Управляющий Киндл, но необязательно только эти двое, систематически травит бруухиан, работающих на руднике. Единственная мотивировка, которую я нахожу, — та, что яд заставляет рабочих трудиться с убийственной отдачей, а значит — растут прибыли. Кстати, Киндл владеет значительной частью капитала Компании, ведь так? Интересно, Фиц-Джонс, наверное, тоже получает солидный процент?

— Не знаю, — сказал доктор Норман. — Он утверждает, что обладает независимым состоянием. Впрочем, он вполне может вкладывать деньги и в Компанию. За последние несколько лет прибыли учетверились. А что, даже я подумывал об инвестициях... В качестве пенсионного обеспечения...

— Лучше не надо. Очень скоро прибыли пойдут вниз.

— Надеюсь. Да, ужасная история. Так чем я могу вам помочь?

— Мне нужен доступ к субпространственному радио. На планете всего два передатчика — у Управляющего и у посла. Если бы вы залучили одного из них к себе на часок-другой, я смог бы затребовать разрешение на арест и получить полномочия на заточение обоих в тюрьму.

— Это довольно просто. Мы с Фиц-Джонсом как раз должны составить акт о несчастном случае и передать его чиновнику Компании для визирования. Я

попросил посла зайти сегодня около трех: это займет больше часа.

— Ну что же, около трех я и нанесу визит в его резиденцию.

Из окна своей комнаты Кроуэлл видел, как посол укатил в сторону амбулатории. Айзек разломил лазерный пистолет и проверил батарею: хватит на две минуты непрерывного действия, вполне достаточно, чтобы подавить взвод пехоты. Он сунул в карман виброружье, переложил пистолет и комплект для взлома в правую руку и набросил сверху легкую куртку.

Прогулочным шагом он отправился по улице в сторону, противоположную дому посла, затем сделал круг и очутился с задней стороны здания. Дальше домов уже не было.

Кроуэлл извлек из набора спецкрандаш и начертил на окне большой черный круг. Черная линия сразу побелела, и круглый кусок пластика выпал наружу. С немалым усилием Кроуэлл подтянулся и ввалился в дыру. Он проглотил таблетку гравитола — в кармане оставалась теперь всего одна — и в который раз подумал, как хорошо будет, когда он снова обретет свое собственное тело.

Кроуэлл осматривал три комнаты и наконец обнаружил передатчик — в кабинете посла. Передающая пластина была забрана чехлом, снабженным дактилоскопическим замком.

Ничего не оставалось делать, как ждать возвращения Фиц-Джонса, а затем силой заставить его открыть замок.

Побродив по кабинету посла с полчаса и не найдя ничего интересного, Кроуэлл вспомнил о «Шаго-де-Ротшильд». Можно приятно провести время в ожидании хозяина. Кроуэлл прошел по толстому ковру на кухню. Он нашел стакан, заткнул лазер за брючный ремень и выбил затычку из бочки.

— Постарайтесь не наделять глупостей, Айзек.

Отто медленно повернулся.

«Старинный лазер системы «Вестингауз», вторая модификация. Снят с предохранителя. Дистанция три метра. Поставлен на полное рассеивание. Шансов никаких...»

— Хм, Джонатан Линдэм? Не ожидал встретить тебя здесь...

«Рука дрожит. Но — полное рассеивание. Не промахнется. До сих пор не выстрелил, может быть, и не выстрелит. Думай, думай, думай...»

— Удивляюсь я тебе, Айзек Кроуэлл. Впрочем, что это я. Ты ведь не Айзек, правда? Не больше Айзек, чем те двое были геологами. Этой ночью, Айзек, ты присоединился к своим друзьям...

— Заткнись! — в поле зрения Отто появился второй человек, на правую руку его была наложена шина. — Дайка мне пушку.

Джонатан вложил в левую руку вошедшему оружие, а сам подскочил к Отто, вытащил у него из-за ремня лазер и отпрыгнул назад.

— Он опасен — дай бог! Но мы вырвали его клыки. Возвращаясь в свою контору, Линдэм. Мы с Фицем завершили дело.

Джонатан вышел через парадную дверь.

— Ну, мистер МакГэвин... Я полагаю, вы ошеломлены, что такой «тихоня», как я, припер вас к стене. Да, мы подслушали весь ваш утренний разговор с доктором Норманом... Радиотелефон доктора Нормана не очень исправен, так же, как радиотелефон доктора Штрукхаймера: они оба постоянно работают на передачу — и надо же, транслируют прямо на магнитофон в моем кабинете.

Он двинул лазером.

— Пойдемте присядем в гостиной. Непременно захватите вино. Я с удовольствием присоединился бы к вам, но моя здоровая рука занята.

— Не можете же вы всерьез думать, что вам все это сойдет с рук?

— Тут неподалеку есть большая пыльная яма, самая большая из всех. Боюсь, что доктор Норман и доктор Штрукхаймер тоже последуют туда за вами.

Кроуэлл покачал головой.

— Если от меня не поступит донесение, в вашем порту приземлится боевой крейсер и вся эта чертова планета окажется под арестом.

— Странно, что этого не произошло, когда исчезли первые два агента. Блефуете, МакГэвин!

— Те двое были простыми агентами, мистер Киндл. Я же премьер-оператор,

один из двенадцати на всю Конфедерацию. Можете спросить у Фиц-Джонса, что это означает...

— О чем еще меня надо спрашивать? — Из прихожей появился Фиц-Джонс. — По пути сюда мне встретился Джонатан. Почему он не остался с тобой, Киндл, до моего возвращения?

— Я боялся, что он натворит глупостей, и приказал ему уйти.

— Может быть, ты и прав. Но я не хотел оставлять тебя наедине с этим квалифицированным убийцей.

— Фиц, этот тип утверждает, что он премьер-оператор. Тебе это о чем-нибудь говорит?

Брови Фиц-Джонса полезли вверх.

— Не может такого быть. Планета слишком мала, чтобы удостоиться премьер-оператора.

— Когда агента убивают, мы всегда высылаем премьер-оператора, — сказал Кроуэлл.

— Возможно. Но если так, то я действительно удостоился высокой чести, — Фиц-Джонс отвесил шутовской поклон.

— Хватит препираться, — сказал Киндл, — принесите лучше веревку. У меня рука затекла.

— Блестящая идея!

Фиц-Джонс вышел и вернулся с большим мотком.

— Допейте вино, Айзек. А ты, Киндл, подойди сюда и стань рядом. Если он выкинет какую-нибудь штуку, я не хочу, чтобы ты поджарил и меня с ним заодно.

Когда Фиц-Джонс начал накручивать на Отто веревку, тот раздул грудь и напряг бицепсы. Трюк был старый и не

очень хитрый, но Фиц-Джонс ничего не заметил. Отто обратил внимание, что его просто обмотали веревкой вокруг тела, и он еще раз подумал, что имеет дело с любителями. Они даже не обыскали его.

— Придется несколько часов подождать, мистер МакГэвин. Предлагаю вам соснуть.

Фиц-Джонс вышел на кухню и вернулся, держа в одной руке лазер Отто, а в другой — бутылку содовой. Он подошел к Отто и огрел его бутылкой по голове. Комната взорвалась голубыми искрами, поползла, как желе, и все погасло...

Он уже по меньшей мере час был в сознании и лежал, прислушиваясь, когда Фиц-Джонс подошел к нему и вылил на голову стакан воды.

— Проснитесь, мистер МакГэвин. Уже полночь. Фонари погасли. Мы должны прогуляться.

Отто, шатаясь, поднялся на ноги, старательно раздувая грудь и напряжинивая мускулы, чтобы веревка казалась туго натянутой.

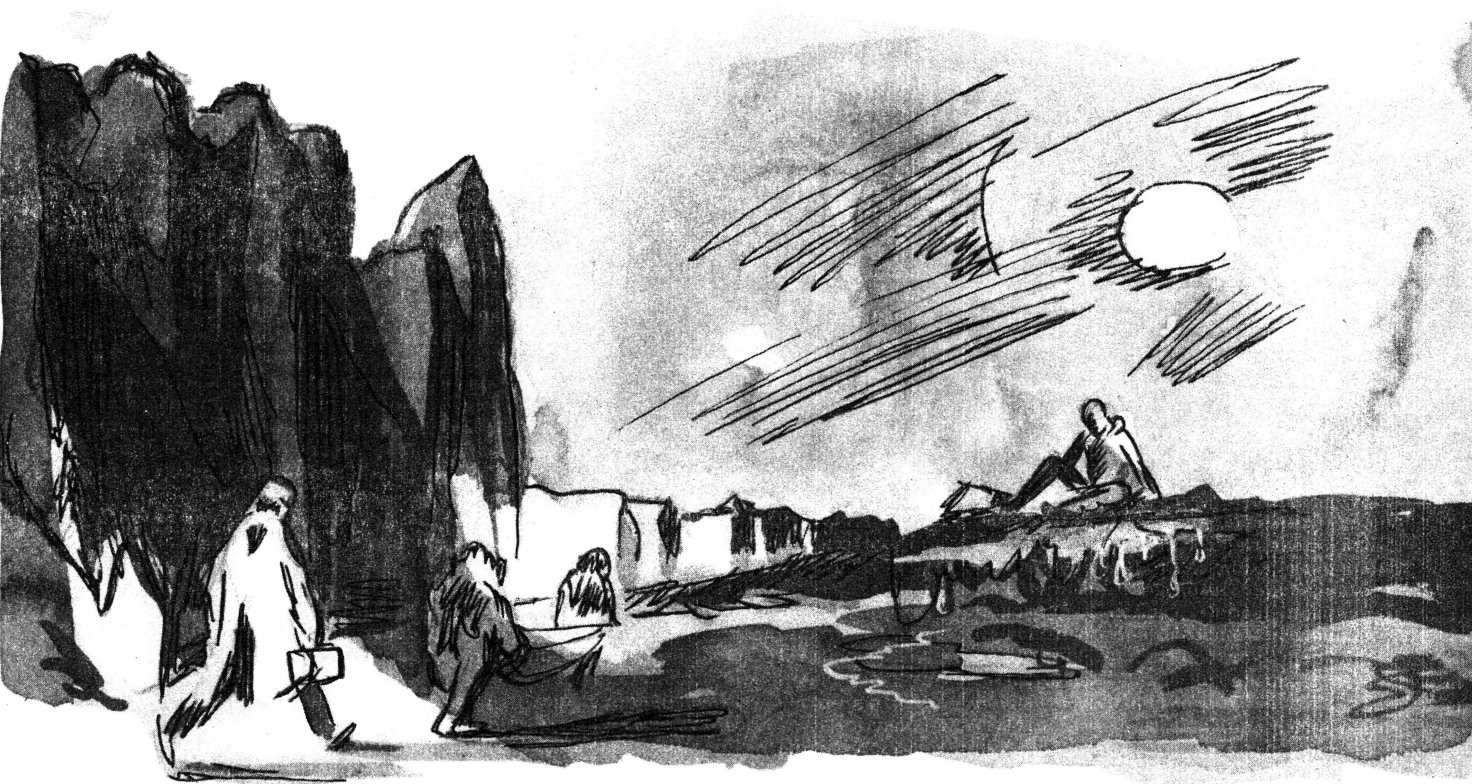
— Кстати, Фиц, у вас есть лишние нарчные очки? — спросил Киндл озадаченно.

— Что? Вы не захватили своих?

— У меня нет привычки таскать их с собой при свете дня.

— М-да, ну тогда я позабочусь об этом... «премьере» сам. Мы не можем пользоваться светом.

— Ну нет! После того что он сделал со мной, я хочу доставить себе удоволь-

ствие лично поджарить его на медленном огне.

— Или свалиться по пути в пыльную яму. Я не позволю тебе надеть очки и выйти с ним в одиночку. Ты же ранен.

— Фиц, он безоружен и связан. И не может видеть в темноте.

— И безоружный, и связанный, и слепой... И все равно он более опасен, чем боевой крейсер под твоим началом. Дискуссия окончена.

— Хорошо, хорошо. Но все-таки позволь мне пойти. Очень уж мне хочется его порешить. Я буду держаться за твой ремень.

Фиц-Джонс бросил взгляд на МакГэвина. Несмотря на серьезность ситуации, тот не смог сдержать улыбки.

— Процессии будет явно не хватать величественности. Я вижу, это забавляет нашего друга. Но так и быть. Ты пойдешь позади меня. Однако если он начнет резвиться, предоставь дело мне.

Они вышли из кухни через заднюю дверь и очутились в крошечной черноте пустыни.

Все молчали, лишь Фиц-Джонс время от времени кратко давал направление. Отто отсчитал триста шагов и слегка сдвинулся влево. Под веревкой он просунул левое предплечье к правому плечу, и левая рука высвободилась из-под витков. Его тело заслонило это движение от Фиц-Джонса.

Он остановился, и Фиц-Джонс ткнул его лазером, указывая направление. Развернувшись, Отто коротко рубанул левой рукой, отчего лазер, кувыркаясь, улетел в сторону, и, прежде чем оружие упало на землю, он нанес второй удар с такой силой, что оба его палача, столкнувшись, рухнули на землю.

Отто услышал, как лазер покатился в пыли, и, едва двое упали, бросился вдогонку за оружием. На третьем шаге рыхлый гравий под ногой разъехался, МакГэвин потерял равновесие и, валиясь набок, сгруппировался, чтобы упасть плечом вперед, но... его плечо не ударило о землю.

Он рухнул в пыльную яму, пыль с легким хлопком сомкнулась над ним, и Отто поплыл сквозь толщу вязкого порошка. Пыль забивалась в ноздри — он еле-еле сдерживал дыхание. Затем его колени ткнулись в скальное дно ямы. Борясь с паникой, он выпрямился в полный рост и вытянул свободную руку вертикально вверх. Отто не мог понять, достигла его рука поверхности ямы или нет. Легкие пылали. Он попробовал пойти в том направлении, откуда свалился, но вдруг осознал, что чувство ориентации исчезло. Тогда он начал двигаться по прямой — годилось любое направление, потому что яма не могла быть больше нескольких метров в диаметре: если бы она была шире, то преступники выбрали бы ее в качестве усыпальницы, — но идти было тоже невозможно, и он опустился на колени и медленно пополз, пока его голова не уперлась в каменную стенку, и начал выпрямляться, толкая тяжелое тело Кроуэлла вверх.

Отто уперся подбородком в край ямы, резко, со свистом выдохнул и жадно втянул воздух. Он приготовился чихнуть, но жестоко прикусил язык.

Неподалеку вопил Киндл.

— Я не вижу! Черт вас возьми! Очки... вы потеряли их!

Фиц-Джонс тонко хныкал, словно скулило маленькое животное. Внезапно красный свет лазера затопил окрестности. Киндл водил им веерообразно из стороны в сторону, используя как прожектор. Глупо. Если кто-нибудь из персонала Компании не спит, их тотчас засекут. Правда, вряд ли кто-то ринется выяснять, в чем дело.

Луч лазера наткнулся на Фиц-Джонса. Тот согнулся пополам и исчез.

Свечение погасло.

— МакГэвин!!! Надеюсь, ты видел? Я знаю, ты где-то прчешься. Но я могу и подождать... Когда рассветет, ты конечный человек...

МакГэвин осторожно выбрался из ямы и размотал веревку, которая все еще охватывала тело слабыми кольцами. Ощупав землю вокруг ямы, он заключил, что лазер Фиц-Джонса, должно быть, все-таки свалился на дно. Но он не собирался лезть за ним.

Примерно в тридцати метрах от него было большое скальное обнажение — Отто приметил его в свете лазера. Медленно, бесшумно он пополз туда, шаря руками перед собой и похлопывая по земле ладонями. Несколько раз его рука нащупывала теплый мягкий тальк пыльных ям, — тогда он огибал их. Наконец МакГэвин добрался до скал и уселся за большим валуном.

Он придирчиво перебрал свой инвентарь. Один вибронож, две руки, две ноги и множество камней. Моток веревки. Все это очень эффективно против безоружного человека. Но против лазера...

МакГэвин устал. Никогда еще за всю свою напряженную жизнь он так не уставал.

«Осталась одна таблетка гравитола, нужно сохранить ее и принять перед самым рассветом».

Шаги... Киндл не настолько безумен, чтобы бродить в темноте... Нет, шаги слишком уверенные.

Это был бруухианин.

Он подошел прямо к МакГэвину и уселся на землю в метре от него. Отто мог слышать дыхание туземца.

— Знаю ли я тебя, друг, который приходит ночью? — прошептал МакГэвин.

— Кроуэлл-кто-шутит, я — Порнууран. Ты не знаешь меня, хотя я знаю тебя. Ты пришел сюда с моим братом, Киндлом-кто-правит. — Бруухианин отвечал тоже шепотом.

— Разве Киндл-кто-правит в твоей семье?

— Да. Священники доверили моей семье честь-традицию принимать в члены высших из людей — Киндла-кто-правит и до него Малатесту-высочайшего.

— Порнууран, можешь ты увести

меня из этого места, прежде чем пустыня станет светлой?

Бруухианин рассмеялся.

— Кроуэлл-кто-шутит, ты действительно наивеселейший из людей. Мои братья и я пришли смотреть человеческий ритуал перехода в «тихий мир». Мы не вправе вмешаться. Священники увидели красный свет в пустыне и послали нас сюда. Может быть, надо помочь отнести «тихих».

— Где твои братья?

— Кроуэлл-кто-шутит, мои наистарший и наимладший братья стоят около их брата Киндла-кто-правит. Он также попросил нас, чтобы мы ответили же в темноте к тебе, но мы не могли нарушить приказ священников.

«Ну спасибо и на этом!» — подумал Отто и вдруг осознал, что различает слабые очертания туземца на фоне более светлой скалы. Он достал коробочку и проглотил последнюю таблетку гравитола. Мгновенно усталость как водой смыла.

МакГэвин выглянул из-за края валуна. Он еще не мог различить Киндла, но это было дело всего лишь нескольких минут: зоря здесь разгоралась быстро. И тогда Киндл не спеша направился к нему.

Внезапно у Отто родился план... Он был вопиюще прост, но и достаточно рискован.

Отто набрал камней и пополз по пустыне с максимальной быстротой, какую только позволяла осторожность.

К тому времени, как его рука нащупала край пыльной ямы, уже достаточно рассвело, и он увидел, как его кисть исчезает в порошке. Отто пошарил вокруг, чтобы понять, как идет край ямы, затем высыпал камни на твердь, положил рядом вибронож и опустился в теплую яму, борясь с желанием немедленно выкарабкаться наружу.

Он сложил камни на краю таким образом, чтобы они скрывали его голову, когда он погрузится по подбородок.

Отто нажал на кнопку виброножа. Клинок вышел только наполовину. Он коснулся его пальцем — лезвие не вибрировало. Должно быть, пыль набилась в механизм. Что же, у него все еще остались лезвие и острие.

Он услышал, как передвигается Киндл — примерно метрах в двадцати от него. Все еще не видя противника, МакГэвин швырнул камень в ту сторону.

Ответом была вспышка лазера. Луч опалил валун, за которым МакГэвин прятался ранее. Он услышал, как лопается камень, и ощутил острый запах озона и двуокиси азота.

— Что, МакГэвин, жарко? Я знаю, где ты, я слышал, как мои маленькие друзья направились к тебе. Лучше выходи и избавь себя от ожидания.

Отто выглянул из-за бруствера и увидел спину Киндла всего в пяти метрах. Если бы нож работал, он метнул бы его. Но два дюйма неподвижной стали годились только для ближнего боя.

МакГэвин сжал нож, тихо выбрался из ямы и легко побежал к Киндлу. Тот орал, обращаясь к валуну, и водил лазером на уровне глаз. Все было просто — даже чересчур.

Вдруг один из бруухиан дернул головой, завидев Кроуэлла. Киндл уловил движение и обернулся. Отто сделал нырок. Луч скользнул по МакГэвину — его плечо и половина лица вспыхнули, — но тут же ушел в сторону. Отто навалился на Киндла, и оба тяжело грянули в пыль. Не видя света от боли и ненависти, в слепой ярости МакГэвин прижал здоровую руку Киндла к земле и — в то время как рыскающий луч бесцельно бил по скале — вонзил нож в спину врага. От толчков нож заработал: лезвие с гудением выскочило до отказа.

Отто встал и тут же почувствовал, как волны боли захлестывают его тело. И вспомнил свои тренировки.

Все еще склоняясь над телом Киндла, он закрыл глаза и принялся за гипнотренинг, который должен был обособить боль, отделить ее от тела и согнать в крохотную точку. Когда боль сжалась в булавочный укол, раскаленный до звездной температуры, он вырвал ее из тела и оставил вонне, в каком-то миллиметре от кожи. Осторожно, осторожно он сел на землю и медленно высвободил те участки мозга, которые не были заняты удержанием боли снаружи.

Отто коснулся лица тыльной стороной кисти, а когда отнял руку, за ней потянулись длинные нити расплавленной пластиплоти. Материал, из которого была сделана его рубашка, испарился, а пластиплоть на плече словно растаяла. Там виднелась его подлинная кожа — воспаленно-розовая по краям, потом красная, вздувшаяся волдырями, и, наконец, в центре раны — черная.

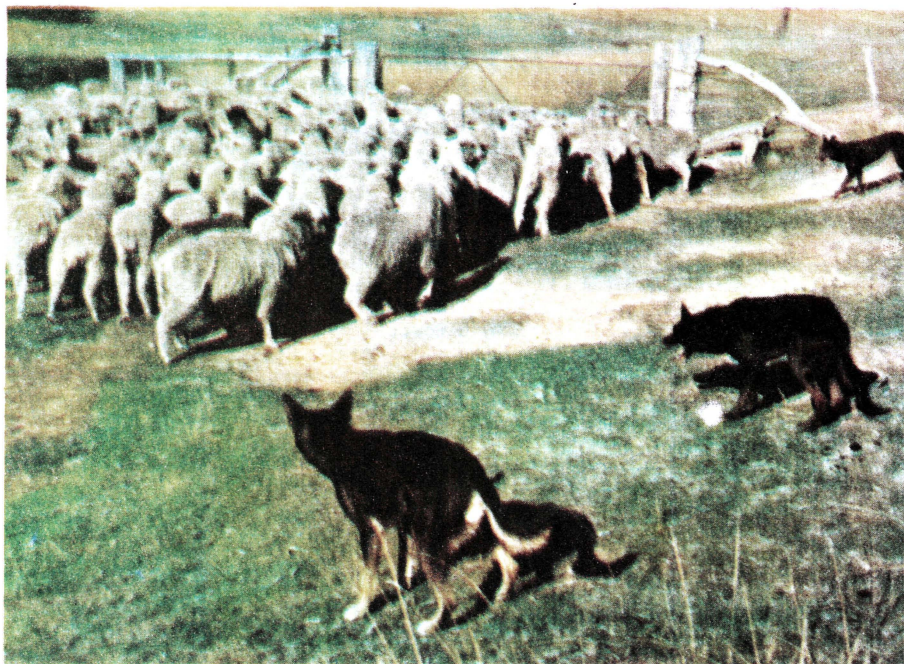
Из-за скал вышли два молодых бруухианина и остановились над Киндлом. Следом появился наистарший. Он приблизился, сильно хромя, и что-то быстро пророкотал, столь быстро, что Отто не уловил смысла.

Двое бруухиан подняли одеревенелое тело Киндла и водрузили его себе на плечи, как бревно. Внезапно МакГэвина осенило, что Киндл, в сущности, не был мертв. Наистарший и наимладший братья переправили его в «тихий мир». Он уставился на рот Киндла, перекошенный от боли, и вспомнил, что Уолдо говорил о клетках, увиденных в микроскоп.

Этот человек был еще жив, но он умирал. И он будет умирать теперь сотни лет...

Еще до полудня доктор Норман с двумя носильщиками отыскал дорогу в пустыне и вышел к Кроуэлла. Перед ними сидел израненный человек. Половина лица его была страшно обожжена, зато другая половина улыбалась.

Перевели с английского
В. БАБЕНКО и В. БАКАНОВ

В. л. КУДИНОВ

НЕЗАМЕНИМАЯ ВЕРНАЯ КЭЛПИ

— **И** вы никогда не слышали о кэлпи? — недоверчиво переспрашивает Майкл Коу. Мы медленно передвигаемся вдоль кип шерсти, подготовленной для продажи на аукционе в Брисбене.

Его вопрос не возник из «ничего». Мы здесь с восьми утра, и все разговоры идут только о шерсти, обо всем, что связано с ее производством: об овцеводстве, ведущей отрасли хозяйства Австралии, о породах овец, об отличии ферм в увлажненных и в полупустынных зонах.

— Так и не слышали ничего? — снова спрашивает Майкл.

— Известно, что это порода австралийских пастушеских собак. Как и все овчарки, они помогают в работе с овцами.

— Ну, знаете... А вот именно о кэлпи?

— Все, что знал, уже сказал. И тем исчерпал свои познания.

— Хотите, попозже расскажу... Без этих чудо-собак овцы неуправляемы. Представьте, что могут сделать несколько человек с тысячной отарой? Впрочем, отложим разговор до вечера. Пятью минутами тут не обойдешься.

Рабочий день был позади, и в номере гостиницы, подведя итоги закупкам, напоминаю Майклу о его обещании.

— С чего бы начать и как изложить существо дела? — начал он. — Я не бог весть какой рассказчик, но постараюсь изложить все, что сам знаю о кэлпи. Заранее извините мне сухость и краткость. Будь я поэтом — написал бы о кэлпи поэму, но я всего лишь специалист по шерсти.

— Одну минуту, мистер Коу, — сказал я, — возьму блокнот. Я хотел бы успеть записать...

— Родом я из фермерской семьи, —

стрижку и обратно в загон. Среди кэлпи есть просто выдающиеся создания, рекордсмены. О них пишут в сельских газетах, журналах. А в Сиднее создано общество по работе с кэлпи, которое изучает сферу использования этих собак.

Как порода, кэлпи относительно молодая. Их прародители вместе с овцами были завезены к нам в прошлом веке из Шотландии. С тех пор эта порода овчарок непрерывно улучшалась в австралийских условиях. В числе «супер-собак» был пес дымчато-пепельной масти по кличке Койл. Он стал героем соревнований в Сиднее еще в 1898 году. В первый день Койл набрал наибольшее количество очков. Но под вечер случилась беда — лапа собаки попала под колесо телеги. Хозяин наложил лубки на перелом. На следующий день Койл отлично выполнил задания второго тура, пробежав на трех ногах

так о собаке, любовь к работе. Кэлпи никогда не повредит овце, даже если та не подчиняется. Эти собаки легко переносят резкую перемену погоды, хорошо приспосабливаются к разным климатическим зонам.

Наиболее ярые поклонники даже считают, что один кэлпи заменяет трех человек.

Я вижу, что вы усомнились, сэр? Напомню, что восемьдесят тысяч кэлпи управляются со ста пятьюдесятью — ста шестьюдесятью миллионами овец. Одна кэлпи приходится чуть ли не на две тысячи этих милых животных.

Единственно, что они получают за свой круглосуточный труд — еду. Но кэлпи не прожорливы, едят умеренно. Конечно, за полтора столетия верной собачьей службы человеку кэлпи заслужили ту толику преувеличений, которые бытуют в семейных легендах. Во многих фермерских семьях помнят самые замечательные истории, связанные с собаками, хотя они происходили не вчера, не в прошлом году, а полсотни лет тому назад.

Слышали бы вы, какие доводы приводят спорщики в пользу любимой масти собак! Одни отдают предпочтение коричневому окрасу, другие — черному. Исходя из масти, владельцы делают выводы о развитии мускулов, быстроте бега, выносливости... Используя последние открытия и достижения науки, полемисты строят рассуждения и гипотезы на базе генетических теорий. К сожалению, научные исследования не всегда подтверждают подобные выводы.

Бытует молва, что в течение многих десятилетий кэлпи скрещивались с динго и лисами. Отсюда, мол, и наличие рыжей и дымчато-пепельной масти, различия в росте от 40 до 50 сантиметров, в весе — от 20 до 25 килограммов.

Мне приходилось слышать, что некоторые собаки просто-напросто гипнотизируют овец. Вы, конечно, понимаете, что это тоже не подтверждено научными данными. Но факт остается фактом: кэлпи — отличные овчарки. Во всяком случае, эти собаки после соответствующей подготовки, воспитания выполняют до пятидесяти различных команд, а отдельные рекордсмены — до сотни.

— Ну и ну, — только и мог вставить я. — Однако вы обещали поведать известные лично вам случаи из жизни кэлпи. Вы ведь из фермерской семьи и, говорите, фермерам-то всегда есть что сказать о своих помощниках?

— Ну что же, — отвечивал Коу. — Для начала я просто не хотел вкрапывать собственные впечатления в тот материал, который, надеюсь, вы и так сочтете доказательным. Правда, незаурядные действия наших семейных кэлпи не зарегистрированы в научной литературе. Но это лишь потому, что мы не удосужились известить об этом соответствующие организации, — лукаво заметил Коу.

он усеял поудобнее, — а фермеры, знаете, любят поговорить.

Овцеводческие хозяйства у нас — традиционно малолюдны. И фермеры уже полтора столетия используют специальную породу собак — кэлпи. Они весьма способны к обучению и, помоему, созданы самой природой для работы с овцами. Масть кэлпи весьма разнообразна — черная, рыжая, коричневая, желтоватая, дымчато-пепельная... При перегоне овец с одного пастбища на другое кэлпи разделяют стадо на части, умеют выгнать из его гуши отдельных животных, провожают их на

дистанцию быстрее всех соперников.

С тех пор демонстрация работы кэлпи с овцами очень популярна на сельских выставках. Широко используются собаки и в научно-исследовательских целях. Сейчас поголовье кэлпи — восемьдесят тысяч. Вот сколько незаменимых помощников у человека. Лучшими, главными качествами этой породы скотоводы считают высокую восприимчивость к дрессировке, привязанность к хозяину, безукоризненное послушание. Немаловажны и ловкость, быстрота, бдительность, неутомимость, безотказность и, если можно сказать

Случай этот произошел лет тридцать назад. Мне уже шел одиннадцатый год. Взрослые нет-нет да и возвращались к этому случаю или скорее событию. Ведь для масштабов фермы именно событием это и было.

Мы с мамой поехали погостить к ее брату. Ферма дяди находилась в самой глубинке штата Виктория. Для меня это было целое путешествие. Я впервые оказался далеко от родного дома и был переполнен впечатлениями.

На четвертый день, как и всю эту неделю, на ферме стригли овец. Пройдя через руки стригала и через мойку, овца по узкому дощатому переходу пробегала в загон, где и прибывалась к остриженным овцам-сестрам. Все шло как обычно. Под вечер открывали ворота загона, чтобы перегнать стадо пастись. Часам к четырем закончили стричь последнюю партию. До сумерек стадо должно добраться до пастбища, весьма отдаленного от фермы. Овцы двинулись, с ними пастух верхом на коне и две собаки, Цезарь и Трикси, шоколадной масти, уже немолодые, опытные. В стаде было что-то около четырехсот овец. Жаркий весенний октябрьский день клонился к закату, никто не обратил внимания на потемневшее небо на горизонте. Часа через полтора хлынул ливень, какого, как у нас говорят, не было с прошлого столетия. Дядя, мать и один из стригалей вскочили на лошадей и поскакали вслед за стадом. Они вернулись часа через три. Овец не нашли.

Ливень свирепствовал всю ночь. Конечно, в нынешние времена, особенно горожане, скажут: четыре сотни овец, две собаки, пастух, да еще на коне! Что ж, овцевод не догадался вернуться? Но для нашей семьи было ясно одно: надо искать человека, овец, собак. С погодой там не шутят.

Как потом выяснилось, гроза застигла стадо в распадке между двумя холмами. Выход один — по узкому деревянному мостику через речушку. Быстро надвинулась темнота. Верховой обогнал стадо, чтобы преградить ему путь к мостику. Ливень усиливался, в распадке начала скапливаться вода, и овцы лавиной полезли по склону, но часть их так и рвалась к мостику. Речушка уже переполнилась, и бурный поток захлестывал мостик. Несколько овец, подталкиваемые бегущими сзади, свалились в воду...

Всю ночь исхлестанный ливнем пастух не мог определить, что же со стадом. К рассвету, удивленный, он обнаружил овец на склоне холма, нависающего над рекой. Собаки были на своих местах, не давая подопечным разбегаться, отгоняя от воды. А если бы не кэлпи?

Пастух рассказывал и рассказывал, жалея, что никто не видел, как орудовали собаки под ливнем, в крошечной тьме, как перетаскивали, гнали овец, собирая их, как помогали выбираться из воды. Уверю вас, при всем вообра-

жении мы все вместе не могли отгадать всего, что было на самом деле. И радовались тоже все — если бы кэлпи не были кэлпи, они могли бы сбросить стадо, убежать на ферму... Пастух на лошади и то в отчаяние хотел было в темноте ударить из ревущей, затопляемой водой западня.

Вот какие они, кэлпи!

Другой случай произошел на зимних каникулах, когда я уже учился на шерстооведа. Помню как сейчас, в июле я поехал на пастбище. Там находилось восемьсот пятьдесят овец. Пастух заболел, и отец послал меня его заменить — пора было перегонять овец. Я прихватил с собой в машину старого кэлпи Монка и молодого Дюка. Поставил машину в тени сарая у пастбища. Едва выйдя из машины, попал в заросшую травой яму... И вывихнул обе ноги. Падая, к тому же сильно ударился головой о камень в траве. Сколько времени пролежал без сознания — не знаю. Очнулся оттого, что собаки лизали лицо. Ноги болели нестерпимо, невероятно распухли, голова раскалывалась от боли.

Чем яснее становилось мое сознание, тем острее я понимал, что попал, прямо скажем, в затруднительное положение: и я и машина скрыты от дороги сараем. Пытался сесть в машину и запустить мотор. Изнемогая от боли, взобрался на сиденье. И тут обнаружил, что нет ключа. Ползал по траве, ощупывал каждый дюйм. Нет ключа.

Вечерело. Родители знали, что я собирался заночевать у знакомого фермера, с сыном которого мы дружили. Пока не стемнело, я дважды посылал Монка на шоссе с заданием привезти кого-нибудь. Он не был обучен этому, степной рабочий пес. И я старался путем совмещения привычных команд внушить ему то, что мне было нужно. Я понимал, что на дороге если кто и появится, то случайно. К тому же какой житель этой глуши захочет понять чужую собаку, да еще и остановиться?

Монк по команде умел найти на нашей ферме отца, мать, нескольких пастухов, моих сестер и братьев. Знал Монк еще и десятка два других команд. Но незнакомого, просто «человека Икс» никогда не искал.

Словом, минут через сорок после первой попытки пес вернулся. Чувствуя себя виноватым в чем-то, он повизгивал, ластился ко мне. После второго набора команд Монк пригнал ко мне двух овец...

Стало совсем холодно, да еще меня знобило от боли. Пытался устроиться в кабине — все болит. Пришлось заползти под машину.

Пока я занимался с Монком, Дюк прижимался ко мне, обогревал. Затем привалился всем телом и Монк. Когда я ворочался, оба кэлпи волновались, тыкались носами в бока, вроде пытались помочь. Я наконец забылся. Проснулся оттого, что понял: собак рядом нет. Позвал их. Никого. Я забес-

покоился, хотя понимал, что кэлпи без команды не оставляют хозяина.

Лежал я под машиной, замерзший, обессиленный. Правда, успокаивал себя: если не вернусь к полудню домой, отец отправится за мной к соседям. Добраться ползком до дороги — больше мила — я пока не пытался, откладывая на крайний случай. И тут услышал лай в два голоса.

Через две-три минуты я увидел колеса подъехавшей автомашины, потом ноги человека...

— Доброе утро, сэр! — закричал я. — Осторожнее, здесь полно ям.

— Вон куда вы спрятались! А я-то думал, чьи это кэлпи? Миль пять-шесть пробежали за машиной, пока я не остановился. Тут один пес уперся лапами в передок машины, а другой так и рвется в кабину. Я и понял: что-то не то. Повернул, поехал следом...

Думаю, что ничего не нужно добавлять о Монке и Дюке. Не правда ли: кэлпи есть кэлпи! — заключил Майкл Коу...

Два месяца спустя рассказы Коу я вспомнил на ферме, в штате Новый Южный Уэллс. Мы отправлялись в поездку по пастбищам, и овцевод, сев за руль битого и поцарапанного «доджа», что-то крикнул. Из пяти-шести кэлпи, лежавших в тени дома, вскочили две черные, с рыжими подпалинами, белогрудые собаки. Первая прыгнула на капот. Вторая оказалась на лошади, на которой уже сидела дочь фермера.

Пастбище... Овцы отбежали и остановились в сотне метров.

После команды фермера кэлпи рванулись к стаду, обходя его с противоположных сторон. Среди овец возникло замешательство. Шарахаясь от кэлпи, они сбились в плотный круг. Самых строптивых собаки легонько покусывали за ноги, насакивали на них грудью, пугали рычанием, лаем.

Фермер успокоил меня — кэлпи никогда не «испортят» овец. И в какой бы степени гнева или азарта ни были собаки, они всегда деликатны со своими подопечными. Через две-три минуты стадо было перед нами. Овцы стояли, положив головы на спины друг другу. Стоило какой-либо из них попытаться выскочить из круга, собака немедленно водворяла ее на место...

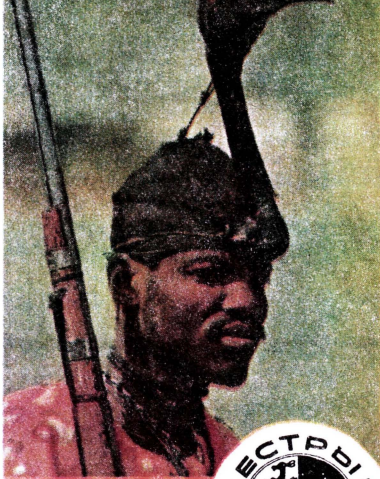
Еще раз прозвучала команда. Один из кэлпи вскочил на плотно сбитую отару и по спине пробрался к двум животным, которых нужно было отделить от стада. Через несколько минут овцы были погружены в «додж».

Выслушав похвалу в адрес своих помощников, фермер улыбнулся. Тренировал-то собак он! Всем известно: каков хозяин, такова и его собака...

Этот человек не был знаком с Майклом Коу, даже не подозревал о его существовании. Но вновь я услышал уже знакомые слова:

— Кэлпи есть кэлпи, сэр! И этим все сказано.

Брисбен — Москва

ПОД ЗНАКОМ ПТИЦЫ

Некогда кому-то из нигерийских эмиров пришла мысль ввести знаки различия для отдельных подразделений дворцовой свиты. Поскольку решить проблему погон и петлиц в жарком климате было сложно, эмблемами стали служить головные уборы. Например, лейб-знахарям было предписано носить темно-синие турбаны, шутам — алую чалму, звездочетам-предсказателям — шапочки, украшенные белыми перьями. А телохранители получили парадные пилотки с чучелами птиц — символом бдительности при исполнении служебных обязанностей.

ПАМЯТЬ О ДОМЕ

На протяжении веков моржи снабжали гренландских эскимосов всем необходимым для жизни в суровых условиях Арктики. Заквашенное мясо служило основной пищей и людям и собакам. Жиром топили и освещали жилища. Из шкур изготовляли каяки. Пленки желудка вставляли в окошки. Из кишок шили непромокаемую одежду. Клыки служили превосходным материалом для всевозможных поделок, в том числе и для амулетов. Отправляясь за моржами, эскимос обязательно брал с собой такую вот подвеску из кости, которая служила как бы напоминанием богам: охотнику нужно обязательно вернуться домой целым и невредимым; на берегу его ждут женщины трех поколений — мать, жена и дочь; чтобы накормить их, нужна богатая добыча.

НЕРАЗЛУЧНЫЕ ДРУЗЬЯ

Известно немало удивительных примеров нежной дружбы, возникающей между различными животными, иногда животными-антиподами. В мире и согласии живут кошки и собаки, в некоторых зоопарках можно видеть связанных узлами добрососедства пантер и лошадей, антилоп и львов. Вот и в Лос-Анджелесском зоопарке живет одна необычная пара.

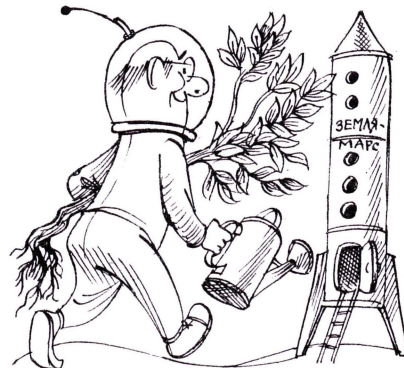
Совершенно неожиданно у орангутана Ка Джи проснулись прямо-таки отцовские чувства по отношению к белому пуделю Каспару. Каждый день Ка Джи заботливо выводит своего подопечного на прогулку на поводке, а иногда бережно купает его. Надо ли говорить, что Каспар платит другу нежной привязанностью и даже кратковременную разлуку с ним переносит очень болезненно.

САДИК НА МАРСЕ

Планетарий в городе Боулдере (штат Колорадо, США) начал дешевую распродажу участков земли... на Марсе. Стоимость тысячи акров — всего 20 долларов. Земля, по заверению директора планетария Дэвида Аджикара, очень плодородная. Участки располагаются в марсианском кратере размером со штат Техас.

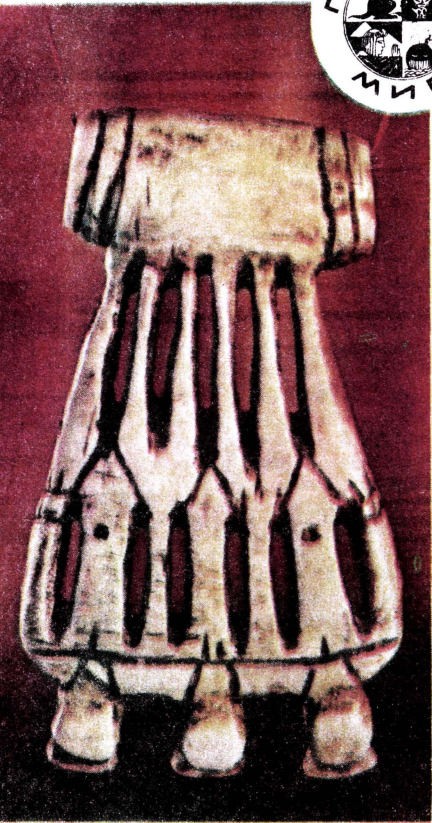
Дела администрации планетария идут плохо: за шесть месяцев кассу пополнили 15 тысяч долларов. Требования на сделку поступают даже из таких неблизких мест, как Япония. Контрактная документация, составленная любителями наживы, включает в себя карту Марса, страховой полис на совершение межпланетного перелета и даже инструкции по гигиене.

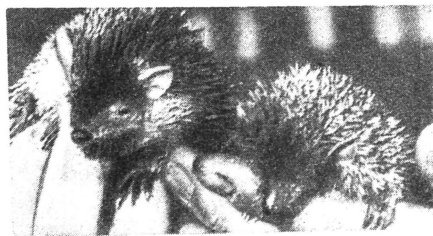
Неужели так много легковерных людей, которые всерьез полагают, что здесь все чисто и что в скором времени на Марс действительно может добраться любой желающий?! Легковерных хватает. Легковерных и... близоруких. Мало кто обращает внимание на приложенный к контракту документ, напечатанный микроскопическим шрифтом, который официально предупреждает покупателя, что если он в течение двадцати лет не посадит хотя бы одно дерево (!?) на приобретенном участке, то потеряет на него право, и земля вернется в первобытное, «до-частновладельческое» состояние.

ЛЮДИ-ПЧЕЛКИ

Мексиканские «тлачикерос» — люди несколько необычной профессии, их занятие можно сравнить с деятельностью пчел. Они извлекают из растения магуэй (один из видов агавы) сладкий сок. Единственное орудие тлачикерос — «кокота», заостренная на конце трубочка длиной около 50 сантиметров. Именно с ее помощью и добывают из агавы сок, содержащий до 12 процентов сахара. Соку дают перебродить и затем вырабатывают из него популярный в Мексике напиток — пульке.

ИГОЛЬЧАТЫЕ КРОХИ

На первый взгляд это ежи, только крошечные — значительно меньше тех, что живут в наших лесах. В действительности перед нами не ежи вовсе и не ежовые детки, а взрослые дикобразы — достопримечательность Стокгольмского зоопарка. Родина этих миниатюрных зверьков — остров Мадагаскар, но там их осталось ныне совсем немного. Если не будут приняты срочные меры по защите малюток дикобразов, то эти невинные создания навсегда исчезнут с лица Земли.

КТО КОМУ МЕШАЕТ?

Полвека назад бобры, которые считаются одним из национальных символов Канады, находились в этой стране под угрозой вымирания. И вот — «перемена минуса на плюс», столь характерная для экологических ситуаций XX века: в наши дни бобры сами... превратились в стихийное бедствие для некоторых районов. Эти животные грызут не только деревья и кусты, но и кабели. Из-за бобров нередко срываются телефонные переговоры, выходят из строя линии коммуникаций между вычислительными центрами. Плотины грызунов на реках вызывают множество локальных наводнений.

В чем же дело? Бобры будто прочли Красную книгу и стали селиться ближе к городам: человек, мол, не больше теперь опасен, тогда как естественные враги грызунов — волки, медведи, выдры — цивилизации, естественно, сторонятся. Например, в прошлом году только в окрестностях Оттавы и даже на окраине столицы отловили свыше тысячи бобров. Охотники, конечно, пользуются открывшейся возможностью, но, похоже, «в лоб» решить проблему не удастся: бобры плодятся необыкновенно быстро. Нужны иные — разумные — меры.

Рисунки В. ЧИЖИКОВА

ПРОПУСК — УДОЧКА

Озеро Кавагути в Японии всегда было излюбленным местом отдыха для жителей города Кавагути, а уж любителей рыбной ловли на его берегах не счесть — и летом и зимой. В прошлом году владельцы одного из отелей, расположенных близ озера, пошли навстречу рыцарям крючка и лески, построив для них судно... в форме огромной рыбы. Судно прогулочное, однако не каждый может на него попасть: на борт допускаются только люди с удочками. Из окна салона могут одновременно ловить рыбу двенадцать человек.

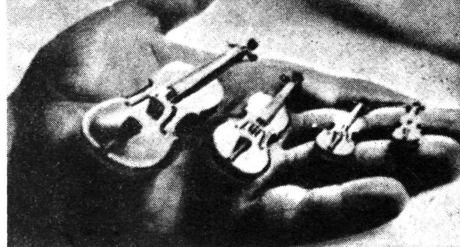
ГОРЕСТИ УНОСЯЩИЙ, ПРОБЛЕМЫ ПРИНОСЯЩИЙ

Запуск воздушного змея во многих странах не просто забава, часто это спорт, соревнование, переходящее в настоящую воздушную баталию.

В Новой Зеландии маори запускают змея над деревнями для того, чтобы показать, что у них все спокойно и хорошо. Если змей, не дай бог, оторвется и его унесет ветром, — это считается дурным предзнаменованием, и жители в беспокойстве отправляются на его поиски, иногда за многие километры.

В Южной Корее, напротив, любят, когда ветер заносит змея неизвестно куда. Они выписывают на полосках бумаги все свои невзгоды и горести и отправляют вместе со змеем в небо. Потом бечевку перерезают, и горести улетают прочь.

В Японии змеев запускают в таких количествах, что они представляют угрозу линиям электропередачи. Министерство энергии каждый год тратит колоссальные суммы, чтобы освободить провода от отягчающих их «игрушек».

СКРИПКИ ДЛЯ ДЮЙМОВОЧЕК

Скрипки завода музыкальных инструментов «Регин» в Румынии завоевали отличную репутацию во всем мире. Половина продукции идет на экспорт. Среди рабочих завода есть виртуозные мастера-ювелиры. Один из них изготовил серию мини-скрипок, руководствуясь, вероятно, тем же принципом, что и знаменитый тульский Левша, который «аглицкую блоху на подковы подковал». На этих скрипках можно играть, вот только с исполнителями будет трудно...

ЛИСТАЯ СТАРЫЕ СТРАНИЦЫ

УПРАВЛЕНИЕ ПО РАДИО

Над одним из японских городов пронесся аэроплан. Пролетая над почтамтом, самолет сбросил мешок с письмами. Самолет, конечно, может забрать с собой мешок с письмами и сбросить его где угодно. Удивительно тут вот что: на аэроплане не было ни одного человека. Значит, кто-то на расстоянии управлял его полетом и заставил в нужный момент сбросить мешок.

Вы, конечно, догадались, как это было сделано: это было сделано радиоволнами.

Опыты с радиуправлением были проделаны и в других странах: в Англии, Америке, Франции, Италии... В Америке управляли по радио кораблем, во Франции с Эйфелевой башни — подводной лодкой, в Англии — танком. Придуманы радиосуда, вся передняя часть которых начинена взрывчатыми веществами. Эти суда, на которых нет ни одного человека, должны нести прямо на корабли противника. При столкновении с вражеским дредноутом такое суденышко, конечно, взорвется и от него не останется и следа, но оно для того и построено.

Имеются сведения об изобретении летающего фотоаппарата, автоматически снимающего местность, над которой он пролетает. Этим фотоаппаратом также управляют по радио.

С радиосудами, радиосамолетами и радиотанками можно, конечно, бороться, как и с простыми судами, самолетами и танками. Но можно бороться с ними и особым способом: посредством того же радио. Ведь они все покорны радиоволнам. Можно словить радиоволну, определить ее длину и послать со своей радиостанции волны той же длины.

Изобретатели стараются сейчас зашифровать радиуправление. Устраняют радиосамолеты так, что они покорны только меняющей свою длину радиоволне, и не всякой меняющейся волне, а меняющейся по какому-нибудь заранее выбранному способу.

Но, наверное, и против такого радиуправления найдут способы борьбы. Ведь нет такого замка, к которому нельзя подобрать ключ.

«Вокруг света», 1933 г.

ТРУДОУСТРОЙСТВО

3дравствуй, милый, — сказал женский голос. — Ну, как ты? — Осваиваюсь, — сказал я, совершенно пока не представляя, как нужно интонировать речь, и поэтому стараясь говорить тихо, словно бы с перехваченным от волнения горлом. — Забот — прорва. Как твоё самочувствие? Скучаешь?

В разговор я входил с привычной осторожностью, как входит в утреннее море ранний купальщик — пробую ногой воду. Правой рукой я нажал клавишу «АДРЕС». На экране справа возникло изображение молодой женщины с заплаканными глазами и побежали красные строчки текста: «Генриетта Слайт 28 лет чертежница проектного бюро фирмы «Доу Кемикал» муж Тибальт Слайт ОСВОИТЕЛЬ БРО 384918 от правлен тридцать дней назначение Титан основная специальность наладчик компрессорных установок социальный статус безработный последнее место работы...»

Я впитывал глазами стремительно бегущую информацию, а пальцы уже автоматически набрали на клавиатуре «БРО 384918»: на экране слева появилась фотография мужчины, а в левом наушнике зазвучал хриловатый, с легким южным акцентом голос: Тибальт Слайт, чуть-чуть растягивая «а» и «у» и смягчая «л», читал контрольный текст (все Освоители удивляются, зачем перед от прав кой их заставляют произносить эти десять бессмысленных, фонетически громоздких фраз). Имитировать речь Слайта было просто.

— Конечно, скуучаю, — кусая губы, говорила женщина. — Какой у тебя странный голос... Далекий и... чужой... Мне страшно, Тиб!.. Вдруг мы больше не увидимся?.. Строчки все летели и летели по экрану. Здесь было все, что требовалось оператору знать о жизни Тиба Слайта: когда и где родился, чему и с кем учился, отец, мать, бабушки, дедушки, сын (Мики, 4 года), особые приметы друзей, даты и места свиданий, излюбленные словечки и так далее и тому подобное...

— Ну что ты, Гетти! Вот увидишь, все будет хорошо. Придет время, и ты телепортируешься ко мне. Вместе с мальшом. К тому времени мы уже построим купол, и в поселке можно будет жить куда роскошнее, чем на Земле.

— Я так хочу этого, Тиб! Но у меня жуткие предчувствия... Мой номер в очереди — 409846. Это значит, ждать больше года...

И потом... Всею месяц, как ты вошел в кабину телепортации, а уже изменился. И голос неровный. И назвал Мики мальшом, хотя всегда звал Человечком... Мне страшно, Тиб!..

Осеяка! Надо быть осторожнее. В нашей работе срывы недопустимы: хуже нет, чем посеять в людях недоверие к ТП.

— Успокойся, Гетти! Все будет хорошо. Какие новости?

— Не новости, а сплошной кошмар! Цены растут с убийственной скоростью. Чтобы поговорить с тобой, я весь этот месяц отказывала себе и Мики буквально во всем, да еще залезла в долги... Жить в Ньюстоне совершенно невыносимо. В воздухе смрад, питьевая вода подается уже не два часа в день, а час... Подумать только, в городе уже двадцать пять миллионов человек! И половина безработные. И так по всей Америке. Драки, убийства, грабежи, погромы... Как хорошо все-таки, что придумали телепортацию и можно безо всяких ракет отправляться на Дальние Рубежи. Люди записываются в Освоители десятками тысяч — как правило, конечно, безработные. А Рубежи все отодвигаются... Поговаривают, что через два-три месяца введут ТП новых направлений — на спутники Урана и Нептуна...

Я с воодушевлением говорю о Рубежах, голосом Тиба Слайта расписываю трудности и надежды Тиба Слайта, от прав ленного на Титан, а сам поглядываю в левый верхний угол экрана, где электронные цифры отсчитывают время беседы. Еще 45 секунд — и все: пятиминутный разговор стоимостью две тысячи долларов закончится. Можно будет выскочить в комнату отдыха и на полчаса расслабиться. Все-таки у операторов очень напряженная работа. За какие-то мгновения вживаться в образ совершенно незнакомого человека, говорить его голосом, вспоминать его памятью, мыслить его мыслями. И еще эта проклятая секретность! Не дай бог проговориться — хотя бы и в бреду, — что никакой телепортации не существует, что Дальние Рубежи — это страшная сказка. Опомнись не успеешь, как сам окажешься в ТП-кабине. И безо всякой очереди.

Я, конечно, по долгу операторской службы обязан многое знать и многое понимать. Не понимаю я одного: как же все-таки устроены ТП-кабины? Ведь там люди на самом деле исчезают без следа...

ПОКА НЕ ПОШЛИ ДОЖДИ

Бирманские крестьяне держат разную живность. Есть в хозяйстве свиньи, утки, но главным среди домашних животных был и остается буйвол. За ним и уход особый, его рога на праздники украшают лентами и колокольчиками. Ведь буйвол — кормилец. Без него ни поля вспахать, ни груз перевезти. А буйволица дает молоко — не очень много, правда, зато жирное и вкусное.

Когда прошел сезон дождей и зазеленела длинная долина Иравади, рацион буйвола состоит из свежей травы. Разнообразят его листвою и молодыми веточками дерева чжоей, очень сочными и нежными. Буйволу за ними не дотянуться, поэтому мальчишки каждый день забираются повыше на дерево, чтобы к приходу буйвола с поля нарезать свежих веток.

Безжалостное тропическое солнце выжигает траву, и над желтой долиной поднимается пыльное марево. Листья чжоей, такие нежные вначале, разрастаются и становятся жесткими. И буйвол равнодушно от них отвернется. Тут заканчивается обмолот риса, и в меню входит новое блюдо — рисовая солома. Она довольно питательна, и буйвол ест ее с удовольствием, как бы понимая, что одними деликатесами (когда еще появятся молодые листья чжоей!) не прокормишься.

Только солому на буйволиное питание надо правильно запастись. В долине в среднем течении Иравади, в округе Магуэ, по берегам притоков Йин и Моун, рисовую солому хранят на деревьях. Необходимо умело разместить ее на ветвях, чтобы легала не слишком плотно, но и не чересчур рыхло. Где веревкой подвязать, где ветку подложить, чтобы не рухнула копна. Солнце иссушает только верхний слой, и он служит крышей для остальной массы. Ветер поддувает со всех сторон, и солома остается гибкой и упругой. Да и мелким грызунам, которым эта еда не положена, не добраться: между землей и ветвями — голый ствол. К тому же, на ближайших восьми месяцах — до начала сезона дождей — отсутствие осадков гарантировано, так что можно не опасаться, что солома намокнет.

Тает копна, обнажаются ветви, и все чаще буйволы поглядывают на вершину дерева чжоей, где появляются узкие нежные листья и сочные побеги.

Но это будет не так скоро. Почти восемь месяцев надо жевать солому и ждать, пока не пойдут дожди.

Л. ОЛЬГИН

В номере использованы материалы Фотохроники ТАСС.

Наш адрес: 125015, Москва, А-15, Новодмитровская ул., 5а. Телефоны для справок: 285-88-83; отделы: «Наша Родина» — 285-89-83; иностранный — 285-89-56; науки — 285-89-38; литературы — 285-80-58; писем — 285-88-68; иллюстраций — 285-89-36; приложение «Искатель» — 285-80-10.

© «Вокруг света», 1983 г.

Сдано в набор 07.12.82. Подп. к печ. 18.01.83. А05018. Формат 84×108¹/₁₆. Печать офсетная. Условн. печ. л. 6,72. Учетно-изд. л. 11,5. Тираж 2 850 000 экз. Заказ 2064. Цена 80 коп.

Типография ордена Трудового Красного Знамени изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, Сущевская, 21.

82

ВЕНГРИЯ

БЮРО МЕЖДУНАРОДНОГО

МОЛОДЕЖНОГО ТУРИЗМА

Цена 80 коп.

Индекс 70142

ISSN 0321 — 0669